

Щетинин М. П.

Объять необъятное: Записки педагога.

Прасковье Георгиевне и Петру Михайловичу Щетининым, моим родителям, посвящаю

МЕЛОДИЯ ДЕТСТВА

Дети... Наша боль, наша радость, наша надежда... Позовите своего сына, дочь, посмотрите им в глаза. На вас смотрят столетия... Бережно передавались эти глаза от поколения к поколению.

Я пишу, и они встают передо мной... Доверчивые и настороженные, лукавые и грустные, испуганные и дерзкие. Вот опять смотрят: «Ты мне поможешь?» — «Да, да, конечно».

С одной лишь мыслью помочь я и пишу. А чтобы помочь, надо знать. Одному человеку не постигнуть бесконечности своего «я». Надеюсь, что наш скромный опыт сольется с опытом других.

С чего все началось? Бегу на главпочтамт. Торопливой рукой на бланке «телеграмма» пишу как песню: «Я студент второго курса». Кто бы мог подумать, чтобы в Саратовское музыкальное училище, да еще сразу на второй! Я поверил, что могу. Усвоив еще в музыкальной школе от мудрого моего учителя Георгия Георгиевича Чендева истину: в искусстве последним быть нельзя, иначе зачем быть, — я «гонял» гаммы, играл этюды, разучивал пьесы. «Работать, работать и работать.» — твердил я себе по утрам, вставая нередко в 3—4 часа, чтобы никто не мешал, и было нас только трое: я—баян—музыка. Кто в юности не мечтал прожить так, чтобы «след оставить», совершить несовершенное, открыть неоткрытое? Думаю, что все. Я работал по 8—10, иногда по 12 часов в сутки только на инструменте. Юношеское честолюбие, помноженное на труд и музыкальные задатки, было основой будущих успехов. Главное, я верил. Но вот в классе сольфеджио молодая учительница вынесла приговор: «У вас очень слабый слух (я нередко писал музыкальные диктанты на «два»), трудно вам будет». Слабый? А как его сделать сильным? Работа? Это я могу. И снова бесконечные занятия, только теперь уже по ночам (чтобы лучше слышать), у рояля. К концу второго курса у меня обнаруживают... абсолютный слух. Не может быть, у меня—абсолютный?! Нет, все правильно, я стал слышать без настройки точную высоту любого звука. В журнале против моей фамилии постоянно отметка «пять». А в сердце радость: я могу! Работа, работа, работа... Учитель по специальности доволен: самостоятельное мышление, но надо работать больше над техникой. Еще больше? И снова—гаммы, этюды...

Февраль 1964 года, я на четвертом курсе, скоро гос. экзамены. Но что это? Рука... Болит правая рука. «Пройдет.» — думал я. Нет, боль не прошла. Теперь болит уже и левая. «Смените профессию, — говорит спокойно врач, — это у вас профессиональное...» Вот и все. «Талант—это любовь. Талант—это труд, бесконечная работа над собой» — так учили нас наставники. Но ведь я любил музыку и трудился, как никто другой! Значит, надо любить и

трудиться иначе. Но что значит «иначе»? «Человек может все!» Я не смог. Значит, не дано. Не дано. Кем «не дано»? Каждый нерв, каждая клетка моего организма яростно протестовали.

Не осуществив мечту детства, я приобрел сто мучительных «почему?»: что может человек? Где границы человеческого «могу»? Нельзя ли их раздвинуть? Если можно, то как?.. Все, что бы ни делал, что бы ни читал, рассматривалось мною через призму поставленных вопросов. Предположив, что причины моей неудачи в неправильной организации труда, я штудировал методики обучения игре на музыкальных инструментах.

Позже, в Кизлярской музыкальной школе, я убедился, что ни одна методика не гарантирует от неудач. По-прежнему у одних учеников получалось, а у других—нет. У одних крепились мастерство и вера в себя, росла любовь к музыкальному искусству. У других—постепенно росли сознание своего бессилия и неприязнь ко мне, преподавателю, и к музыке. К концу учебного года в классе отсеялись. Потеряв веру в себя, в учителя, ученики уходили. Уходят... «Уходят потому, что ты не можешь помочь», — думал я. Где же золотое зерно истины? Какой должна быть методика преподавания, чтобы каждый ученик раскрыл свои природные возможности?..

Я вижу твои глаза, я не забыл их, помню, как будто это было вчера. Ты пришел, потому что верил мне, ты старался сделать все так, как я тебе говорил, ловил каждое мое слово. Мы вроде бы справлялись с программой, но гасли твои глаза, отчего становилось беспокойно на душе. Не скрою, приходила спасительная для честолюбия мысль: «Я делаю все, отдаю ему время, силы, здоровье, а у него не выходит, значит, он не способен. У других же все идет успешно...» Учитель, как часто произносим мы эту формулу в момент своей слабости, педагогической несостоятельности. Как легко свалить вину на природу, особенно когда никто не возьмется проверить, так ли уж виновна она. Да и как проверить то, о чем почти не имеешь представления?! Природа человека... Что это? Два слова без ясного смысла, обозначение неосознанной, предполагаемой реальности?

Тогда я отступил, устал... Нет, не устал (зачем искать оправданий?), я просто сдался. Не хватило веры в тебя, не хватило силы духа понять тебя. Ты ушел... Но беспокойство, тревога остались.

Ко мне пришел другой ученик, другие глаза с надеждой глядели на меня. И я почувствовал, что снова обманываю и его, и себя. Мы учимся на авось, ориентируясь на то, как делал тот, у кого «вышло». Но ведь тот, у кого «вышло», другой. Я понял, что мой метод, метод проб и ошибок, — от незнания главного—твоих возможностей.

С той поры я прочел много книг, написанных о человеке и его природе. Но сведения нередко противоречили друг другу. С педагогами Кизлярской музыкальной школы мы решили выяснить (насколько это было возможно в наших условиях), в чем отличие тех, у кого «получалось», от тех, у кого «не получалось». И причину успехов или неудач искали именно в этом отличии. Каковы интересы наших учеников? Чем они любят заниматься и хотели бы заниматься в свободное время? Каков их режим дня? Что они успевают сделать за неделю? Чтобы выяснить это, мы составили различные анкеты.

Данные исследования вначале разочаровали нас. Учащиеся «сильных» групп, казалось, не имели какого-либо яркого отличия от «средних» и «слабых». Мы уже стали думать, что наша затея ни к чему не привела. Но, перебирая еще и еще раз анкеты, мы вдруг обнаружили, что отличие есть. Оно заключалось в широте, количестве и глубине «побочных» интересов. А что если

успехи в музыке зависят в большей степени от уровня общего развития человека, нежели от каких-то особых, отдельных музыкальных способностей? Может быть, и

не бывает способностей в одном без способностей во многом? Мы нашли еще одно подтверждение этому предположению, когда сопоставили результаты обучения одних и тех же учащихся в музыкальной школе с их успехами в общеобразовательной. Оказалось, что из 100 процентов наших отличников и «хорошистов» 98,3 процента учились на «4» и «5» и по общеобразовательным предметам.

Молодость часто покоряет вершины только потому, ЧТО она не успела узнать, что вершины эти недостижимы? Мы были молоды. Мы тогда не говорили: «А может быть...» Мы поверили: способность к одному виду деятельности складывается из многих способностей к другим. Талант – это синтез множества талантов. Значит, задача развития одной способности должна быть одновременно и задачей развития «побочных» способностей. Для того чтобы воспитать специалиста, надо, следовательно, помимо заботы о специализации развивать «человека вообще», человека в целом... Нужен был эксперимент. .

Мы решили взять группу так называемых музыкально малоодаренных, то есть в обычном смысле бесперспективных учащихся, и, влияя на формирование «побочных»! интересов, проследить, скажется ли это на качестве их музыкального исполнительства.

Первое время мы почти отказались от обычной формы урока по специальности. Читали стихи, писали рассказы, делали зарисовки, играли в спортивные игры, ходили в туристские походы на Терек, в лес, слушали у ночного костра таинственные истории. Музыкальные занятия были не основной частью нашей работы. На уроке нередко играл я сам, а ребята слушали. Тому, у кого «не получается», очень трудно, почти невозможно сохранить желание учиться. Поэтому, как самое драгоценное, берег я в них чувство любви к музыке. Главное—жизнь, рассказ о ней, о своих впечатлениях средствами музыки. Были уроки без единого музыкального звука, только горячие, возбужденные споры о чем-то на этот раз более важном, чем игра на инструменте.

Так прошел первый год. Во второй класс перешли все. На экзаменах мы выглядели не хуже других. А результаты второго года обучения превзошли даже наши ожидания. Уже зимой и весной на академическом концерте ребята—в числе лучших. А впереди третья весна, конкурс на лучшее исполнение музыкальных произведений. Решили готовиться все. На конкурсе учитывались культура, эмоциональность и, конечно, техника исполнения и сложность произведений. Мы пошли на риск: взяли пьесы очень высокой сложности. К тому времени у учащихся окреп интерес к музыке, появилась вера в свои силы. Мы много играли: музыкальный материал менялся к каждому! уроку. У нас было твердое мнение:

одно и то же нельзя давать два урока подряд, надо беречь чувство, свежесть восприятия, внимание. Быстро играть, быстро двигать пальцами—значит быстро мыслить. А какое может быть мышление во время нудно-однообразных бесконечных упражнений?! Походы с ночевкой в лес или к легендарному Тереку, рассказы о прочитанном, споры, стихи у костра, игры, по-прежнему занимали большое место в нашей жизни. Каждый рос как личность. Это было главное.

И вот, наконец, конкурс «Белая акация». Какими словами передать то, что мы испытали, когда жюри единогласно решило все призовые места отдать представителям нашего класса? Все призовые места наши! Победа!

Как сейчас вижу, подходит ко мне заведующий отделением народных инструментов и говорит: «Этого не может быть... здесь что-то не так...» Он выжидательно смотрит мне в глаза, ища ответа, надеясь выведать некую тайну. «Как вы работаете над пьесами?» — «Мы работаем над человеком».

Я вспомню это «не может быть» спустя десять лет, когда группа работников народного образования из Кабардино-Балкарской АССР, посетив среднюю школу-комплекс в Ясных

Зорях—прямое продолжение Кизлярской музыкальной, — оставит запись в книге отзывов: «То, что мы увидели в Яснозоренской школе, этого не может быть...» А учитель из Северодонца, прочитав о нас, напишет мне гневные строки: «Вы вводите в заблуждение людей, утверждая, что человек может все! Сколько трагедий, неудовлетворенности, разбитых надежд оставит после себя этот красивый и насквозь фальшивый лозунг: «Человек может все!» Вы поступаете жестоко и бесчеловечно. Вы ему: «Ты можешь», а жизнь свое: «Нет!» Жизнь делила и будет делить на сильных и слабых. Вы ему говорите: «Ты сильный!» А он вдруг оказался, фактически (!), не на словах, слабым, даже ничтожным. Что прикажете делать такому человеку? Какой ему дадите совет? Наука генетика доказала правоту моих слов. Так давайте будем смотреть не на небо, мечтая о «лучшей доле», а взглянем повнимательнее на действительное положение вещей... Талант—аномалия, дорогой коллега!» Тогда, в Саратове, после приговора врача я думал точно так же. Однако благодарен моим родителям, моим учителям, всем людям, окружавшим меня, которые с первых робких шагов в жизнь внушали мне: «Ты можешь!» Нет, «дорогой коллега», сегодня я готов спорить, готов спокойно и уверенно, с полной ответственностью утверждать: «Человек может все!» И это не слепая вера. Дайте человеку возможность мочь! А если нам кажется иногда, что не можем, то это не от «Действительного положения вещей», а от того, что где-то погрешили перед собственной природой, перед сложнейшей системой—человеком. В оптимистическом «Человек может все!» главное—сам человек. Именно через осмысление этого девиза шло формирование идеи многоцелевой школы, школы—комплекса. Мы часто говорим: «развитие ребенка, развитие человека». Но что значит «развивать человека»? Это значит развивать все, что включает в себя понятие «человек».

Человек! Как великолепно раскрывается суть его в этом слове. Тот, кто впервые назвал так когда-то нашего предка, сделал выдающееся педагогическое открытие, сознательно или бессознательно обобщив многомиллионный путь его развития. Человек—чело, веков, то есть лоб, ум, лицо столетий, ум, формировавшийся века, ум как результат миллиардов лет эволюционного развития природы. Мы не с нуля начинаем, мы берем эстафету у многовековой истории развития жизни. Тысячу раз прав Г. С. Сковорода, утверждая: «Учитель... только служитель природы». Чтобы соответствовать высочайшему и ответственнейшему званию «учитель», мы должны, говоря в классе: «Здравствуйте, дети!», иметь в виду глубоко осмысленное «Здравствуйте, века!». И если это «здравствуйте» с тем же смыслом скажет вся школа, создав условия для развития природы человека, то каждый гражданин страны детства и мы вместе с ним обоснованно заявим: «Человек может все!» Но вернемся в 60—е—начало 70—х годов к Каспийскому морю, в Кизляр... Стремление к разностороннему развитию детей находило все большую поддержку среди педагогов. И все же, трудно поворачивался учитель к человеку в будущем, пианисте, скрипаче... Помню, какое недоумение вызвало появление в музыкальной школе хореографов. Сколько надо было упорства, характера, таланта балетмейстеру Валентине Ивановне Старчак, чтобы класс народного танца прижился в музыкальной!.. «Скоро к нам боксера пришлют», — язвили сторонники «чистой» музыки. Оживление клубной работы, театрализованные музыкальные постановки, выставки рисунков, поделок из различного природного материала вызывали среди «классиков» недоверие, нередко перераставшее в жалобы по инстанциям: «Мы отходим от профессионализма, школу превращаем в самодеятельность... Без толку убиваем время учеников, они скоро играть разучатся...» У этих педагогов были свои отработанные приемы, благодаря которым их выпускники получали неплохую подготовку, учились дальше в музыкальных училищах и вузах. В основе их метода воспитания лежал принцип отбора:

1) я даю—ученик берет—ученик учится;

2) я даю—ученик не берет—ученик не учится.

Такой подход к «образованию» удобен преподавателю—предметнику: главное – предмет, который надо «дать». Все внимание сосредоточивается на знании учебного материала, а не на изучающем этот предмет ученике. По-другому подходит к своей профессии учитель

психолог. Он стремится к познанию своих учеников, на основе этого познания строя и преподавание предмета. Он живет жизнью тех, кого учит. Если преподаватель–предметник скажет об ученике: «У него не получается», то учитель–психолог подчеркнет: «У нас не получается», себя от него не отделяя!

Несмотря на то, что предметники все силы концентрировали на профессиональной подготовке, стремились оградить учеников от всего «отвлекающего», «побочного», они терпели поражение именно по специальности. У учителя–психолога быстро росли успехи учеников, в его классе отсеивался исключительным, чрезвычайным происшествием. В качестве примера можно привести класс преподавателя специальности фортепьяно Тамары Михайловны Яценко. Именно в ее классе ученики получали прежде всего общее развитие, именно из ее класса был наибольший процент поступления в музучилище и почти нулевой процент отсева. Ее ученики отличались высокой культурой не только на сцене у рояля, не только в трактовке и исполнении музыкальных произведений, но и в быту, в общении со сверстниками и старшими...

Я всегда с благодарностью вспоминаю кизлярские дни моей юности, дни коллективного творчества педагогов музыкальной школы Т. М. Яценко, Р. Ф. Терентьевой. Г. И. Мовчан. А. Г. Афанасьевой, Г. В. Яценко. В. Г. Солдатовой, Т. П. Кардашевской, В. И. Старчак и других. Это они по крупицам «оформляли» идею школы–комплекса, школы целостного, многогранного развития учащихся. Я учился у них, рос вместе с ними.

Однако чем больше крепла у педколлектива уверенность в необходимости разностороннего развития будущих музыкантов, тем больше возникало проблем. «Сколько можно работать на одном энтузиазме? Зачем нам самим заниматься с учениками, например, живописью, лепкой? Почему бы не пригласить специалистов–художников?»— все чаще звучало в кабинете директора. А время? Наши ученики занимались одновременно в двух школах, каждая из которых считала себя главной.

Нам явно не хватало сил, нужны были дополнительные штаты, нужно было единство действий с общеобразовательной школой. Так начал вырисовываться образ школы–комплекса, которая в первоначальном виде рассматривалась как союз школ: общеобразовательной, музыкальной, художественной и хореографической. Затем в качестве первого шага было решено организовать школу искусств, а уж потом объединиться с общеобразовательной. Мыслилось так: учащиеся города, поступая к нам, одновременно переходят и в состоящую с нами в союзе ближайшую общеобразовательную школу. План работы и расписания занятий утверждаем на объединенном педсовете, и ни одна из школ без согласования с другой не должна ничего изменять ни в плане, ни в расписании. Повседневной работой школ между педсоветами будет руководить административный совет, в который войдут директора и завучи обеих школ. Председатель выдвигается на совете и утверждается на бюро ГК КПСС. Но чтобы такое объединение имело силу, необходимо было сначала получить согласие министерств культуры и просвещения республики.

С тем и поехал я в Махачкалу в Министерство культуры ДагАССР. Меня принял зам. министра. Вежливо выслушал, подробно расспросил о нашей работе, а затем сказал: «Вы меня убедили пока только в том, что так называемая многосторонность развития приводит к перегрузкам детей. Что касается вашего опыта, то он еще не может служить достаточным основанием для рассмотрения вашего предложения на уровне двух министерств... Тут нужны более серьезные научно–практические обоснования, а затем продуманный эксперимент под руководством ученых. Ваш коллектив взял обязательство вывести школу на уровень образцовой. Это очень трудная задача, но она разрешима. Здесь я готов вам помочь, поддержать... А то, что вы предлагаете, похоже на мечту, и, вы не обижайтесь, на нереальную мечту».

Из Махачкалы я возвращался в райкомовском «газике». Дорога, плоская и серая, медленно

втягивалась под машину. Слева и справа унылым однообразием распласталась предгорная равнина. Опускался вечер, гася яркие краски дня, заменяя их на одну серо-черную... Все это соответствовало настроению. Мысли были мрачны. Всплыл в памяти конкурс «Белая акация», радостно улыбающиеся лауреаты... «А что будет завтра? Что скажу коллективу? Сворачиваем все наши эксперименты... будем становиться образцовыми? А дальше?» Представил реакцию верного моего помощника, завуча школы Тамары Михайловны Яценко. Вспомнились ее победы, ее рост как учителя. Вспомнил требовательные, колкие и честные глаза заведующей теоретическим отделением Раисы Федоровны Терентьевой: «Что, струсил?...» «Ну, а что делать дальше?» — начал я воображаемый диалог. — «Бороться.» — «Легко сказать—бороться... Ехать в Москву? С чем? Что мы можем сказать? Какие у нас доводы? Нет, зам. министра прав: нужен серьезный эксперимент». Стемнело, дорога теперь не казалась бесконечной лентой, она была словно перерезана на куски которые один за другим выхватывали у ночи фары машины. «Вот так и мы, — погрузился я в свои мысли, выхватываем у природы только то, что видим под ногами. А что там, за горизонтом? Что слева и справа прячется во тьме нашего незнания космоса человеческого «я»?» Перебирая в памяти каждое слово зам. министра, я все больше убеждался в его правоте... А что если начать эксперимент в селе? Колхозы строят современные Дворцы культуры, музыкальные, художественные, общеобразовательные школы. Почему бы все не объединить в одном здании? Единый комплекс колхозу построить выгоднее, и оплату некоторых специалистов он может взять на себя. Координировать усилия учебно-воспитательных учреждений будет совет директоров. Тогда работа пойдет в одном режиме, по одному расписанию и плану, без дублирования.

Домой приехал радостный. «Разрешили?» — еще у калитки спросил отец. — «Нет.» — ответил я и расхохотался, поняв, насколько нелепо выгляжу. И когда вся наша семья собралась за столом, я подробно рассказал о разговоре в министерстве и о том, какой выход подсказал нам зам. министра... Написал «наша семья» и подумал, что читателя надо обязательно с ней познакомить: отец Петр Михайлович, мама Прасковья Георгиевна, жена Надежда Андреевна и дочь Галя. Они принимали самое непосредственное участие во всем, что было связано со словом «школа», и когда надвигались черные тучи, и когда было ясно и празднично... Идея организации школы-комплекса в сельской местности была одобрена на совете Щетининых.

СУРКОВ

С той памятной поездки в Махачкалу начался поиск адреса будущей школы. Чтобы осуществить задуманное, казалось мне, надо было найти такого председателя колхоза, который бы, не жалея средств для школы, считал ее своим важнейшим производственным участком. Помощь нам оказывала газета «Сельская жизнь». Вся наша семья внимательно следила за выступлениями в ней руководителей хозяйств, сообщениями о социально-культурном строительстве на селе. Затем я отправлялся на встречу с героями рассказов, очерков, авторами статей, — словом, с теми, кто, судя по выступлению в печати, придавал огромное значение вопросам воспитания нового поколения... В те годы я впервые остро почувствовал, как трудно быть правильно понятым. Я смотрел на задуманное, как мальчик смотрит на мир: все виделось в радужных красках. Но с каждой новой встречей, с каждой новой дискуссией убеждался, насколько велико расстояние от желаемого до возможного. Помню, как тускнели глаза председателей, когда я доходил в изложении своей «теории» до... коры больших полушарии головного мозга. С этой минуты между нами росла непреодолимая стена непонимания. Разговоры обычно кончались рукопожатием или теплым председательским «до свидания» со вздохом облегчения.

Производственники, привыкшие видеть саму суть, сам корень проблемы, помогли многое прояснить. Они нередко загоняли меня своими вопросами или контрдоводами в тупик, заставляя вновь и вновь проверять каждую деталь. Иной раз я уходил из кабинета руководителя, как из класса школьник, которого послали за родителями. Бывало, проехав тысячи с лишним километров, добираясь на «попутках», обдумывая по многу раз возможные варианты беседы, отрабатывая свою «речь» не менее основательно, чем актер на репетиции, я через минуту выскакивал из кабинета, получив короткое и злое: «Не до этого сейчас» (это—словами, а глазами: «Ездят тут всякие...»). Как легки мы порой на скоропалительные мнения друг о друге, как часто, не задумываясь, не вникая, рубим с плеча, не ведая, как больно порубленному...

Однако нет худа без добра. В этом «худе» бесплодных поездок было и великое добро, потому что неудачи вели меня к человеку, чье имя, что бы ни случилось, куда бы ни забросила жизнь, будет для меня символом веры в красоту человеческую.

О Николае Алексеевиче Суркове, тогдашнем председателе белгородского колхоза «Знамя», я прочитал случайно в небольшой книжке «Зимний Микола». Прочитав, решил увидеть своими глазами героя. Встречу помогли организовать работники Белгородского управления культуры.

Отправляясь на Белгородщину в 1971 году, я не думал, что еду навстречу своей судьбе. Ехал без особого энтузиазма, без надежды увидеть, наконец, председателя, готового серьезно взяться за работу с детьми.

...Молодой, удивительно энергичный и обаятельный, Николай Алексеевич покорял простотой, естественностью в обращении, какой-то мудрой человечностью. Но особенно поражала в нем способность схватывать основную мысль, молниеносно развертывать ее в перспективе, и не просто слушать собеседника, но активно думать вместе с ним, а затем, как впоследствии не раз убеждался, неистово драться за воплощение идеи, в которую поверил. После встречи с Сурковым определился адрес новой школы: поселок Ясные Зори Белгородской области...

Когда мы с Николаем Алексеевичем обсуждали принципы работы школы, спорили по каждой детали, не были вырыты даже котлованы под фундамент ее здания. Но не возникало и сомнения, что школы может не быть. Я знал что школа будет, потому что был Сурков. Суркову я верил по-детски, без оглядки, как верю ему и сейчас. Моя нынешняя вера испытана совместной напряженной работой.

Сурков не принадлежит к числу тех хозяйственников, которые, отмахиваясь от сути проблемы, говорят: «Я тебе даю деньги, а ты делай как знаешь...» Он был активным творцом школы, вникал в каждую мелочь, обсуждал каждую деталь. Беседы с Николаем Алексеевичем помогли определить обязательное учебно-воспитательное подразделение комплекса—учебно-производственный комбинат.

В 1971 году мы не смогли приступить к осуществлению нашей, как говорил Николай Алексеевич, задумки. Дело в том, что Суркова вскоре перевели в Губкинский район Белгородской области начальником управления сельского хозяйства. Пришлось отложить начало эксперимента.

...В 1973 году, в один из декабрьских вечеров, я просматривал почту. Вдруг звонок: «Кизляр, ответьте— междугородная».

— Михаил Петрович, это ты?

— Я...

— Сурков.

— Николай Алексеевич? Откуда?

— Я в Ессентуках, решил немного подлечиться... Как у тебя дела? Не позабыл еще о нашей школе?

— Нет, конечно нет!

— Тогда приезжай, начнем...

В феврале, в просторном кабинете секретаря Белгородского райкома партии Н. А. Суркова вместе с архитектором Талалаем мы перекраивали проект строящейся Бессоновской средней школы. Почему Бессоновской? К тому времени строительство школы в поселке Ясные Зори было завершено, оставались отделочные работы. Что-либо изменить было уже очень трудно. А изменять в типовом проекте надо многое, чтобы перестроить его для нужд не только общеобразовательной, но и для художественной, спортивной, хореографической, музыкальной школ и учебно-производственного комбината.

В наполовину недостроенной школе села Бессоновка это сделать было еще не поздно. Бессоновка была выбрана и по другим соображениям. Колхоз им. М. В. Фрунзе, на территории которого она находилась, — один из крупнейших и богатейших в области. А без крепкой материальной базы хозяйства говорить о создании школы-комплекса очень трудно, так как многие расходы, включая и оплату некоторых специалистов, колхозу надо было брать на себя. К тому же в Бессоновке правление колхоза во главе с председателем Героем Социалистического Труда Василием Яковлевичем Гориным вело огромную работу по улучшению культурно-бытовых условий тружеников села. Это в значительной степени облегчало возможность бытового устройства преподавателей будущей школы. В. Я. Горин горячо поддерживал идею создания школы-комплекса и обещал поддержку в практическом ее осуществлении.

...Через четыре месяца я снова приехал на Белгородщину, и уже, как мне казалось, навсегда.

В Кизляре мы убедились, что общее развитие учащихся является основой, фундаментом воспитания музыкальных способностей, то есть любая «частная» одаренность вырастает на почве целостного образования. Но нам по-прежнему было не ясно значение того или иного вида деятельности для всестороннего развития человека. Каков должен быть «набор видов деятельности для того, чтобы развить всего человека, исходя из его природы? Мы дадим нашим ребятам во второй половине дня возможность заниматься любым делом. Но достаточно ли этого? А может, не стоит создавать комплекс, если общеобразовательная школа справится с задачей всестороннего, целостного развития ребенка? Испытывает ли общеобразовательная школа необходимость соединения с другими учебно-воспитательными учреждениями? | Ответы на эти вопросы мы искали в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, в педагогических взглядах Л. Н. Толстого, К. Д. Ушинского, С. Т. Шацкого, А. С. Макаренко, П. П. Блонского, Н. К. Крупской, Я. Корчака, А. В. Луначарского, В. А. Сухомлинского.

Утвердиться в правильности выбранного пути помогли нам труды выдающегося физиолога И. П. Павлова, исследования современных психологов, медиков: Л. В. Занкова, П. Я. Гальперина, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, В. В. Давыдова, Дж. Брунера, А. Р. Лурия и других.

ГИПОТЕЗА

«Ура! Мама, я получил «пять»! Нам сегодня Клавдия Александровна, знаешь, что рассказывала...» — радостное взхлеб сообщает первоклассник маме о своих первые достижениях в школе.

Кто из нас, родителей, не испытывал это волнующей чувство удовлетворения: «Сын начал хорошо, легко, значит... быть может...» Мечты, надежды твои, родитель, так понятны! «Мы не можем смотреть на маленькие создания без чувства радости, даже восхищения—обычно они обещают больше, чем могут осуществить потом» писал великий Гёте. «А может быть, мой и потом сможет осуществить то, что обещают его нынешние мощные, кажется, неистощимые силы», — затаенно верим мы в звезду своего дитяти... Но идут годы, и все реже мы слышим радостное: «Ура! Мама, я сегодня получил «пять»!» «Саше семь лет, — писал мне врач из Барнаула о своем сыне. — Он очень подвижный, открытый и добрый мальчик... Хорошо поет, много рисует, лепит, любит конструировать, строить. Но в этом году ему идти в первый класс. Я боюсь за него... А что если он больше потеряет, чем приобретет, в школе?» Приведенное письмо, к сожалению, не единственное. У меня на столе множество писем родителей, педагогов, людей из различных городов, сел, областей. Авторы с тревогой пишут о том, что «после учебного дня ребенок приходит вялым, удрученным», что «учитель работает на износ, борясь с перегрузками», что «учителя давно смирились с таким положением, когда вместо «живой» успеваемости приходится «гнать» процент успеваемости» и т. д.

О понижении успеваемости от класса к классу как о типичном явлении пишет учитель из Киевской области Ю. Костик: «...типичная картина выглядит следующим образом: в I—III классах подавляющее большинство детей учатся на «4» и «5», с IV класса успеваемость начинает падать, а в выпускных лишь немногие учатся без троек». Такая «результативность» нашей работы заставляет признать, что школа недостаточно развивает главное— способность к познавательной деятельности, к учению», Об этом с болью писал В. А. Сухомлинский: «Много тревожного в том, что умственные способности ребенка словно постепенно угасают, притупляются в годы отрочества». Почему это происходит в учреждении, цель которого — «возжечь пламя мысли», приобщить человека к постоянному духовному самосовершенствованию?!

Психолог В. Пинн, директор эстонской спецшколы—интерната, пишет: «Источник здесь один: непреодолимые препятствия... от невозможности выполнить то, что должно быть обязательно выполненным: ребенок возмущен и подвижен... Он в опасном напряжении». Если состояние «напряженности» или «тревожности» наступает от «непреодолимых препятствий», от «невозможности выполнить», то существующая система обучения в школе, очевидно, нуждается в совершенствовании.

По каким принципам нужно строить новую школу? Какой она должна быть, так необходимая для счастья, для расцвета ума и физических сил наших детей?

По нашему мнению, учебно—воспитательный процесс в Школе должен быть построен с учетом прежде всего возрастных психофизиологических особенностей детей. Ребенок в раннем возрасте располагает какой—то способностью, каким—то отличительным качеством, определяющим его высокие познавательные возможности.

Но что же отличает ребенка от взрослого? Н. К. Крупская говорила, что отличие это заключается в «чрезвычайной эмоциональности, а потому и в интенсивности восприятия». На эту особенность указывал и Я. Кордак: «Дети—князья чувств...» Попробуем разобраться в том, какая может быть связь между эмоциональностью ребенка, активностью чувственных форм восприятия и его мыслительными способностями с точки зрения учения о высшей нервной деятельности. Вот что писал по этому поводу И. П. Павлов: «В развивающемся животном мире на фазе человека произошла прибавка к механизмам нервной деятельности... появились, развились и чрезвычайно усовершенствовались сигналы второй степени, сигналы первичных сигналов, в виде слов, произносимых и видимых. Однако,

согласно И. П. Павлову, ошибочно считать, что способность говорить пришла к человеку внезапно, как «подарок всевышнего». «Прибавка» могла появиться только на «фазе человека», который должен был выделиться из животного мира степенью развития мозга, то есть степенью развития первой сигнальной системы, богатством сенсорного восприятия.

О высокоразвитом образном мышлении, необычайно высоком уровне познавательных возможностей человека, говорит сам факт овладения ребенком речью. Вряд ли в течение всей его жизни встречается более трудная задача, чем выучиться говорить, произносить слова, связывать их в наполненные смыслом предложения. Беспомощный малыш учится говорить самостоятельно, сам себе вырабатывает методику обучения. Никто его не наставляет: «Открой рот, набери воздух, сомкни голосовые связки подперев их воздухом, и резко разомкни—это «а». Ребенок просто слушает, сопоставляет, сравнивает, анализирует, делает выводы, вскрывает закономерности, постепенно продвигается к цели. Каким должен быть уровень образного мышления, чтобы, только находясь в речевой атмосфере, самостоятельно разобраться в значении каждого слова и, разобравшись, научиться управлять сложнейшим аппаратом говорения, научиться, не зная правил, грамотно выражать свою мысль! Но вот сформировано речевое мышление. Что происходит с его родителем — образным мышлением? Оно отмирает, выполнив свою задачу? Конечно нет! Слово, как «сигнал первичного сигнала», как обозначение образа, не может быть оторванным от своей сути, от своего действительного содержания, в противном случае оно станет «сигналом ничего», пустым звуком.

Два взаимосвязанных пласта мышления—образное и речевое—составляют наш мыслительный аппарат. Нарушение их взаимосвязи приводит к снижению, а то и к утрате мыслительных возможностей человека. Поэтому И.П. Павлов, предупреждая об опасности разрыва двух сигнальных систем, писал: «Нужно помнить, что вторая сигнальная система имеет значение через первую сигнальную систему и в связи с последней, а если она отрывается от первой сигнальной системы, — то вы оказываетесь пустословом, болтуном и не найдете себе места в жизни... нормальный человек, хотя он пользуется вторыми сигналами, которые дали ему возможность изобрести науку, усовершенствоваться и т. д., будет пользоваться второй сигнальной системой только до тех пор, пока она постоянно и правильно соотносится с первой сигнальной системой, то есть с ближайшим проводником действительности».

И. П. Павлов убедительно показал, что словесно-знаковое требует «постоянного подкрепления» со стороны образного, а образное, в свою очередь, требует «подкрепления» — питания, активной деятельности органов чувств через их непосредственный контакт с окружающей действительностью. И это «подкрепление», согласно И. П. Павлову, «необходимое и даже определяющее» условие нормального функционирования слова. Отсюда следует, что здоровье, активность мышления (словесно-знакового и образного) в конечном счете обусловлены здоровьем и активностью сенсорного, то есть чувственного, аппарата. (Развивать и совершенствовать мыслительные способности – значит прежде всего развивать и совершенствовать их корни—чувственные формы восприятия. Последнее означает включение всех форм чувственного восприятия, и прежде всего зрительного, двигательного и слухового, в активную деятельность, а в условиях школы—в учебно-тренировочную среду. В противном случае способности отражать внешние воздействия угаснут, органы чувств придут в вялое, пассивное состояние. И снизится активность мышления. Мы подходим к стратегии и тактике развития. Если мозг человека, по образному выражению И. Ефремова, «колоссальная надстройка, погруженная в природу миллиардами щупалец, отражающая всю сложнейшую необходимость природы, и потому обладающая многосторонностью космоса», то влияние на развитие мозга должно идти через влияние на развитие всей природы человека, всего его организма, с которым связан мозг. Активность интеллектуальных сил, свойственная раннему возрасту, произрастает из высокой активности двух взаимосвязанных форм мышления: словесного и образного, которые, в свою

очередь, основываются на высокой активности чувственных форм восприятия. До школы эти три вида активности могут быть стихийно в относительном равновесии. Но с первым звонком на урок равновесие нарушается. Вторая сигнальная система усиленно начинает нагружаться, а первая, практически лишенная нагрузки, выполняет в основном вспомогательные, подручные функции.

Школа ставит перед собой задачу всестороннего развития. Но решает ли? В любой школе сорок человек занимаются музыкой, другие сто — спортом, третьи — техникой, четвертые... А один живой ученик получает всестороннее развитие?

Возьмем школьное расписание. Даже в подборе вида деятельности, в которых «развиваются» наши дети, сказывается губительная односторонность для детского ума. Когда видишь, чем загружен учебный день наших учеников, всплывают слова Мишеля Монтеня: «В тех, кто ставит своей неизменной целью домогаться возможно большей учености, кто берется за писания учебных трудов и за другие дела, требующие постоянного общения с книгами, — в тех обнаруживается столько чванства и умственного бессилия, как ни в какой другой породе людей». Известный французский философ был далек от мысли, что общение с книгами есть причина умственного бессилия. Причина в ином — в узости подхода к развитию «в домогании учености» в ущерб общему развитию. Добиться учености только через «ученость» невозможно, поэтому усилия домогающихся бесплодны.

Чтобы ребенок овладел созданной человечеством знаковой системой общения, устной и письменной (в широком смысле) речью, школа стремится как можно скорее развить в ученике его специфически человеческое мышление. Велико и прекрасно устремление, выросшее в формулы: «Могуч тот, кто может, а может тот, кто знает...» Однако предметы, которые служат развитию жизнедеятельности организма, или, как говорил И. П. Павлов, его «уравновешиванию с окружающей средой», совершенствующие ведущие чувственные способности человека видеть, слышать и двигаться (изобразительное искусство, музыка, физкультура и труд), фактически считаются предметами второго сорта, вспомогательными. Они стоят на последнем месте в ряду предметов по степени значимости. Это наглядно проявляется в учебном плане: адресованные непосредственно ко второй сигнальной системе, математика, чтение и письмо даже в первых классах, не считая дополнительных и домашних занятий, занимают 3/4 всего обязательного учебного времени, развитие же форм восприятия, от которых зависят мыслительные, познавательные возможности учащихся, в особенности их образное мышление, отводится всего по 1/24 (музыка, изо) или по 1/12 (физкультура, труд) части общего обязательного недельного учебного времени. В учебных программах старших классов еще меньше внимания уделяется живому чувству, организму ученика. Ведущие человеческие формы восприятия (слуховое, зрительное и двигательное) совершенствуются неполно. Огромные «пласты» головного мозга, на которые могла бы опираться вторая сигнальная система, не получают стимулирующей учебной тренировки, остаются за пределами внимания школы. Так разрывается связанное природой.

Классики отечественной педагогики указывали на необходимость (для активизации мыслительной деятельности) развития чувственных форм восприятия, включая и двигательные, иначе не были бы написаны эти строки: «...чем выше эмоции, тем большую роль играют мысли, тем легче возбуждают они мысли...», «мышление теснее всего связано с мускульно-двигательными комплексами...» (П. П. Блонский). «Школа должна с самого раннего детства укреплять и развивать внешние чувства: зрение, слух, осязание и пр., так как от их остроты, совершенства развития зависит сила и разнообразие восприятий, поэтому детям необходимо давать возможность постоянно упражнять свои внешние чувства» (Н. К. Крупская).

Основоположники советской школы, исходя из марксистско-ленинского учения, указывали на необходимость целостного психофизиологического подхода к изучению развития человека. «Человек—есть организм, — писал А. В. Луначарский. — Мы в этом отношении

последовательнейшие материалисты, и мы впервые сказали полным голосом: педагогика должна базироваться на... физиологическо–медицинском изучении организма ребенка, его развития... Мы знаем, что развитие тела ребенка, включая развитие нервно–мозговой системы, есть подлинный объект нашей работы. Значит ли это, что мы пренебрегаем его духом? Конечно нет! Дело в том, что организм представляет собой для нас, материалистов–диалектиков, абсолютное единство, не только нервно–мозговая система... но решительно все тело психично и духовно...» Нищая, голодная республика, ведя ожесточенные бои с внутренней и внешней контрреволюцией, в нечеловечески трудных условиях разрухи, думала о школе, детях. В первые годы Советской власти партия приняла долгосрочную программу развития народного образования, изложенную в ленинских принципах единой трудовой политехнической школы.

Узости, односторонности старой школы программа противопоставляла целостное, всестороннее развитие человека. Однако в те годы мы могли приступить к выполнению минимума из того, что предлагалось: на более широкое образование просто не хватало средств «Когда в Наркомпросе впервые разрабатывались принципы советской школы, мы придавали огромное значение художественному воспитанию. Потом, за отсутствие средств, от художественного воспитания ничего не осталось, кроме кое–где уроков пения... немного театрализации и чуточку рисования», — писал А. В. Луначарский.

«В педагогических кругах существует мнение, что обучение обязательно приводит к существенному продвижению учащихся в их развитии. Это неверно. Можно путем многократных повторений и тренировочных упражнений добиться неплохих результатов в усвоении знаний и навыков, а в то же время дать очень мало для развития школьников. Для того чтобы достигнуть быстрого и интенсивного развития, необходимо создать такую систему обучения, которая специально имеет в виду эту задачу», — полагал профессор Л. В. Занков. Поэтому наша цель—сделать так, чтобы сам учебный процесс являлся гарантией гармоничного развития каждого учащегося.

С точки зрения воздействия на целостный организм ученика, на его психофизиологическую систему, учебный день школы—фактически один изнурительно–долгий, прерывистый урок, склеенный из различных лоскутов сложной, в основном абстрактной, информации. На наш взгляд необходима иная структура учебного дня. Гармоничность развития требует и гармоничного соотношения предметов адресованных обеим сигнальным системам. Поэтому для развития первой сигнальной системы, равно как и второй необходима систематическая и постоянная специальная учебно–тренировочная деятельность, рассчитанная на развитие и совершенствование трех ведущих анализаторов зрительного, слухового и двигательного! Чувственный мир человека требует специально организованной учебно–тренировочной среды, где бы его не просто использовали, а продуманно, целенаправленно и всесторонне развивали. Уроки, от которых зависит качество мыслительной деятельности вообще, должны быть в школьном расписании каждый день. В настоящее время мы располагаем педагогической практикой, подтверждающей верность такой вывода. Об этом свидетельствует, например, опыт академика Р. В. Силлы в ряде общеобразовательных школ Эстонской ССР. Ежедневные уроки физкультуры в значительной мере способствуют улучшению успеваемости по естественно–математическим предметам. В пользу ежедневных уроков физкультуры, снимающих умственное утомление, являющихся физиологической предпосылкой нормального развития мозга, говорят исследования А. Аршавского, Ю. М. Протусенеча, Т. В. Волковой. достоверные научные данные свидетельствуют о положительном влиянии мышечной деятельности на все физиологические системы и функции детского организма. Они согласуются с исследованиями отечественных и зарубежных физиологов и гигиенистов о пагубном влиянии гиподинамии на функциональное состояние человека. Так подтверждается верность выводов И. П. Павлова о взаимообусловленности двух сигнальных систем, о необходимости их параллельного развития. Если активизация даже одной или двух форм восприятия дает заметный сдвиг в

улучшении мыслительной деятельности учащихся, то совершенствование всех форм должно привести к полному расцвету духовных сил человека. Систематическое, достаточно глубокое развитие и совершенствование первой сигнальной системы, несловесных форм мышления вернет в школу, по образному выражению Я. Корчака, бродящую «по свету золушку – чувство».

Каким быть уроку?

Чем ярче вырисовывалась предметная структура учебного процесса с полноправными уроками физкультуры, труда, музыки, изобразительного искусства, тем острее вставала проблема времени, проблема учебной нагрузки школьников. Виделись два основных пути решения: 1) сокращение времени на изучение программы благодаря координации учебного материала по всем предметам, объединению усилий всех учителей–предметников, установлению межпредметных связей; 2) высвобождение второй половины дня для занятий по интересам в результате рационального использования времени каждого урока, значительного уменьшения объема домашних заданий.

Учителя соглашались с тем, что «давно пора начать борьбу с перегрузкой учеников», что «невозможно стало работать». Но самостоятельности в поиске путей высвобождения учебного времени не проявляли. Они рассуждали так: «Дети перегружены? Вынуждены работать почти вдвое больше, чем взрослые? Это губительно отражается на их здоровье, умственных способностях? Да, но...моей вины в этом нет, я делаю как положено. Начальству виднее...» Учитель общеобразовательной школы ограничен в возможности творить. Основную часть своей работы он делает не как подсказывают ему опыт, конкретная обстановка, возможности учеников, его совесть, наконец, а как «предсказано» сверху. Учебный материал расписан по полочкам, количество часов строго распределено по темам, жестко регламентирован каждый урок.

Чтобы изменить, надо доказать, чтобы доказать, нужен эксперимент, чтобы провести эксперимент, надо изменить... образовался замкнутый круг. Важно было доказать необходимость и возможность сокращения учебного времени, ссылаясь на опыт других, на педагогическую науку, на уже проведенные исследования и эксперименты в различных областях науки и практики.

Читал в то время все подряд, нередко наугад, по интригующему названию подбирая себе книги в библиотеке, лишь бы они были о здоровье, о психике человека, о его творческих возможностях и, конечно, о воспитании и образовании. Толчком к сужению поиска послужило высказывание К. Д. Ушинского: «Дайте ребенку немного подвигаться, и он одарит вас опять десятью минутами внимания, а десять минут живого внимания, если вы сумели ими воспользоваться, дадут вам в результате больше целой недели полусонных занятий». У Н. К. Крупской нахожу утверждение, что дети отличаются интенсивностью восприятия, а потому и быстрой утомляемостью. «Интенсивность, — пишет Надежда Константиновна, — залог правильного развития». Напрашивался вывод: не допускать умственной дремоты, учить только в период сосредоточенности внимания, интенсивности восприятия. Не зря К. Д. Ушинский считал одним из важнейших условий хорошего преподавания «как можно меньший ежедневный урок».

Пришла мысль испытать на себе, каково учащимся в современной школе. Я решил ходить на уроки, делать все, что делают ученики целую неделю. На первых двух уроках в IX классе я был старательным и достаточно внимательным учеником, хотя, признаюсь, к концу первого урока хотелось перемены. На третий урок я шел без энтузиазма, но, решив не сдаваться, усилием воли заставил себя быть деятельным и активным. Выдержал я четвертый урок, но с пятого почувствовал первые признаки головной боли... Последний урок сидел лишь потому, что обещал высидеть все, с тяжелой головной болью чертил домики, рисовал кружочки, чертиков и т.п.! Вторую половину этого дня я провел дома, пытаюсь сном спастись от

головной боли. На следующий день на последних уроках опять боролся с дремотой. Третий день принес неожиданный сюрприз: я вдруг почувствовал, что во мне растет желание что-нибудь вытворить прямо на уроке. Еле удержался от желания щелкнуть по затылку сидящую впереди ученицу. На четвертый день я, как школьник, сбежал со второго урока, обрадовавшись подвернувшемуся «срочному» директорскому делу! В этот день ко мне подошли двое ребят и сказали: «Михаил Петрович, не ходите к нам больше на уроки, извините, но...мы уже не можем, вы стали нас раздражать...» — Почему? — удивился я. — У вас так интересно...

— Да, понимаете, как-то не по себе...сидишь, как мумия, отвлечься даже нельзя...

Говоря о гигиенической целесообразности более короткого урока, хочу напомнить слова Л. Н. Толстого: «Для того, чтобы душевные силы ученика были в наивыгоднейших условиях, нужно... чтобы ум не утомлялся, лучше ошибиться и отпустить ученика, когда он еще не утомлен, чем ошибиться в обратном смысле и задержать ученика, когда он утомлен...» Иначе, утверждает Н. К. Крупская, «если мы на ребят навалим непосильный труд, то мы будем воспитывать лодырей, людей, которые халатно будут относиться к труду».

Но что значит «как можно меньший...урок»? Какова продолжительность сосредоточенного внимания учащегося? Что говорит об этом наука?! Исследования умственного утомления школьников были проведены еще в прошлом веке учеными разных стран мира (А. Байем, Х. Инавс, Н. И. Банст, М. Флери, О. Дорпблит, Д. Бекл, П. Ф. Лесгафт, А. П. Доброславин, Ф. Ф. Эрисман и др.). Они раскрыли губительное влияние на здоровье детей учебной перегрузки и установили, что утомление появляется после 30—40 минут умственной работы. О гигиенической нецелесообразности 45-минутных уроков для учащихся младших и средних классов свидетельствуют наблюдения советских ученых А. П. Краковского, Н. П. Родиной, ;В. Н. Самышкина, В. М. Зубковой и других. Так, Н. В. Черепинский пишет о том, что младшим школьникам чрезвычайно трудно сохранить высокую работоспособность в течение 45-минутного урока. А семилетние первоклассники, по утверждению В. М. Зубковой, просто не выдерживают такой длительной нагрузки: «Уже спустя 30 минут урока они становятся невнимательными, начинают шалить, заниматься посторонней работой, не слушают и не воспринимают объяснений учителя... Ученый-гигиенист Р. Г. Сапожникова, обобщая многолетние исследования коллег, подчеркивает: «...последние 10—15 минут урока наиболее утомительны и, следовательно, наименее эффективны в педагогическом отношении», тогда как, добавляет физиолог А. Н. Кабанов, «уменьшение продолжительности урока создает лучшие условия для упражнений корковых клеток, для повышения их способности к усвоению более высокого ритма...» Последние 10—15 минут урока неэффективны в педагогическом отношении, их загрузка учебной работой приводит к тому, что пятый и шестой уроки уже полностью следует считать малоэффективными для учебных занятий, то есть фактически неиспользуемое учебное время в цепи шести 45-минутных уроков составляет 130—150 мин; ($45 \times 2 + 10 \times 4$ или $45 \times 2 + 15 \times 4$) в день. Продолжительность полезного, то есть учебного, времени — 120 (30×4) или 140 (35×4) минут. В цепи шести 30—35-минутных уроков учебное время равно 180—210 минутам (30×6 ; 35×6). Сокращенные уроки, следовательно, не уменьшат фактического учебного времени, а даже увеличат его на 60—70 минут. Но если принять во внимание, что 30—35 минутный урок создает, как говорилось выше, «лучшие условия для упражнения корковых клеток, для повышения их способности к усвоению более высокого ритма», полезный «учебный вес» коротких уроков станет еще более значительным. Это позволит неиспользованное учебное время (130—150 минут в день) заполнить уроками «образного» цикла. И далее. Если эти уроки не просто приплюсовать, а расставить между уроками «речевого цикла, то эффективность учения школьников еще больше повысится. К такому заключению приводят данные ученых-педагогов, медиков, физиологов, психологов. Уроки «образного», или «эмоционального», цикла, поставленные внутрь учебного процесса, служат своеобразным стимулятором, подзарядкой для мыслительной деятельности в уроках «речевого» цикла.

Умело используя время с первой до последней минуты, учитель и учащиеся сделают гораздо больше непосредственно на уроках, что отразится на сокращении объема домашней работы, а следовательно, приведет к уменьшению учебной нагрузки ребят.

Такой режим позволит, по нашим представлениям, обеспечить высокую работоспособность учащихся на протяжении всего учебного процесса, создаст, наконец, условия, гарантирующие сохранение и даже укрепление здоровья детей.

Рациональная организация уроков должна улучшить постановку трудового воспитания в школе. Мы последнее время уделяем много внимания этому важнейшему социальному вопросу. Однако часто все наши усилия концентрируются главным образом на трудовом обучении или на трудовом воспитании в процессе уроков труда, в процессе работы на производственных комбинатах, производственных бригадах и т. п. Но можно ли говорить о воспитании в ученике труженика, если мы не научим его систематически учиться, если он будет безответственно относиться к главному своему труду в школе—учению. Если мы говорим, что учеба—главный труд школьника, то нам следует прежде всего позаботиться о том, чтобы «ни одна минута не пропадала даром, чтобы все ребята были поголовно втянуты в работу» (Н. К. Крупская).

Короткие, заполненные делом уроки «речевого» и «образного» циклов, поставленные в расписании по принципу смены видов деятельности, должны создать объективные условия для формирования у школьников привычки напряженно, с отдачей трудиться.

Расписание ставит новые вопросы.

Мы понимали сложность перестройки учебного процесса во всех классах сразу. Такая «решительность» могла бы породить несметное количество ошибок, а то и вовсе дискредитировать идею. Поэтому вначале сосредоточили свое внимание на построении предметной структуры учебного процесса в 1—4 классах. Эксперимент предполагалось начать в 1 классе. Из нескольких вариантов расписания занятий отобрали вначале два. Оба были составлены по принципу смены видов деятельности, то есть каждый новый урок являлся разрядкой, отдыхом от предыдущего и в то же время стимулом, подзарядкой для последующего. Был соблюден и принцип ежедневности упражнений для развития чувственной сферы ребенка. Однако эти варианты увеличивали общее урочное время на 30 минут при 30-минутных уроках и на 65 минут при 35-минутных. В результате, если при четырех 45-минутных уроках обязательные занятия заканчивались в 12.10, то при семи 30-минутных уроках эти занятия будут заканчиваться на час, а при 35-минутных—на 1,5 часа позже. Оба варианта могут не устроить ребят, думали мы, необходимостью более долгого обязательного пребывания в школе. Резерв времени мы увидели... в дополнении к учебному плану еще одного предмета—хореографии. Это позволяло «сократить» время на чистую музыку и чистую физкультуру. Ручной труд будет выполнять роль предмета, синтетически развивающего зрительное восприятие и моторику. Известный английский психолог Дж. Брунер, подчеркивая самую тесную связь между интеллектом и повинующейся ему рукой, пишет, что овладение возможностями руки при нормировании навыка и то, как она достигает полноты своих возможностей, могут многое сказать о мышлении еловека. Уроки труда в начальной школе должны стать прежде всего уроками развития «думающей руки». Этим целям как нельзя лучше отвечает художественный ручной труд (лепка, выпиливание, вышивание, обработка различных материалов), в процессе которого, послушная воле, выполняет тончайшие трудовые операции и гармонично развивается рука.

С введением в расписание хореографии и художественного труда мы получили возможность сократить в сравнении с прежними вариантами общую продолжительность учебного дня на 40—45 минут. Так постепенно оформилась структура учебной недели в 1—4 классах. Благодаря гигиенически оправданному сокращению времени урока, а также своевременной смене видов деятельности, расписание стало более компактным, чем прежде, сохранив

многообразие развивающих занятий и включенность внимания с первого до последнего урока.

Структура учебной недели в I–IV классах. Дни недели Время I Класс II Класс III Класс IV Класс
Понедельник 8.30–9.05 Математика Математика Математика Математика 9.15–9.50
Хореография Хореография Хореография Хореография 10.00–10.35 Чтение Чтение Чтение
Литература 10.35–10.55 Легкий завтрак 10.55–11.30 Изобр. иск. Изобр. иск. Изобр. иск. Изобр.
иск. 11.40–12.15 Русский язык Русский язык Русский язык Русский язык 12.25–13.05
Предметно–практическая деятельность (худож. труд, худож. конструирование,
конструирование, моднирование, растениеводство). Свободное время, занятия по
интересам. Вторник 8.30–9.05 Математика Математика Математика Математика 9.15–9.50
Физкультура Физкультура Физкультура Физкультура 10.00–10.35 Чтение Чтение Чтение
Русский язык 10.35–10.55 Легкий завтрак 10.55–11.30 Музыка Музыка Музыка Изобр. иск.
11.40–12.15 Русский язык Русский язык Русский язык История 12.25–13.05
Предметно–практическая деятельность. Обед. Свободное время, занятия по интересам.
Среда 8.30–9.05 Математика Математика Математика Математика 9.15–9.50 Хореография
Хореография Хореография Физкультура 10.00–10.35 Русский язык Русский язык Русский язык
Русский язык 10.35–10.55 Легкий завтрак 10.55–11.30 Изобр. иск. Изобр. иск. Изобр. иск.
Музыка 11.40–12.15 Чтение Чтение Чтение Природоведение 12.25–13.05
Предметно–практическая деятельность. Обед. Свободное время, занятия по интересам.
Четверг 8.30–9.05 Математика Математика Математика Математика 9.15–9.50 Физкультура
Физкультура Физкультура Хореография 10.00–10.35 Чтение Природо–ведение
Природо–ведение Русский язык 10.35–10.55 Легкий завтрак 10.55–11.30 Музыка Музыка
Музыка Изобр. иск. 11.40–12.15 Русский язык Русский язык Русский язык Литература
12.25–13.05 Предметно–практическая деятельность. Обед. Свободное время, занятия по
интересам. Пятница 8.30–9.05 Математика Математика Математика Математика 9.15–9.50
Хореография Хореография Хореография Физкультура 10.00–10.35 Чтение Чтение Чтение
История 10.35–10.55 Легкий завтрак 10.55–11.30 Изобр. иск. Изобр. иск. Изобр. иск. Музыка
11.40–12.15 Русский язык Природоведение Природоведение Литература 12.25–13.05
Предметно–практическая деятельность. Обед. Свободное время, занятия по интересам.
Суббота 8.30–9.05 Математика Математика Математика Математика 9.15–9.50 Физкультура
Физкультура Физкультура Хореография 10.00–10.35 Чтение Чтение Чтение Русский язык
10.35–10.55 Легкий завтрак 10.55–11.30 Русский язык Русский язык Музыка Изобр. иск.
11.40–12.15 Музыка Музыка Русский язык Природо–ведение 12.25–13.05
Предметно–практическая деятельность. Обед. Свободное время, занятия по интересам.

НЕ ИЗМЕНИТЬ МЕЧТЕ

В колхоз им. М. В. Фрунзе я приехал в самом конце мая 1974 года. Еще в феврале мы договорились с руководством района и колхоза о том, что с 1 июня я буду участвовать в строительстве Бессоновской школы. В мои функции входило наблюдение за строительными работами в соответствии с уточненным для школы–комплекса проектом, а также контроль от лица заказчика (колхоза) за качеством строительства в целом и отделочных работ частности. Работа на стройке помогла мне впоследствии вернее оценить случившееся в Бессоновке... Я часто рассказывал рабочим о том, какой видится мне школа, которую мы строим. Мы говорили о детях, спорили о возможностях человека. И как–то незаметно будущая школа стала нашей общей мечтой. Особенно старались бригады отделочников Анны Виконовой и Валентины Коротких. Сколько раз оставались девчата на часок–другой после рабочего дня, советовались, как сделать работу лучше, переделывали готовое чтобы получилось так, как задумали. Была у нас и не значащаяся в штате «железная дивизия», которую мы бросали на самые трудные участки. Ее состав: Зина Воронцова, Лена Фаюстова. Леша Возняк, Геннадий

Гавердовский, Владимир Федорович Цехов, Надежда Андреевна Щетинина. Первые трое, бывшие учащиеся Кизлярской музыкальной школы, должны были стать старшеклассниками Бессоновской. Они со временем хотели работать в этой школе. В. Ф. Цехов, наш выпускник из Кизляра, только что окончил Белгородское музучилище, в Бессоновке должен был возглавить одну из шести школ комплекса — музыкальную. Н. А. Щетинина готовилась преподавать биологию. Г. А. Гавердовский—директор будущей спортивной школы. «Железная дивизия», как мы в шутку называли эту бригаду, приходила к вечеру и, пока было светло, готовила фронт работ для строителей на завтрашний день. В этом маленьком коллективе все жили по законам совести. Ни разу, что бы ни приходилось делать, я не слышал от них жалоб, не видел даже тени, намек на обиду. Никто из них за все время не сказал: «Это не мое дело». Напротив, каждый старался взять на себя более трудное, более неприятное. Тогда, к своему стыду я принимал это как должное: ведь у нас одна мечта. Только позже я смог понять, с кем мне выпала честь быть рядом в то трудное лето 1974—го... Пока шла стройка, я одновременно занимался и комплектованием спецшкол. Здесь всплыла непредвиденная трудность: нежелание специалистов жить и работать в селе. «Если бы такую школу сделали в городе, я бы пошел.» — нередко говорили «спецы». Колхоз давал квартиры со всеми удобствами, мы гарантировали хорошую зарплату, обещали каждую неделю возить в театры, но желающих не находилось. Многих смущала и неизвестность, неуверенность в самом деле: «А если эксперимент провалится, опять срываться? Вы начинайте, если все пойдет хорошо, тогда и...» К счастью, вовремя была найдена причина неудач в подборе педагогического состава: погоня за авторитетами. Я стал искать молодых специалистов, готовых экспериментировать, испытать себя. Профессионализм—дело наживное, главное—вера в общее дело, в свои силы, в способности детей. К началу учебного года штат специалистов в основном был укомплектован. Новая школа представлялась межпланетным кораблем, готовым к длительному полету. И ничто, казалось, не могло остановить его: экипаж готов, есть самое мощное горючее—мечта. Корабль ждал только команды: первого звонка. Но прежде—знакомство экипажа с предстоящим маршрутом полета... Вышло так, что летом, с головой окунувшись в водоворот строительства, занимаясь подбором педагогов для специальных школ, я не успел познакомиться с жителями, которые уже работали в общеобразовательной школе села Бессоновка. Заранее вписав их в заинтересованный актив, был убежден, что они станут самыми горячими сторонниками и соавторами школы—комплекса. И вот первая встреча с педагогами общеобразовательной. Сразу же почувствовал неладное: учителя не были настроены на разговор о завтрашнем дне школы. Я все же рассказал им о предстоящей работе, раскрыл суть эксперимента. Слушали без особого интереса, некоторые смотрели в мою сторону с нескрываемой враждебностью. После нескольких формальных вопросов «беседа» иссякла. Учителя вели себя так, словно речь шла о каком-то очередном, не касающемся их мероприятии... » Нежданно—негаданно навалилась беда, беда непонимания, недоверия тех, с кем предстояло воплощать мечту в реальность. Педагоги специальных школ увлеченно приступили к занятиям, однако слаженного ансамбля с учителями общеобразовательной не получалось. А я, к сожалению, мало что мог предпринять, чтобы изменить ситуацию. Дело в том, что для объединения усилий всех воспитательных учреждений, находящихся на территории колхоза, была введена (решением общего собрания) должность заместителя председателя колхоза по работе с молодежью, культуре и эстетике; на эту должность начали меня. Получив «широкие полномочия», я на самом деле почти лишился возможности руководить: экспериментальной работой в школе, осуществлять непосредственный контакт с педагогами и учениками. Знакомился с производственными участками колхоза, с людьми, стремился проникнуться нуждами и заботами молодых, ездил по селам хозяйства, изучал работу детсадов, школ, клубов. Как член правления колхоза, считал своим делом разбираться и в производственных вопросах. Поэтому стал усиленно расширять свои знания по сельскому хозяйству, штудировал специальную литературу. А школа? Вместо того чтобы, видя назревающие нездоровые отношения в коллективах, бросить все и заниматься только ею, я... бывал в ней. Мне казалось, что нельзя торопить события, нужно время, чтобы мы нашли общий язык. Но отчуждение росло, и я решил пойти на прямой, открытый разговор. ... В то ясное октябрьское

утро я был, как никогда, бодр, полон оптимизма. У входа в школу небольшими группами стояли, о чем-то переговариваясь, педагоги, учащиеся. Все как обычно в обычное школьное утро, когда стал подходить ближе, заметил на себе странные, по-особому пристальные взгляды учителей, откровенно любопытные—ребят. И тут меня словно ударили... у центрального входа в школу огромными белыми, в человеческий рост каждая, буквами чьей-то рукой на асфальте старательно выведено: «Щетинин—дармоед!» Вот и поговорили... выяснили... разобрались... Видимо, у каждого человека бывают в жизни минуты отчаяния, когда он начинает думать, что все и всё против него, когда, кажется, рушится его вера в свою мечту, в человека... Выход мне виделся только один—уехать. О том, как искал место, где бы можно было начать сначала, рассказывать ни к чему. И здесь я опять должен сказать слова благодарности замечательному человеку, настоящему коммунисту Н. А. Суркову за понимание, поддержку и доверие. Он вызвал меня в райком партии. После откровенного и нелегкого разговора мы весь день ездили по колхозам и совхозам района. Николай Алексеевич увлеченно рассказывал о перспективах развития района, показывал поля, новые стройки, мощные животноводческие комплексы, говорил о трудностях, неудачах. Но вот Сурков остановил машину. — Мы сегодня располагаем, как никогда, мощной техникой, огромными материальными средствами, — н.. твердо Николай Алексеевич, — но сельское хозяйство далеко не решенная проблема. Вот посмотри на это поле, Сурков показал на мощный темно-зеленый ковер озимых слева от нас, — а теперь рядом, через дорогу, в четырех метрах... Видишь, какое различие?! И действительно, поля разительно отличались. — Сорт зерна один, техника одна, погодные условия одинаковые... Так в чем же причина? Что у них разное?.. Разное—люди! Центральный вопрос для нас—человек! И воспитать его должна школа. Обществу нужны гарантии, что из каждого здорового ребенка вырастет человек-борец, убежденный строитель коммунизма. — Николай Алексеевич! — воспользовавшись паузой, сказал я. — Да разве не об этом уже десятки раз было говорено с вами? — Говорено было... А кто делать будет?! — Сурков, не глядя в мою сторону, решительным шагом направился к машине. — Да я что, от дела бегу? Ну, ошиблись в Бессоновке... Так что же, вы думаете, я складываю оружие?! — Садись, оратор, все равно от твоих речей урожая не добавится, — примирительно сказал Николай Алексеевич. «Волга» понесла нас по проселочной дороге между двух полей озимой пшеницы в колхоз «Знамя» — туда, где когда-то работал председателем Сурков, где когда-то вместе с ним мы мечтали о создании школы-комплекса. Выехали на добротную бетонку и через несколько минут оказались на центральной усадьбе колхоза, в поселке с поэтическим именем: «Ясные Зори»... Выходя из машины, увидели идущего навстречу худощавого, слегка сутулившегося мужчину. «Ну вот, знакомьтесь», — будто продолжил разговор Николай Алексеевич. «Босов», — протягивая крепкую руку, сказал мужчина и посмотрел мне в лицо темно-кариими умными глазами. Так состоялось мое знакомство с председателем колхоза «Знамя» Николаем Егоровичем Босовым. Это было 4 ноября 1974 года. Пятого ноября я стал директором Яснозоренской средней школы.

ПУТЕМ ПРОБ И ОШИБОК Начало. Хорошо помню сцену моего представления педагогическому коллективу Яснозоренской школы. Словно было вчера, вижу глаза учителей, в которых понятный мне вопрос: «Кто ты?» «А в самом деле, кто? — мысленно вступая с ними в разговор, думал я. — Что принесу вам? Я не управлять хочу, а думать вместе с вами, вместе бороться за школу для детей» И вот я в кабинете директора... у себя в кабинете. Все ушли домой. Завтра мой первый день, вторая четверть 74/75 учебного года, с чего начать? В воображении проносились эпизоды из жизни в Бессоновке, строительство школы. «Помнишь, настоящее взаимопонимание встретил только тогда, когда, взяв мастерок, встал рядом с рабочими, когда они поверили, что ты не командовать пришел, а вместе с ними дело делать. Ты обратил внимание на то, как по-разному отнеслись к идее школы комплекса рабочие и учителя? Для первых она стала собственной, а для вторых оказалась чужой, продиктованной «сверху». Новое должно обязательно созреть, родиться в коллективе. Нельзя распространять опыт директивной кампанией. Навязанное новшество превращает людей из творцов в слепых исполнителей. Так с чего начать?..» Внезапно я услышал чьи-то взволнованные крики. Что

это? Быстро поднявшись, открыл окно. В кабинет ворвался холодный осенний ветер и вместе с ним ожесточенна грубая брань, от которой стало жарко: крик был детский. Я увидел жуткую сцену: два рослых подростка били в овраге мальчишку лет одиннадцати. Не помню, как бежал по лестнице со второго этажа и дальше вниз. Через несколько мгновений, схватив за шиворот хулиганов, тряс их с такой силой, будто навсегда хотел вытрясти эту звериную жестокость к человеку: «Что же вы делаете!», вдруг один из них захныкал: «Прости—и—те... мы больше не бу—у—дем... прости—и—те... дядечка...» Я молча разжал руки, подростки стояли, потупив головы. «Что это там за фраер нашелся?» — раздался неприятный скрипучий голос. Я обернулся и увидел троих лохматых парней, на вид около 18—20 лет. Они восседали на небольшом бугорке в метрах двадцати от меня, потягивая сигареты и смачно сплевывая себе под ноги. Все трое, зло прищурился глаза, нагло смотрели в мою сторону. Я понял, что это они стравили ребят, и если сеид отступлю, если не дам решительного боя, то никогда в этой школе никаким приказом не утвердить меня директором. «Так что же, драться? А если это акселераты—ученики? Ты же директор, учитель...» — говорил один внутренний голос, но другой твердо и настойчиво повторял: не отступать...» «Но—но, уж и пошутить нельзя», — уже не так уверенно и нагло сказал один из парней. Все трое, словно нехотя поднялись и неторопливо двинулись прочь. Я шагнул за ними: «Подождите! Куда же вы?» Один из них обернулся и вдруг помчался к растущему по склону оврага тернистому кустарнику. Остальные за ним. Я остановился. Вот дебют... Но на душе стало легче: хороший урок для того, кто остался и, конечно, во все глаза наблюдал за мной. Подошел к мальчишкам. Вы же человека, понимаете, че—ло—ве—ка били. Запомните на всю жизнь: нет на земле ничего омерзительней трусости и жестокости, — громко, чтобы слышали и те, в кустах, говорил я. — Вы в каких классах учитесь? — спросил уже другим тоном. Но мальчишки упорно хранили молчание. А вот это уже не по—мужски... Неужто боитесь?... — А что бояться? Я—в шестом, зовут меня Вовка. — А мы в седьмом... Он—тоже Вовка, а я—Коля. — А я ваш директор, Михаил Петрович... На следующее утро отправился в школу... В здании было пусто, неуютно. Настроение мое и вовсе упало когда в нескольких местах на стенах, еще пахнущих свежей краской, увидел пошлые надписи. Внизу послышались громкие голоса ребят и шумный топот ног. Я посмотрел на часы: было уже около восьми. Сердце взволнованно забило—начинался школьный день. Мимо меня по лестнице стремительно пронеслись, не остановившись, перепрыгивая сразу через несколько ступенек, два запыхавшихся парня примерно из VII или VIII класса. «А—а—а!» — раздался наверху режущий уши крик... «Это жертва... —мелькнуло в голове. — Надо выручать». Быстро поднявшись, я увидел, как старшекласник с легкой улыбкой на круглом скуластом лице энергично «отпускал шалобаны» лежащему на полу и зажатому между его колен подростку, который не то от боли, не то дурачась вопил свое пронзительное «а—а—а». — Встаньте! — властно и твердо сказал я. — А что мы сделали? — бормотал парень, поднимаясь с пола и отпуская свою «жертву». Мы же играем... Видите, он же не плачет. — В чем смысл игры? Бить друг друга по очереди и по очереди изо всей силы вопить диким голосом?! — Директор... —сказал кто—то сзади шепотом. Я обернулся... В двух шагах от нас стояла группа ребят, человек восемь—десять, в пионерских галстуках.. «Кто же это знает меня? — подумал я... —А—а, старые знакомые. Это те же, что вчера... Вовка и Коля... нехорошо как—то начинается моя работа: сплошные замечания... Нехорошо...» Доброе утро, — уже громко сказал я. Доброе утро! Здра—сьте! — нестройно ответили мальчишки. Вовка и Коля улыбались, будто говорили: «Ничего—ничего, не унывай, поможем». У остальных лица были серьезные, из глаз буквально выпирало любопытство и недоверие: «Кто ты?»

Линейка. Условия работы в каждой школе гораздо более специфичны, нежели типичны: своя неповторимая среда, свои, только ей присущие особенности. Каждая школа, ее жизнь уникальны, как уникален каждый учащийся в ней ребенок! Подтверждением служат многочисленные примеры, когда учитель, успешно работающий в одной школе, едва справляется в другой. Прежний опыт мало когда спасает. Мне же вообще до Ясных Зорь не довелось работать в общеобразовательной школе, которая, в отличие от специальной, должна учить не отобранных по конкурсу, а всех учеников. Первый год в Ясных Зорях, был

для меня поэтому адаптационным. Очень многое было новым, необычным, нередко непонятным. Прочитанное в книгах по педагогике служило лишь основой для сравнения, но редко руководством к действию. Чаще приходилось опираться на жизненный опыт, на интуицию, на свои представления о том, как надо поступить в, каждом конкретном случае... В первые дни в Яснозоренской школе меня поразила нервозность, напряженность отношений учащихся. Крики, вопли, сутолока, нескончаемая борьба в шутку и всерьез на грязном, затоптанном полу, нередкие взрывы ожесточенных драк – все это называлось «перемена». И происходило это в основном из-за того, что Яснозоренская школа была словно слеплена из различных, недавно закрытых малых школ. В школе не было коллектива в истинном смысле слова. Она представляла собой разрозненные группы учащихся из десяти сел. Школьники из одного села стремились сохранить обычаи своей бывшей школы, держались по отношению к другим заведомо враждебно. Друг о друге ребята не говорили, к примеру, «это пятиклассники» или «это десятиклассники», но обязательно подчеркивали: «это ровенцы» (с. Ровенек) или «это яснозоренцы» (пос. Ясные Зори). Так и делилась школа на «ровенцев», «яснозоренцев», «черемошан» (с. Черемоное), «солтыковцев» (с. Солтыково), «устян» (с. Устьянка), «лозовчан» (с. Лозовое), «бочковцев» (с. Бочковка), «солнцевцев» (с. Солнцевка), «нечаевцев» (с. Нечаевка), «вергилевцев» (с. Вергилевка). Однажды ко мне в кабинет прибежал взволнованный дежурный. — Михаил Петрович! Там такое?.. Там такая драка... Мы ничего не можем сделать... Пойдемте скорее на третий... На третьем этаже, куда я спешно поднялся вместе с дежурным, был настоящий кулачный бой, в нем участвовало в общей сложности около 10—15 человек, яростно колотивших друг друга. Но вот кто-то увидел меня: «Директор, пацаны, директор!» — током ударило в толпу. Ребята? — едва скрывая волнение, начал я. — Убежден, что у вас есть моральное право защищать свое человеческое достоинство. Но драка—это самое крайнее, слышите, самое крайнее средство защиты доброго, красивого в человеке. Каждый такой бой ради Красоты на Земле, слышите, ради Красоты на Земле, укрепляет в человеке мужество, стойкость, смелость. Мы говорим про такого с гордостью: настоящий мужчина! Но если парень бездумно и слепо размахивает своими кулаками ради потехи, бьет чтобы унижить, чтобы причинить боль, какова бы ни была мощь его костей и мышц, он не мужчина, он всего лишь особь мужского пола. С каждым таким, как этот, позорным «боем», так легко напоминающим петушиную возню, парень теряет в себе мужчину... Когда я говорил это, видел, как становились серьезными глаза парней, многие из которых, как мне казалось, принимали каждое сказанное слово. Но уже на другой день опять произошла драка. Мои слова о мужском достоинстве если и возымели действие, то ненадолго, и я решил, что необходимо «ударить» по драчунам более мощно. Но как? «Надо провести общешкольную линейку, — подсказали мне опытные, «съевшие» на педагогической работе уже не один пуд соли, педагоги. — И там выставить самых драчливых и резануть им так, чтобы другим неповадно было. Заодно и двоечников за неделю выставим. А еще надо родителей вызвать, чтобы они со своей стороны повлияли...» «А что? — подумал я. — Ведь верные предложения. Вспомнились собрания А. С. Макаренко, когда выводили провинившегося в круг и выдавали ему «по первое число». - ...Долго буду помнить ту линейку—первую и последнюю линейку в моей жизни, которую провел с целью «взгреть по первое число». Я написал «буду помнить», но это не значит, что вижу ее во всех деталях, скорее, совсем не вижу. Но помню чувство стыда и вины перед теми, кого «выставил»... Помню очень ярко глаза Василия Смагина (он, как я узнал позже, после очередной потасовки собрал ребят на небольшое «совещание», где они все вместе решили кончать «джунгли»), удивленные, в них вопрос ко мне: «Зачем так?» Перед притихшей колонной, понуриив голову, выходили парни. Я силился понять, что испытывают они в эту минуту. И тут вспомнил себя, когда меня вывели вот так же перед строем, когда я почти ничего не слышал из речей обвинителей, только свой внутренний голос: «зачем вам нужно все это? Унижить, причинить боль?! Ну погодите...» И я мстил долго, как мог, нелепо, по детски... Стали читать список двоечников. Из общего строя выходят залитые краской стыда девушки десятого. Вот Вера Семернина *. У нее же сестренка в третьем классе, которой она заменила

умершую маму и которая сейчас во все глаза... Хватит! Достаточно... Все свободны...

—каким—то внезапно осевшим голосом проговорил я. «Линейка» неожиданно для всех кончилась. Мимо меня проходили ученики. Но проходили как—то не так, как всегда. Не было обычных шума и толкотни. В школе я работал уже несколько месяцев, но именно в тот день впервые почувствовал, какая это ответственность—быть директором. Может, в тот день начало появляться во мне то не объяснимое словами чувство родства с ребятами, которое впоследствии поможет замечать малейшие изменения в их настроении, вооружит меня способностью смотреть на все их глазами... Люда? — остановил я сестренку Веры Семерниной. — Ты, Люда, не думай плохо о Вере. Сейчас произошла ошибка. Она у тебя молодец... К нам подошли) одноклассники Люды. И я сказал громче, чтобы слышали и они: — Мы гордимся твоей сестрой. Она настоящий человек. А сейчас произошла ошибка... После этой линейки состоялся откровенный, трудный и очень важный разговор с учителями о человеке, его достоинстве, ответственности учителя, взаимопонимание педагогов и воспитанников, так необходимом для создания коллектива. Видеть в ученике личность и помочь ему осознать себя личностью—этот принцип стал одним из основных в нашей работе. Может, это покажется парадоксальным, но провал первой линейки заметно укрепил мой авторитет в среде учеников. Ребята не были уже такими замкнутыми и настороженными, как в первые дни. Все чаще я стал ловить на себе взгляды, в которых был доброжелательный интерес. Окончательно я поверил, что наступили перемены, когда вскоре после линейки ко мне пришла группа десятиклассников, чтобы... посоветоваться. Они так сказали: «Мы пришли посоветоваться с вами». С тех пор когда, заходя в класс, говорил: «Ребята, очень нужен ваш совет», — я уже не встречал недоуменные взглядов, в которых недоверчивое: «Играете с нами». Мы начинали думать, решать, работать вместе. Мы учились быть коллективом.

Мужской разговор. Это было в конце января 1975 года... Мне стало известно, что старшеклассники приносят в школу спиртное и распивают его на переменах. Вначале я не поверил. «Не может быть, чтобы пили, да еще и в школе... — думал я. — Не может быть». Но однажды наша «техничка» Нина Петровна Тимохина принесла мне в кабинет вещественное доказательство—две бутылки с наклейкой «Яблочное»: «Вот, полюбуйтесь, нашла в туалете у мальчишек» — сказала она. Что предпринять? Как поступить, чтобы остановить это самоубийство? А может быть, пьют единицы, каких—нибудь два человека? Ну и что же, что два? Это же две жизни, две судьбы, два, возможно, уже необратимо искалеченных мозга. Но кто же они? Как их найти? Решил поговорить с ребятами VIII—X классов. После уроков все парни этих классов собрались в актовом зале школы. Ребята, поднимите руку, кто хотя бы раз уже пил вино или водку. — начал я напрямую. В зале повисла тишина. Только где—то в углу слышен был шепот. Вот поднялась одна рука... две... три... шесть... десять... пятнадцать... Я стоял как парализованный. Руки подняли почти все. Это правда? — почти прошептал я... —И... как часто пьете? Да мы не часто... по праздникам, ну там, когда день рождения у кого... — за всех ответил Толя Лунев, (ученик VIII класса). Ну ты—то почаще прикладываешься, — крикнул кто—то весело сзади, и крик его утонул в дружном взрыве Смеха. У меня похолодело внутри. Я внезапно почувствовал себя беспомощным, слабым, наивным и смешным. На Меня смотрели не глаза провинившихся, совершивших ужасную ошибку людей. Глаза ребят были простодушно—веселыми, как будто разговор шел о чем—то невинном, пустячном... «Вот что значит выход без подготовки. Ты опять поторопился. Но что делать, что делать?» Чувствуя, что не могу сказать ни одного слова, я молчал, понимая, что глупо вот так стоять перед собравшимися и молчать... Но о чем говорить? О том, что пить вредно? Вы это знаете. Какими словами всколыхнуть сознание случившейся беды, понимание неопишуемого вреда, убийственного действия алкоголя на ваш мозг, ум, будущее? Как объяснить, что употребление спиртного, вообще уродливое, губительное явление и среди взрослых, в сотни тысяч раз пагубнее для растущего, развивающегося организма? Как выразить переполняющее меня чувство тревоги, протеста? Вы же таким отношением к выпивке превращаете в бессмыслицу учебу в школе, в глупость свое детство, себя в калек...» И вдруг я понял, что в зале давно уже наступила тишина и на меня внимательно смотрят десятки пар глаз. Но это были уже не те веселые, беззаботные глаза. Это были глаза, готовые слушать, готовые понять, вернее, понимающие глаза... — Когда вы дрались на

переменах Друг с другом — начал я твердо и медленно, — я осуждал вас, осуждал и буду осуждать всей силой своей души. Боролся и буду бороться против этого... Потому что недопустимо насилие человека над человеком... Когда вы, не выуча урока идете в школу, идете, приготовив на всякий случай оправдание, ложь, чтобы не получить двойку, я осуждал и буду осуждать вас за это, потому что ложь всегда была дочерью трусости, потому что нет для мужчины ничего омерзительнее трусости и лжи. Но я бесконечно в большей степени осуждаю тех из вас, кто уже пристрастился к вину или водке, кто считает выпитую рюмку другую невинной забавой или, по дичайшей глупости способом повзрослеть... Нет, я не осуждаю, я презираю вас за спокойствие, когда вы видите пьющего спиртное сверстника и не останавливаете его... Вы предаете его, вы убиваете в нем жизнь, потому что каждой каплей алкоголя он отравляет свой мозг, разум. Вы, кто бравируете выпитой рюмкой, — убийцы своего будущего. И мне жаль вас, я ненавижу в вас эту браваду, потому что вы обездоливаете себя, потому что вы лишаете себя силы мужской, человеческой силы, потому что вы уходите, позорно уходите от борьбы. Ибо какой из слабака борец?! — Я замолчал... еще раз обвел взглядом зал. Никто не опустил глаза. По-прежнему тревожные, суровые и понимающие глаза мальчишек смотрели на меня не мигая. — Подумайте, — снова заговорил я. — И займите, каждый по своей совести, свою позицию... Из зала подростки выходили молча, словно нехотя. Лица были задумчивы... — О чем вы тут с ними говорили? — спросили меня в коридоре их одноклассники. — Какие-то они пошли такие. Мрачные, сердитые, не разговаривают...? — У нас был мужской разговор, — ответил я и вдруг подумал, что разговора ведь не было. «Но почему же у меня такое впечатление, что мы поговорили! — размышлял я, уже сидя у себя в кабинете. — была ли двусторонняя связь?» В кабинет зашла учительница математики Зоя Гавриловна Грайворонская: «Мои что-нибудь натворили?» видя мое недоумение, пояснила: «Пришли в класс (договаривались позаниматься после уроков) хмурые, сели, достали тетради и молчат. Вижу: что-то произошло... Спрашиваю: «Вы что-нибудь натворили?» Молчат... «Заниматься будем сегодня?» Молчат. Потом Лунев встал и говорит: «Давайте перенесем дополнительные на завтра, сегодня как-то не то...»

У нас разговор был серьезный...» «Были у директора?» «Да нет, всех ребят собирали... Просто... мужской разговор был...» Так и сказал? Да-а... А что это вас так обрадовало? Так разговор, понимаете, разговор все-таки был?! А что, вас там не было? — недоуменно спросила Зоя Гавриловна. Был... Но я не был уверен, состоялся ли разговор... Оставшись один, я вновь стал вспоминать все, что было в зале. Вспомнил, как задал вопрос, как от души смеялись парни после чьей-то реплики Луневу. Когда же наступил перелом? Перелом наступил до моих слов. Да-да, я еще ничего не сказал, а глаза у ребят были уже сосредоточены, серьезны. Вспомнил их напряженным вниманием наполненные лица, когда я, почувствовав вдруг наступившую тишину, посмотрел в зал... Значит, разговор у нас начался еще тогда, когда не было сказано ни одного слова. Ребята сначала увидели мое отношение к происходящему, почувствовали мои мысли, а уже затем услышали. Мои слова были лишь дополнением к уже состоявшемуся разговору...

Срыв. Не скрою: я долго думал, писать или не писать об этом случае. И все же решил: писать надо. Надо для того, чтобы завтрашний день был лучше вчерашнего... Что с тобой? Кто тебя обидел? — спрашиваю дрожащую всем телом от громких рыданий ученицу X класса Татьяну Васильеву. Но Таня, закрывая одной рукой мокрое от слез лицо, а другой разорванную на плече кофточку, отрицательно качает головой... Ты же сейчас должна быть на занятиях? Это случилось на уроке? По-прежнему не говоря ни слова, девушка лишь еще ниже опустила голову. В ее вздрагивающих худеньких плечах, во всей ее сгорбленной, будто придавленной невидимым тяжелым грузом фигурке—кричащее отчаяние, обида и безысходность... Тебя били?! Таня на мгновение открыла лицо, силясь что-то сказать, но не смогла, вновь захлебнувшись рыданием. Это произошло только что? Девушка кивнула головой... Значит, на уроке... Теряясь в догадках, до конца не веря, что в нашей школе, да еще и на уроке, кто-то мог ударить девушку, надеясь на то, что, может быть, что-то не так понял, преувеличиваю, я открыл дверь класса, где училась Васильева... — Извините, что врываюсь на урок, — сказал

я поднявшимся выпускникам, которые явно старались не смотреть мне в глаза, — но... И тут увидел, что на задней парте сидит, развалившись, вытянув далеко в проход ноги, Олег Сеничкин. На красном лице расплылась презрительная ухмылка. В прищуренных глазах — вызов. — Сеничкин. Ты что, притомился? — А я плевал... на ваши речи... — растягивая слова вызывающе нагло произнес он... Взглянув на его крепкие в татуировке руки, почему-то вспомнил первый свой день в школе, тех лохматых... — Так что же все-таки здесь произошло? повернувшись к классу, мрачно спросил я. — Да здесь была одна х-храбрая... — развязно громко, победно оглядывая класс, процедил сквозь зубы Сеничкин. — Была, да схлопотала... за избыток общественной активности. Так это... ты-ы-ы! — отказываясь понимать и верить цинизму десятиклассника, протянул я. Внутри у меня будто вскипел вихрь. Я быстро подошел к Сеничкину крепко сжав его дернувшееся навстречу плечо, резко повернулся к классу... И вы позволили... — Я с труда подбирал от захлестывающего меня гнева слова... — И вы позволили, чтобы на ваших глазах здоровый детина бил девушку?! Как это понимать?! Парни! На ваших глазах бьют человека, девушку, а вы спокойны... вы не выбросили вот этого... вон из класса, не пресекли, не прекратили это бесчестие, этот позор?! Сеничкин выскочил из-за парты. Глаза его налились кровью, в них было что-то чужое, злое, жестокое. «Коротким—снизу», — как молния ударило в мозг. Все остальное было сделано автоматически... Когда я подошел к сидевшему на полу рядом с учительским столом Сеничкину, он негромко, но внятно произнес: «Вот теперь понятно, батя...» На меня смотрели вдруг оказавшиеся светло-синими глаза. Мне даже захотелось оглянуться, может быть, это не Сеничкин?.. В кабинет, — коротко бросил я, — там.... Таня. Это очень важно для тебя, для нее, для всех... — Я понимаю... Не надо лишнего. Я все понимаю, спасибо... батя, — подчеркнув слово «батя», сказал Олег и вышел из класса... Почувствовав внезапно наступившую усталость, я сел на свободное место за первой партой. На душе было тяжело. — Через несколько месяцев вы получите документ о среднем образовании, его не случайно называют аттестатом зрелости. — будто размышляя вслух, говорил я. — В нем отражены ваши успехи в изучении наук... К несчастью нет в ряду дисциплин одной, самой главной—как стать человеком. Видимо, это от того, что по данному предмету мы ни на минуту не прекращаем сдавать экзамены в течение всей жизни. В течение всей жизни... Все, что произошло в вашем классе, не должно повторяться. Прошу вас, сделайте самый тщательный анализ случившегося. Строго спросите с каждого действующего лица. — Я надавил на слово «каждого». — Решение прошу сообщить мне... Открыв дверь кабинета, увидел Олега и Таню. — Ну что? Разговариваете? — рассеянно спросил я. — Михаил Петрович! Я уже сказал Тане. Какие тут могут быть слова... Это теперь на всю жизнь... Тань? Михаил Петрович! Мне за себя стыдно... Я... если бы вы знали... — у Олега на глазах блеснули слезы... — Не надо, Олег... — Таня тронула его за руку. — Я же тебя простила... — Идите, вас ждут в классе... — прервал я Таню. — Олег, придешь ко мне... послезавтра, после уроков... Они вышли. Как все-таки интересно устроен человек! Она говорит ему: «Простила...» Это ведь от доброты, от неистребимого человеческого желания доброго другому. Она ему сказала: «Прощаю», но случившееся надолго войдет в ее жизнь и всякий раз отзовется болью, когда всплывет вдруг в памяти пережитое... А у Олега разве не останется незаживающей раной на сердце его поступок?.. Чем его теперь искупить? Чем сгладить боль, причиненную другому? Если бы можно было человеку, как в кино, переснять неудачный кадр своей жизни, как неудачную пробу. Человек творит жизнь один раз. Ничего в ней нельзя повторить, исправить, изменить, как не изменишь, не исправишь, не вернешь твой поступок, учитель... Вы, наверное, уже приготовили мне обвинение? Не надо... Я сам, сколько бы ни прошло времени, буду винить себя за эту непростительную ошибку. Я винил себя и тогда, когда десятиклассники, зная, как я оцениваю свои действия, пришли в кабинет, чтобы сказать: «Вы поступили правильно», винил себя и тогда, когда читал спустя два года письмо старшины Сеничкина; «...Больше всего помню тот короткий, но на всю жизнь памятный урок... тогда я понял, что, если Вы пошли на то, что бы поставить себя под увольнение, не отступить, не примириться, не пойти ни на какие с моей позицией соглашения, значит, Ваша позиция сильнее моей Я тогда был готов провалиться сквозь землю от стыда, когда увидел себя со стороны Вашими глазами...» Сколько буду работать в школе, буду винить себя за то, что не сумел вызвать чувство стыда у

Сеничкина другим способом, не смог по-другому выразить свое отношение к его поступку. И не дай бог, если кто-то поймет меня превратно и использует описанный из ряда вон выходящий случай как пример для оправдания своей жестокости... Но об этих нестандартных, нетипичных случаях я пишу потому, что они помогли верно увидеть отправную точку силы педагогического воздействия, а это имело огромное значение для выбора в дальнейшем наиболее эффективных путей воспитания. Много размышляя над каждым из описанных случаев, я пришел к выводу, что неожиданный положительный эффект моих педагогических провалов—в убежденности и искренности реакции на то, что считаю отвратительным в людях и их поступках. Если ты не чувствуешь гнева, а изображаешь его, то гнева нет. Если ты сам не веришь своим словам, как же поверит в них ученик? Ученику можно передать только то, чем ты сам наполнен. Педагогика не существует вне личности учителя. Пути совершенствования личности учащегося идут через совершенствование самого учителя. Утверждение: скажи мне, кто твой учитель, и я скажу, кто ты, — справедливо и правомочно, как справедливо и правомочно утверждение: скажи мне, кто ты, и я скажу, кто твой учитель. И еще я думал о том, что наше воспитание стало в основном словесным. Не отсюда ли многие наши беды? Нам сегодня крайне не хватает воспитывающей деятельности. Как известно, чтобы воспитать ответственность, есть одно средство: возложить ее на человека. Единый образ завтра. Мне хотелось, чтобы мечта о будущей школе была общей, чтобы она выросла из повседневности, став основой всей нашей жизни. Будущее рождается сегодня. Оно прорастает в каждом добром поступке, в борьбе за лучшие, более гуманные, более красивые отношения. Трудно сказать, когда мы подошли к единому видению образа будущей школы. Да и вряд ли можно зафиксировать четко день или час. И все же особую роль в оформлении мечты сыграл спор девятиклассников во время очередной генеральной уборки школы ранней весной 1975 года. Борьба за чистоту стала шагом на пути к новой школе. Это было, пожалуй, первое общее для всего коллектива дело, в котором как равные, плечом к плечу участвовали учителя и ученики, в котором начало формироваться у ребят чувство ответственности не только за себя но и за всех. Ожесточенно драя-пол, мы снова завели разговор о том, почему, несмотря, казалось бы, на все принятые меры в школе по-прежнему приходится часто делать генеральные уборки. — Надо сделать школу такой, чтобы в нее не посмели ступить грязной ногой, — прозвенел голос Зои Фроловой над потными головами сосредоточенно трущих уже выцветший от частого мытья пол девятиклассников... — Да разве с нашими можно что-нибудь сделать... —скептически вздохнул Сергей Прокофьев, слегка растягивая слова. — Можно, если всем взяться! — Ну вот, я же говорил, — пробасил Прокофьев. — Одни только разговоры. Еще ничего не сделали, а уже разногласия... — Почему? — не выдержал я. — По-моему, все говорят об одном и том же: нужна новая школа. Такая школа, чтобы в нее хотелось идти, чтобы ее любили. Хотите расскажу, какой вижу завтрашний день нашей школы? Хотим! Расскажите! — дружно, почти хором ответили ребята. — Тогда давайте поднажмем, чтобы «вырвать» время на разговор. Но и вы за эти минуты подумайте о том, какой бы вы хотели видеть школу, чтобы каждому в ней было хорошо, чтобы из школы уходить не хотелось... И вот мы расположились в классе. — Можно вопрос? — поднял руку Алымов. — Говори, Толик... — Разговор этот всерьез или так, путешествие в страну Фантазию? А то у нас времени нет, дома хозяйство ждет. — Разговор всерьез. Поэтому давайте свои предложения. Вначале робко, а затем все смелей и смелей высказывались—девятиклассники: так организовать учебу, чтобы все делать на уроках, чтобы не было домашних заданий, чтобы ученики и учителя с уважением относились друг к другу, чтобы было побольше самых разнообразных кружков, чтобы каждому нашлось любимое дело; создать свое подсобное хозяйство, мастерские, чтобы еще до окончания школы приобрести специальность; купить автобусы, катера и каждое лето путешествовать вместе по стране; организовать свой лагерь где-нибудь в лесу или на берегу моря, чтобы отдыхали в нем и октябрята, и пионеры, и комсомольцы... Ребята! Пора подводить черту. Я рад, мне повезло быть вашим директором. Вы сегодня дали очень много ценных советов. И если школа, о которой вы говорили, есть в вашем сердце, она обязательно будет. Но хочу спросить у вас: готовы ли вы к борьбе за такую школу, не отступите ли перед первыми испытаниями? Не отступим! — разом выдохнул девятый.

УРОКИ «ОТВАЖНОГО» После этого разговора состоялось собрание учащихся VII—IX классов. Собрание приняло решение: создать производственную бригаду для участия летом 1975 года в реконструкции школьного здания с тем, чтобы разместить в нем не только общеобразовательную, но и спортивную, хореографическую, художественную, музыкальную школы, клубы юных техников и натуралистов. И вот я у председателя колхоза Н. Е. Босова. Он взялся обеспечить стройку материалами, выделить специалистов—строителей для выполнения сложных работ. В мае завезли все необходимое, купили палатки, чтобы жить в лагере. Но места для него еще не выбрали. Хотелось, чтобы лагерь был в лесу, на берегу озера. И вот в один из солнечных майских дней выехали на разведку. Посмотрели все предложенные ребятами уголки и к концу дня единогласно решили: лагерь разбиваем в урочище Попово на берегу озера близ села Нечаевка. На общем собрании производственной бригады еще раз до мелочей обсудили, как будет организована в лагере наша жизнь. Сегодня трудно представить, как выглядел наш лагерь летом 1975—го. Там, где стояли ряды больших, выцветших на солнце десятиместных палаток, сейчас три «улицы» пятиместных коттеджей с разноцветными шиферными крышами, по форме напоминающих палатки. Вместо кухни—временки и длинного дощатого стола под открытым небом—добротная, с крытым обеденным залом столовая, окруженная с трех сторон раскидистыми яблонями. Нет и танцевальной полянки, где весь лагерь, став в круг, разучивал с балетмейстером Ольгой Федоровной Коноваловой новые танцы. На том месте—просторная асфальтированная площадка и для спортивных игр, и для танцев. Нет и колких, из красного кирпича и оранжевого песка, извилистых дорожек, которые, контрастируя с яркой зеленью, так украшали лагерь. Остались лишь озеро да огромные вековые дубы... В июне 1975—го лагерь назывался «Орленок». В его палатках жили около ста ребят. Каждое утро, расплескивая веселые песни на всю округу, возило одну за другой бригады из лагеря в школу наше «грузотакси», управляемое водителем М. В. Курицей. Работа была нелегкая. Часами счищали маленькими лопатками старую шпаклевку с потолка до бетонных плит и выбивали болтающиеся между ними цементные швы. Эту работу мы шутя называли «пыльная, но не грязная». А «грязной, но не пыльной» считалась работа по смыванию со стен классных комнат и коридоров меловой побелки, кладка кирпичных стен—перегородок в будущей музыкальной школе. И то и другое требовало волн, бойцовского характера. Не каждый, например, сможет, стоя высоко под потолком, прогнувшись назад, по несколько часов в день снимать маленькой лопаточкой по сантиметровой ленте шпаклевку, сыплющуюся за шиворот, растекающуюся едкой грязью вместе со струйками пота по всему разгоряченному телу. И так изо дня в день, в течение месяца. Глядя на парней и девчат, которые в облаках пыли неистово скоблили потолок, я удивлялся, откуда они берут силы. А они еще и шутили, подзадоривали друг друга. Но зато какое блаженство мы испытывали, когда, приехав в лагерь, окунались в чистую и прохладную воду озера. Я нередко думал, что завтра никакими силами не заставить нас снова стоять под колючими струями песка и пыли. Но приходило утро, и с песнями, веселыми шутками мчались мы на своей чудо—машине навстречу нашим мукам, как на праздник. Сквозь грязь и пыль, сквозь пелену едкого пота мы видели нашу мечту, рвались к ней. Не было дня, чтобы не говорили о будущей школе... Кончался июнь. Давно прошел день, когда должны были прийти к нам на помощь отделочные бригады строителей. «Вы не волнуйтесь, — успокаивал начальник СМУ, — вот закончим объект, и все силы бросим к вам... Успеем!» Но шло время, а помощи не было. Когда я глядел на грязно—серые стены и потолки школы, прикидывая, сколько впереди нас ждет работы, сердце сжималось от тоскливой мысли: «Не успеем...» — С 4 июля две бригады отделочников будут работать в вашей школе... —сказал мне 2 июля инженер СМУ. — У вас материалы заготовлены полностью? — спросил он, когда я уже собирался уходить. — Полностью. И подготовительные работы сделаны. Ну, тогда за июль всю вашу школу выкрасим... Но 4 июля никто из строителей не приехал. Пятого утром я был в кабинете главного инженера. Он был хмур, как туча, и без всяких предисловий прочитал указание вышестоящей организации о срочной переброске строителей на другой объект. Текст распоряжения я воспринял как приговор. Мне что—то объясняли, высказывали сочувствие, а я видел уставшие лица ребят и пустую, жалкую, обманутую школу... «Вот это сюрприз! Вот это подарок к концу трудовой

четверти, — язви́л внутренни́й голо́с. — Вот и съездили на море...» Да, «Орленок» через несколько дней должен был ехать на море в туристскую поездку. Мы договорились работать месяц. Месяц кончился... Не успел я захлопнуть дверцу машины, как меня обступили веселые, оживленные ребята. — Прошу собрать всех на линейку, — сказал я военруку. И вот лагерь построен, умолкли голоса. Все приготовились слушать, — Ребята! Ехал из Белгорода и подбирал нужные фразы. А когда увидел ваши радостные лица, все слова растерял. Да какие тут могут быть слова! Спасибо вам! Вы сделали все, что можно было сделать. Но наша школа к 1 сентября... не будет готова, если мы уедем на море... — Я сделал паузу и оглядел ребят. На лицах — растерянность, непонимание, тревога. У некоторых — едва заметная грустная улыбка: «Вот и море обещанное...» — Запомним этот день — 5 июля 1975 года, — продолжал я. — Сегодня мы решаем судьбу нашей мечты. Если мы разойдемся по домам, вместо новой красивой школы 1 сентября малыши увидят серое здание с облезлыми стенами и потолком. Тем, кто останется, придется работать в две, а может быть, и в три смены... Но другого пути нет. Школа должна быть готова к 1 сентября. Должна... Прошу каждого взвесить свои возможности. Тех, кто не сможет по каким-то причинам работать, кто не уверен, что выдержит, ждет машина. Мы не будем осуждать, не будем думать о них плохо — они сделали все что могли. Даю две минуты на размышление. Советоваться только с собой, со всеми днями своей жизни, прожитых до сегодняшнего дня, поэтому в строю стоять молча. Не забыть этих долгих ста двадцати секунд. «А если останусь один? Если на том месте, где сейчас стройка увижу только следы на песке?» Стрелка прошла последние пять секунд. Все, ребята, время истекло. Строй дрогнул и снова замер. Но вот в левом крыле вышли двое, затем еще... еще... Уходили молча, я не мог смотреть, как буквально на глазах тает шеренга. Слышно, как шуршит под ногами уходящих песок. Тишина. Я поднял глаза. Стоят... стоят мои девчонки и парни. Редкий строй, большие паузы — просветы, между ними следы ушедших. — Сомкнуть ряды. По порядку номеров рассчитайсь! Первый! Второй! Третий?.. Сороковой! Расчет окончен. Сорок из ста двадцати, значит, каждому работать за троих. Мне хотелось кричать рвущееся из сердца: «Вы удивительные! Вы самые красивые, самые родные, самые настоящие люди!» Но вместо этого произнес непростительно буднично: «Разойтись! Собраться всем через пять минут во второй палатке». Не помню сейчас все подробности нашего с ребятами разговора. Помню только, что размышляли о трудном человеческом счастье — отвечать за все происходящее вокруг, говорили о том, что жизнь — это борьба за красоту и для победы в этой борьбе нужны единство, крепкая дружба, твердая дисциплина... Когда вышли из палатки, уже спустился вечер, высоко над нами зажглись звезды. Густая тьма растворила нас в огромном мире, но не было ощущения беспомощности, напротив, на душе было удивительно спокойно. В тот вечер мы стали трудовым отрядом «Отважный». Именно с этого отряда началась ставшая впоследствии лауреатом премии Ленинского комсомола Яснозоренская школа — комплекс. Пожелав друг другу спокойной ночи, ребята разошлись по палаткам. Я спустился вниз, к озеру. Окруженное с трех сторон темным лесом, оно производило странное впечатление своей яркой и густой чернотой. Казалось, что под берегом не вода, а бездна. В озере отражались звезды... У каждого человека бывают в жизни минуты, когда он, разорвав пути маленьких мыслей с прицелом на час, день, вдруг начинает видеть бесконечность грядущего и бесконечность прошедшего. В такие минуты жизнь уже не замыкается в нем одном, он чувствует себя частицей человечества. Сегодня ребята испытали эти минуты прозрения, почувствовали в себе жаркое пламя вечного огня красоты. Как важно, чтобы они не дали ему угаснуть, чтобы сегодняшний день для каждого стал началом большой, без остатка отданной людям, а потому счастливой жизни... А что если написать песню? Раскрыть красоту их поступка, подарить на память о сегодняшнем вечере? На следующий день

отважновцы, устроившись на высоком берегу озера, разучивали песню о себе. Грома — воины мы с тобой не слышали, Летней грозы только слышали гром. Вражеских танков в бою не взрывали... Сорок «Отважного» дружно сказали: «Надо? — И мы шагнем...» Лагерь «Отважный» в курчавой дубраве Над кручею взмыл, словно конь на дыбы. Здесь отдал бы каждый, не мысля о славе, Покоя сто лет ради мига борьбы... Героем ты станешь не вдруг, не

однажды. Будь вечно в движении, вечно в бою. Отважным и смелым становится каждый, Кто не сбежал, когда трудно и страшно... Надо? — Остался с строем... Ребята пели тихо. Их негромкие голоса звучали над озерной гладью, поднимаясь вверх к зеленовато-голубому вечернему небу, сливаясь с миром, с землей Родины в единое целое. Серьезные, вдумчивые лица, напряженная суровость глаз говорили о том, что песня понята и принята. ...Главным содержанием нашей жизни стала напряженная работа, но песни, шутки, задорный смех сопровождали ребят всюду, где бы они ни были. Каждый стремился сделать больше, взять на себя наиболее неприятное. И никакого хвастовства, позерства. «Чем вы их приманиваете? — шутили родители. — Дома не удержишь... В субботу приедут из лагеря, только и разговоры про «Отважный». А в воскресенье с самого утра—сборы в лагерь и опять рассказы, только уже про то, что будет...» Нас, педагогов, тоже неудержимо тянуло в отряд. Хотелось просто быть с ребятами, видеть их глаза, лица. У нас не было каких-то особых педагогических приемов, заранее продуманной стратегии и тактики. Но на наших глазах происходило изменение, а иногда и настоящее перерождение ребят в лучшую сторону. И когда наступил день завершения работы, мы почувствовали, как велика наша привязанность друг к другу. 21 августа мы последний раз мыли в бензине кисти и валики. — Мы больше не будем вместе? — спросила у меня Лена Фаюстова срывающимся от волнения голосом. — Почему? Мы же будем встречаться в школе. — Встречаться, и все? — это уже Надя Неронова. — Мы должны быть вместе, понимаете, не рядом—вместе. — Но что ты предлагаешь? — Надя удивленно посмотрела на меня и решительно ответила: Быть вместе. Отряд не расформировывать! «А почему в самом деле нам не сохранить отряд? Он же трудовой! — весь день думал я о разговоре с Надей и Леной. — Разве трудовые дела не ждут нас в течение года? Есть же круглогодичные производственные бригады. Почему «Отважному» не взяться, например, за организацию производственной практики, трудовых операций в школе?» И вот прощальный костер. Песни, частушки на тему жизни в «Отважном», шуточные и лирические рассказы, стихи. На душе удивительно—легко и грустно. Легко оттого, что очень трудное дело сделано: красавица школа ждет первого звонка, ждет своих учеников. Грустно оттого, что уходит еще одно лето детства. Для большинства

отважников 1 сентября станет началом последнего учебного года в школе. Сколько открытий, находок, зрелых мыслей уйдут вместе с этими девушками и юношами! А бесценный нравственный опыт ребят? Нет—нет—отряд должен жить. — О чем задумались. Михаил Петрович? — вдруг громко спросил Толик Алымов. — О чем? Думаю о том, как нам жить дальше. — Я не понимаю, почему мы молчим? — поднялась Надя Неронова. — Все же хотят быть вместе, хотят, чтобы жил наш отряд. Разве дела кончились? Разве только летом есть работа? В общем, так: мы решали все советом, значит, решать, быть нашему отряду или не быть, тоже давайте советом. Я предлагаю отряд не расформировывать. Что вы на меня смотрите? — сказал я. — Ставьте на голосование. Кто за то, чтобы отряд сохранить, чтобы «Отважный» действовал постоянно, прошу... поднять... руку, — каким-то стальным, видимо, от волнения голосом проговорила Надя. И увидев среди других поднятых рук и мою, неожиданно громко закричала: — Единогласно! Ура—а—а!.. Позже мы не раз возвращались к опыту работы в «Отважном», вновь и вновь пытаюсь осмыслить истоки, первоосновы, что ли, притягательной силы трудового отряда. Детство—время стремления человека ко всему прекрасному. Никогда он не жаждет так красоты, как в эту пору. И как важно помочь юной душе увидеть истинно великое в жизни и человеке. В «Отважном» мы стремились создать такие условия, такие отношения, чтобы ребята могли возможно более полно удовлетворить жажду идеального. Мы учили и учились сами на образцах прекрасного, которые дает нам история нашей страны. Люди героической судьбы живут, действуют, став нашими мыслями, мечтой, делами. От поколения к поколению несет их в настоящее, в грядущее благодарная память народа. Святая память. Человек силен памятью и верой! Величие человека—в величии его народа. Герои, память о них—та святыня, то бесценное достояние, которые питают нашу жизнь. Вот почему огромное значение мы придавали рассказам о героях, песням о них и обстановке, эмоциональному фону, рождающим внимание и доверие. Костер, ночь, тишина. Каждое слово проникает к сердцу воображение уносит в те времена, в ту среду, к тем

событиям, о которых говорится в рассказе или поется песне...

«Нет у революции конца!». Пригласили мы к себе в гости ветеранов труда и Великой Отечественной войны. Они рассказывали ребятам о трудных годах борьбы за «социализм, о днях своей юности, о друзьях, не доживших до Победы. Ребята слушали с большим вниманием. Еще бы! Перед ними живые герои истории, времени, о котором столько снято фильмов, написано книг, песен... В разговоре, несомненно полезном и нужном, звучал один настораживающий мотив: «Да, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя... Богатыри, не вы...» А один из гостей, видимо искренне желая оттенить важность памяти о прошлом, сказал: Хорошая у вас сейчас жизнь, ребята. Всё для вас! Живи и радуйся! Вот если бы пожили в наши дни, тогда бы почувствовали, что такое трудности, что такое борьба за жизнь... Когда гости ушли, я попросил

отважников не расходиться. Ну, как встреча, понравилась? Да, очень! — дружно ответили ребята. — А вы согласны с тем, что все трудности в прошлом и нам только остается радоваться и наслаждаться? — вызывая на спор, спросил я. — Ну, не совсем, может быть, так, — медленно начал Миша Козьмин. — Трудности какие-то есть, конечно. Но битв тех нет. Как говорится: «Битвы все отгремели...» — Все так же думают? Вопрос очень важный, хотелось бы, чтобы со своим мнением выступил каждый. Разговор продолжим завтра, на следующем костре... Ребята расходились молча. А я вдруг подумал, что вот так же молча и нерешительно они идут навстречу жизненным испытаниям. Они же не видят себя в завтрашнем дне, не представляют трудностей, которые ждут их за стенами школы. «Готовься к борьбе за счастье своего народа, за коммунизм», — говорим мы им. Не понимают ли всю глубину этих слов наши воспитаники? Борьтаться? С чем? С кем? Как? Высказывая тревогу о том, что наше воспитание стало в основном словесным, я имел в виду слово формальное, казенное, не находящее отклика у детей. В противовес ему огромным воздействием обладает слово, согретое чувством, освещенное мыслью, рождающее, в свою очередь, ответное чувство, ответную мысль

. И вот таким, как будто обращенным лично к каждому, стало для нас слово замечательного человека и учителя Б. А. Сухомлинского. Его афоризмами начали мы беседу у костра. 1. Почему человек д о л ж е н ? Весь смысл нашей жизни заключается в том, что мы должны. Может ли быть по-другому? 2. Что было бы, если бы человек делал только то, что ему захочется? Мог ли быть человек счастливым? Смогло ли вообще существовать человеческое общество? 3. Огромное зло — «жить в собственное брюхо» (Ф. М. Достоевский), быть эгоистом, не видеть ничего дальше своего носа, не болеть болями общества. 4. Бойся стремления обладать вещами! Подлинное богатство человека не в вещах, а в разуме, в духовных ценностях. 5. «Патриотизм—чувство самое стыдливое» (Л. Н. Толстой). Береги святые слова и дорожи ими. Не кричи о любви к Родине, а трудись во имя ее блага, счастья, могущества. 6. Кричать о недостатках—для этого большого ума не надо. Презирай демагогов и пустозвонство. Думай и делай все, чтобы торжествовали добро и справедливость. 7. Ты станешь настоящим человеком лишь тогда, когда узнаешь, что такое трудно. Если в детстве, отрочестве, ранней юности тебе все легко, ты можешь вырасти безвольной тряпкой. 8. Не раздумывай, как поступить, увидев зло, — бороться против него или, закрыв глаза, пройти мимо. 9. Если человека заставляют трудиться другие, заставляют учиться другие, заставляют быть хорошим сыном своих родителей и хорошим отцом своих детей другие— такой человек опасен для общества. 10. Человек оставляет себя в человеке. В этом— человеческое бессмертие. Как важно направить мысль ребят, создать настроение доверия, искренности, уважения и чуткого внимания к рождению мысли товарища. Только при этом условии получается не просто разговор, а духовное общение, так необходимое человеку вообще, и особенно юному. Минуты самовыражения, когда учителю открываются мысли и чувства учеников, — его счастье. И здесь главное—не спугнуть менторским поучением, неосторожной насмешкой, может быть, неумело, сбивчиво высказанную еще незрелую мысль, поддержать первую попытку самопознания. Мы говорили о том, что для каждого человека приходит пора,

когда он должен определить свой жизненный путь, представить себя в будущем. А для этого нужно взыскательно и строго взглянуть в себя: кто я? Чем интересен людям? Что больше всего ценю и что ненавижу? Что мешает мне стать настоящим человеком? Что такое достойная человека жизнь? Передний край борьбы за коммунизм проходит сегодня через сердце каждого человека. Каким же должен быть настоящий человек, коммунист? Ты и общество? Мера ответственности каждого за все хорошее и плохое вокруг? Что такое совесть? Нужны ли современному человеку сочувствие, сострадание? Можно ли быть настоящим коммунистом, подлинным патриотом, если не научишься быть добрым, отзывчивым на беду близкого человека? Революционер, гражданин начинаются не с повторения известных лозунгов, а с заботы обо всем окружающем, с чувства возмущения любой несправедливостью, с равнодушия к нуждам и несчастьям близких, с внутренне осознанной потребности делать добро, жить по законам совести, с непримиримости к неправде. Об этом и еще о многом говорили мы в тот удивительный вечер узнавания друг друга. Расходиться не хотелось. Как интересно раскрылись перед самими собой и друг другом ребята! Этот разговор помог им увидеть незаурядность личности каждого. И думаю, для многих он стал началом духовного становления. А в конце была новая, написанная специально для этого костра, песня: Не верьте, ребята, что бури прошли, Что жизнь наша легкою стала. — На разных широтах планеты Земли Нам дела осталось немало. Творит конструктор новую машину Иль покоряет летчик высоту, — Идет борьба за красоту, Идет борьба за красоту, За самую высокую вершину! На хлебных просторах, на стройках страны Идет каждый день бой за счастье. Мы дети героев Великой войны, Что мир нам спасли от ненастья. Творит конструктор новую машину Иль покоряет летчик высоту, — Идет борьба за красоту, Идет борьба за красоту, За самую высокую вершину! Нет у революции конца... Борьба за самую высокую вершину красоты человеческого духа—коммунизм—продолжается. Эта идея стала ведущей в нашей воспитательной работе с ребятами. И мы убедились, как важны, необходимы и ученикам и учителям минуты искреннего общения. Каждый рос на том хорошем, ценном, что было в нем, а также на том лучшем, что открывал в других.

Страна Надо. «Откуда вы таких крепких ребят набрали?» — спросил меня заведующий первым отделением совхоза «Ветязево» Анапского района Краснодарского края. У нас стало традицией, поработав месяц–полтора на своих полях, выезжать отдыхать на море. И нередко мы выручали хозяйства в трудную пору уборки урожая, когда особенно нужны лишние руки. А мы из страны Надо, — ответила за меня Лена Ковалева, ученица VII класса. Что это за страна? — Об этой стране одним словом не скажешь, — гордо, с достоинством ответила Лена. Одним словом не скажешь... В тот день, уставшие после двухсменной работы, мы возвращались на машине в «Отважный». Как всегда, веселые, бодрые песни заглушали гудение двигателя. У всех было хорошее настроение. И от того, что стала двигаться быстрее работа, и от того, что каждый выдержал еще одну проверку на прочность (день был трудный), и от того, что всех нас, чумазых, ждали купание в прохладной воде озера, а чуть позже интересный фильм в соседнем селе, куда мы собирались идти все, кроме, конечно, караула... Вдруг машина, резко сбавив скорость, затормозила. На краю дороги, прижавшись к обочине, стоял приметный голубой мотоцикл агронома Владимира Александровича Лозебного. А я к вам ездил... — начал он без предисловий. — Очень нужна ваша помощь! О, да вы уже изрядно поработали. Извините, я думал, что вы только до обеда работаете... А что случилось? — спросил я. Погода стоит хорошая. Зерно идет большое. Сейчас каждая минута дорога! Комбайны работают и ночью. А на току в эту ночь зерно принимать некому. Не могу найти людей. Вот я и подумал... об «Отважном». А теперь вижу, вас хоть самих выручай... Я понимал, что выручать надо. Но как? Мы уже столько дней работаем в две смены. А помощь нужна не на пару часов. Работать надо до утра. — Владимир Александрович, — я подбирал слова, — устали ребята... Нет, не можем! — добавил уже твердо. — Почему не можем, Михаил Петрович? — спросил кто–то сзади. Я обернулся—Надя Неронова. — Мы не все устали! — сказала Надя. — Пусть на ток поедут добровольцы. Надо помочь. Надя надавила на слово «надо» и многозначительно посмотрела на меня.

— Добровольцы? — вздохнул я. — Ну что ж... Владимир Александрович! Подождите! — крикнули ребята садившемуся уже на мотоцикл агроному. Есть добровольцы? — спросил я у ребят. Есть! — дружно, по-военному ответили

отважновцы. Кто хочет работать на току в ночь, прошу поднять руку, — сказал я, предполагая, чем все кончится. Так и есть: руки подняли все. И странное дело, решение ехать на ток прибавило сил, смело с лиц усталость. — Спасибо, ребята! — Лозебный помчался на своем мотоцикле туда, откуда доносился глухой рокот комбайнов. Ночью на краю села Черемошного, где был расположен ток, звенели песни

отважновцев .

И пели, и работали ребята так, как будто не они весь день провели в напряженном труде. Зерно шло машина за машиной. Машину за машиной принимали ребята хлеб, выращенный руками отцов. Принимали как эстафету трудовой доблести. Лето 1975 года (из дневника Гали Зинченко). «Скоро конец нашей работе. Кончили побелку потолков, близится к концу покраска стен. Задерживают полы. Во многих местах краска отстала от пола. Образовались тысячи мелких и крупных прогалин. Если в таком виде оставим пол, покрасим его новой краской, то он все равно будет кривым и уродливым. Прогалины останутся, только будут затушеванными... Решено снять всю краску, целиком оголить пол, чтоб он был весь ровный. Попробовали эту работу сделать шпателями. Но дело почти не двигалось с места. Снялись только те слои краски, которые вздулись. А что делать со всей площадью пола? Кто-то предложил применить раствор каустической соды. Попробовали—получилось. Краска смывается легко. Старшие нас вначале к работе с содой не допустили—работать с нею опасно, но мы заявили протест: в «Отважном» все равны. Состоялся совет «Отважного», на котором решили: «на соде» работать всем по очереди... Сода очень быстро «съедает» не только краску, но и обувь. Приходится надевать старые, уже ненужные сапоги, ботинки. Сегодня Галя Сыровотченко поранила содой ноги. Ей попалась обувь с тонкой подошвой. Вскоре раствор достал до кожи ног. Гале надо было немедленно бросить работу и пойти переобуться. Но раствор был уже вылит, его надо было срочно размазать по всей площади пола, иначе он просочится на потолок нижнего этажа.» Потолки были побелены. И если бы на нем выступили пятна соды, то всю работу пришлось бы начинать сначала. . Галя не ушла, пока не было сделано все необходимое... Когда Михаил Петрович спросил Галю: Почему ты не пошла переобуться?» — она ответила: «Так надо же было доделать работу...» Да, она тогда сказала это очень просто, даже с удивлением, как само собой разумеющееся. «Так надо же...» Надо... Сколько раз звучало это короткое слово, когда необходимо было перешагнуть через «не хочу», «не могу», когда надо было помочь людям. Во многих

отважновских песнях можно встретить это слово... Надо! — короткий, но емкий приказ самому себе, когда, кажется, нет сил, когда так хочется отдохнуть , прилечь, расслабиться. Надо! — призыв к воле. решительным действиям. Надо! — значит, хочу помочь людям, хочу человеку счастья. Из этого «надо» выросла одна из ведущих линий нашей воспитательной работы в школе, нашей работы по самосовершенствованию. «Надо зимой посадить елки. Ямки, заготовленные осенью, оказались слишком малы. Мороз свыше двадцати, земля, как железо. Леша Болотов, Гена Босов, Валера Сенчишин, Гена Богатырев, Юра Борцов, Леша Макаев выдолбили ямы...» «Надо помочь старушке, у дома которой лагерь остановился на ночлег. Муж ее в возрасте 70 лет парализован. Ребята решают: выделить из заработанных 200 рублей...» Эти строки из дневников «Отважного» можно продолжить. «Надо», равное «хочу жить для людей, хочу оставить на земле след Доброго». Именно такое «надо» воспитывалось в «Отважном» и через «Отважный» утверждалось в школе. «Отважный» был своеобразной кузницей нашего опыта воспитательной работы, эффективной школой повышения педагогического мастерства. Пионерский и комсомольский актив Яснозоренской школы-комплекса — ребята, прошедшие школу трудового отряда «Отважный», ребята из страны Надо. Придавая особое значение единым критериям оценки, мы стремились максимально сблизить наши точки зрения, слить их в коллективное мнение. Этой задаче как

нельзя лучше служили совместные анализы сделанного за день. На этих коллективных обсуждениях прошедшего дня мы давали возможность высказаться каждому. Говорили и о недостатках, и о том, что помогло прожить день интересно, с пользой. Главным в этом анализе был человек, конкретные люди, стоящие за «сделано» и «не сделано». Мы стремились к тому, чтобы каждый был видной фигурой, чтобы у каждого была уверенность: меня видят, мною интересуются, за меня переживают, мне хотят лучшего. В «Отважном» у нас родилось и окрепло убеждение: не может быть полноценного коллектива, если каждый человек в нем не виден крупным планом. Коллектив—это всегда созвездие, соцветие, гармония, единство индивидуальностей.

Радость сопереживания. Еще задолго до начала отделочных работ я по рекомендациям архитекторов, художников и гигиенистов, а также с учетом опыта работы на строительстве Бессоновской школы составил своеобразную карту цветовой отделки классных комнат и рекреацией. Ознакомился с литературой, посвященной этой проблеме, ездил в Москву, Харьков, Белгород, где встречался с художниками—дизайнерами... Короче говоря, карта стоила мне довольно солидных усилий. С гордостью показал ее ребятам. Будучи уверенным в полной поддержке, все же не жалел слов, защищая свой проект. Но аплодисментов не было. Лица стали почему—то пасмурными... — Вы что? — не понимая такой реакции, спросил я. — Вам не нравится карта? Отважновцы хранили молчание... Наконец заговорила Таня Григорова: 1. — Михаил Петрович, мы же договорились решать вместе. Почему эту работу вы сделали без нас? Таня явно волновалась, видно было, что ей нелегко дается выступление, в голосе обида, упрек... — Вы думаете, нам неинтересно самим подобрать цвет? Мы мечтали, каким будет наш класс... Я хотел было вновь приняться за «научное обоснование» предложенной мною цветовой карты, но почувствовал такую стену отчуждения, такой молчаливый протест, что забыл все доводы. Не скрою, в те минуты шевельнулась обида: ведь столько вложил труда! Но, заглушив ее усилием воли, выдавил: — Хорошо. Я виноват... не посоветовался с вами. Давайте эту работу сделаем вместе. Сохраняя, насколько мог, спокойствие, пошел в свою палатку. Было слышно, как ребята о чем—то спорили приглушенными голосами. Через несколько минут ко мне пришла делегация. Вперед выступила Таня Бородаенко: — Михаил Петрович, вы нас неправильно поняли. Мы только были не согласны с тем, что вы с кем—то советовались, куда—то ездили, а с нами ни разу даже не поговорили, не спросили наше мнение. И нам показалось, что насчет совместных решений... Ну, в общем, мы подумали, что равенство всех членов отряда... это слова, игра... — Как игра? — Нет—нет, мы уже об этом говорили. Сейчас мы так — не думаем. Потому что если бы вы нам не доверяли, то настояли бы на своем. Мы же понимаем, сколько краски можно испортить, если что не так. И еще мы решили: когда будем подбирать цвет, советоваться... с вами... Ребята ушли, но через несколько мгновений в палатку вновь заглянула Бородаенко: — Михаил Петрович, вы только не обижайтесь... — Таня посмотрела мне прямо в глаза и замолчала, будто спрашивая разрешение на продолжение разговора. — Говори, говори, что ты меня рассматриваешь... — С собраний уходить вам не надо. Это невежливо... нехорошо как—то получается... — в глазах Татьяны было такое желание доброго, что я невольно улыбнулся ей. — Хорошо, Таня. Не буду... Ты права. Спасибо тебе... Когда мы раскрашивали школу, я по—настоящему почувствовал правоту ребят. В каждом вдруг проснулся художник. Поиск нужного цвета, а затем и покраска стен, пола, окон переживались как праздник. — Ой, какой цвет у нас получился. Пойдемте, посмотрите! — звучало то там, то здесь. И столько в этом «ой» было восторга, радости, что невольно хотелось скорее бежать туда, где родилось еще одно чудо. И чудо было. Школа с каждым днем преображалась, расцветала новыми и новыми красками. Не было в ней уголка, класса, которые не отличались бы чем—то особенным, неповторимым. А если бы настоял на своем? Я отнял бы у ребят радость совместного творения красоты, радость самовыражения, радость сопереживания. «Школа—наш родной дом» — право говорить так, сегодня заработано в те дни коллективного творчества. Не в этой ли вместе пережитой радости думать и решать сообща одна из причин сплоченности «Отважного», сила его притяжения?..

Всё по–настоящему. С наступлением ночи, с сигналом трубы «Отбой!» начинает нести службу караул. Караулу мы придавали большое значение, во–первых, потому, что этого требовала обстановка жизни в лесу, во–вторых, потому, что ночные караулы были хорошей школой воспитания ответственности. Не так–то просто нести ночную охрану лагеря. Непроглядная темень ночного леса. Затаив дыхание, вслушивается караул в ночь. И вдруг чьи–то осторожные, едва слышные шаги. Все ближе, ближе... Кто это? Человек? Зверь? Надо предупредить начальника караула. И вот спешит посыльный с тревожной вестью: «На посту № 3 подозрительное движение». Начальник караула с резервной группой прочесывает тревожный участок. Тревога ложная, это... ежик. Ритуал несения караульной службы был у нас тщательно разработан. Мы рассредоточивали посты–засады с таким расчетом, чтобы на территорию лагеря с любой его стороны не мог проникнуть посторонний. Инструктируя караул, дежурный по лагерю всякий раз говорил: — Помните, от вашей бдительности зависит покой товарищей... Игра? Не только. Ребята действительно охраняли лагерь. И их серьезное отношение к караульной службе помогло нам прожить в лесу без ЧП. Однажды заболел водитель нашего автобуса. Еще задолго до отбоя повез я его домой. Обрато к лагерю вернулся около 12 ночи. Не успел я выключить зажигание, как меня осветил яркий луч фонарика. Из темноты раздался тихий голос Гали Богатыревой: «Пароль?» Пароль я не знал... — Ты что, не узнаешь меня? Это я, Михаил Петрович, — попробовал отшутиться. — Пароль — тихо и так же твердо повторила невидимая Богатырева. — Ну хватит шутки шутить, Галя, — уже сердясь, сказал я. Но Галин голос спокойно и внятно проговорил: «С места не сходить до прихода начальника караула. Иначе... будет поднят по тревоге весь лагерь». Я понял, что это не шутка. Богатырева выполнит приказ начальника караула: «Без пароля никого в лагерь не пропускать!» Так и стояли мы молча на расстоянии нескольких метров друг от друга, пока не пришел начальник караула М. Г. Иванов. Через несколько дней я вновь вернулся в лагерь после отбоя. На этот раз прошел спокойно, без задержки первый пост. Только второй пост меня остановил и вызвал начальника караула, им был Н. М. Кобяков. Я рассказал ему о случившемся. Мы вернулись на участок первого поста. Молчание. «Уж не случилось ли что с ребятами?» — мелькнула тревожная мысль. Но оказалось, что часовые спокойно спали. Вот это новость! Часовые заснули на посту! Пришлось срочно отстранить их от несения караульной службы. Когда стали выяснять причины, обнаружили, что у начальника караула позывной «тех–тех», а у часовых «ку–ку». Все стало понятным. Сам пароль настраивал на безответственность. И для ребят, впервые заступивших в караул, охранительная служба с «ку–ку» показалась пустой забавой. Пароль дает начальник караула. Следовательно, в легкомыслии пароля — легкомысленное отношение начальника караула к охране лагеря. Оно проявилось и в том, что первый пост был сформирован только из новичков. Пришлось пойти на исключительные меры: отстранить от несения караульной службы начальника караула и немедленно заменить пароль. Каждый день жизни в лагере помогал нам, учителям, прийти к пониманию очень важной педагогической истины: что бы ни делал с ребятами, делай по–настоящему, всерьез!

СТУПЕНИ ВОСХОЖДЕНИЯ Единая позиция. Первого сентября 1975 года красивая, словно заново созданная и будто ставшая более просторной, школа встречала ребят. Особенно поражала она тех, кто не заглядывал в нее целое лето. «Ух ты! Вот это переделали!» — удивлялись многие, доставляя тем самым неопишное удовольствие отважновцам. «А что, не зря все–таки старались, — сказал мне Толик Алымов и кивнул в сторону парней, не решающихся ступить на блестящий голубой пол. — Теперь наверняка «генералить» будем реже... Неужто кто посмеет опять тащить грязь... Смотрите, смотрите, как они оглядываются по сторонам». Желтые, розовые, голубые, светло–зеленые, оранжевые полы, светлые, матовых тонов стены создавали радостное, праздничное настроение. Необычны были и объявления о наборе учащихся в музыкальную, хореографическую, спортивную школы, клубы юных техников и натуралистов. Пройдет время, и мы все привыкнем к этому соцветию различных школ, кружков, всегда готовых открыть двери навстречу желающим, но в тот год мы еще не раз будем удивляться сонате Бетховена или, к примеру, концерту Кабалевского, звучащим рядом с кабинетом физики. Я сам иногда утрачивал ощущение реальности, когда

заходил в зеркальный зал хореографии и видел, как наши сельские девчонки и мальчишки в настоящих балетных трико стоят у настоящего станка, учатся настоящей хореографии у настоящего балетмейстера. Помню, как билось радостно сердце, когда наблюдал первые тренировки борцов или рассматривал первые модели самолетов, созданные руками ребят. Потом у нас появятся и отличные столярные, слесарные мастерские, и цехи художественной керамики, и кабинет мягкой игрушки, в котором будут разыгрываться многосерийные самодеятельные спектакли с только что сотворенными «героями». У нас будет свой настоящий зал борьбы и отлично оборудованный зал общей физической подготовки. Будут чемпионы, лауреаты. Мы все станем лауреатами премии Ленинского комсомола. Но 1975/76 учебный год останется в памяти тех учеников и педагогов, кто своим умом, сердцем, руками создавал Яснозоренскую школу–комплекс, самым значительным и, пожалуй, самым ярким. В нем все было впервые. Он стал началом бесконечного педагогического поиска, началом поворота к Детству. Сегодня о педагогах Яснозоренской можно говорить как о коллективе единомышленников. Но взаимопонимание, общность позиции и взглядов на воспитание и обучение детей рождались постепенно, через споры, преодоление и отказ от того, что долгое время считалось общепризнанным. Это был сложный, порой мучительный процесс. Говорят, в споре рождается истина. Но для того, чтобы она родилась, спорящие должны открыто, честно высказать свое мнение. А последнее, в свою очередь, возможно при уважении и доверии друг к другу. Доверие, взаимопонимание, пожалуй, одно из важнейших достояний педагогического коллектива сегодняшней Яснозоренской. И еще право каждого на творчество, собственное мнение. Как директор я старался советоваться со всеми учителями по всем важным вопросам школьной жизни. Предпочитал подчиняться воле большинства даже в том случае, если был убежден, что принятое решение не принесет ожидаемого результата, нежели настаивать на принятии другого, на мой взгляд, более правильного. Принятое таким образом «неэффективное» решение эффективно уже потому, что оно выражает волю коллектива, который завтра увидит свою ошибку и непременно исправит ее. Есть, думаю, только один путь воспитания творческого коллектива—предоставление возможности высказывать и отстаивать свои мысли каждому, и ученику и учителю. И мы стремились к тому, чтобы решение было действительно коллективным—принятым в результате обсуждения всех точек зрения, всех «за» и «против». Мы учились строить взаимоотношения на основе уважения, бережного внимания друг к другу, боролись с грубостью, нервозностью. Пожалуй, самым трудным было становление единых педагогических требований. Не сразу утверждался взгляд на учителя как на старшего товарища ученика, призванного помочь ему и в учении, и

о формировании его личности. Постепенно жизнь заставляла сторонников дисциплины страха и беспрекословного повиновения сдавать свои позиции. Сделать это помогла школа «Отважного», совместный, рука об руку, труд, по–новому раскрывший и воспитателей, и воспитуемых. Именно там был выработан единый педагогический стиль, в основе которого—уважение к человеку, учителю и ученику, признание ценности и неповторимости его личности. В сентябре 1975 года наш комплекс начал работу в таком составе: общеобразовательная, спортивная, хореографическая, музыкальная школы: клубы юных техников и натуралистов. Правда, различные учебно–воспитательные учреждения «связывала» пока лишь общая крыша. Хотя их руководители работали в контакте друг с другом, но постоянных и прочных деловых отношений между ними еще не было. Я написал «наш комплекс», но тогда мы не употребляли этого термина. Говорили, что теперь при общеобразовательной есть различные специальные школы и клубы, что у наших ребят, как и у городских, есть возможность в свободные часы, в зависимости, от желания, заниматься во внешкольных учреждениях. В специальные школы и клубы с первых дней хлынули потоки желающих, но, чем активнее работали эти учреждения, тем сильнее росла неразбериха: накладки в расписании, столкновения мероприятий, конфликтные ситуации. От этого страдали все школы, но больше всего общеобразовательная, привыкшая монопольно распоряжаться второй половиной дня. В среде ее педагогов возникла оппозиция. Ко мне приходили до предела возмущенные учителя и требовали «восстановить порядок»: «Они должны знать свое место. Пусть

подстраиваются под нас! Главное—это общеобразовательная школа». Исходя из опыта Бессоновки, я ждал подобных заявлений. Но теперь не «идея сверху» была причиной конфликтов. Я был, как и все, в положении «потерпевшего». Поэтому в ответ на возмущения педагогов общеобразовательной говорил: «Каждая из школ имеет суверенные права... Мне они не подчиняются. У них свое руководство. Для нас главное—общеобразовательная школа, а для них главное—то, чем занимаются они. Порядок мы можем установить только у себя, вмешиваться же в их работу, указывать им мы не имеем права». — Но надо ведь как-то находить общий язык! — возражали мне. — С этим я целиком согласен... — Тогда почему же мы бездействуем? — А что вы предлагаете? Давайте свои предложения, и будем решать... Почему я занял пассивную позицию, зная с самого начала, что должен быть комплекс, единый союз школ, а не их набор? Нужно было, чтобы необходимость школы—комплекса осознали все педагоги. Когда это стало очевидным для всех, мы собрали наш первый общий педсовет. Он принял решение об объединении всех школ и клубов в единый союз, (его мы назвали с прицелом на будущее: школа—комплекс), о создании совета директоров, об объединении всех общественных организаций, о едином планировании учебно—воспитательной работы коллектива. Председателем совета директоров школы—комплекса назначили меня. Постепенно был выработан годовой план совместной работы, отрегулировано расписание занятий школ, клубов, кружков, выделены специальные дни и часы для общих собраний педагогов и учащихся. Совет директоров вскоре после введения в его состав секретаря партийной организации, председателя местного комитета, секретарей учительского и ученического комитетов комсомола, старшей вожатой, председателя совета дружины, председателя совета командиров[1] был преобразован в совет школы—комплекса. Он занимался вопросами планирования, осуществлял руководство текущей работой, регулярно заслушивал отчеты руководителей всех учебно—воспитательных подразделений, кружков, секций. Раз в неделю, в пятницу, в 7 часов утра в кабинете председателя совета, т. е. директора школы—комплекса, собирался совет для обсуждения плана работы на предстоящую неделю. Эти заседания помогали нам оперативно решать текущие проблемы, вносить коррективы в ранее намеченные планы. В центре внимания совета всегда стояло главное, узловое дело за прошедшую неделю, в котором принимали участие все учебно—воспитательные подразделения комплекса. Совет заседал один час. Времени этого вполне хватало и для анализа работы каждого звена и в целом школы—комплекса, и для того, чтобы обсудить и утвердить план предстоящей недели. Чтобы заседания проходили четко, с наибольшей пользой, мы разработали план—памятку отчета: 1. Что сделано руководимым вами коллективом за прошедшую неделю? 2. Что не сделано и почему? 3. Трудности, проблемы, с которыми столкнулись в работе; пути их преодоления. 4. Ваши предложения, замечания, просьбы, пожелания всему совету или отдельным его членам. 5. Расскажите о своих планах на предстоящую неделю. 6. Что в целом о работе комплекса вы можете сказать? (за прошедшую неделю, на будущую неделю)? На все выступления, включая решение спорных вопросов, давалось не более трех минут. На обсуждение плана предстоящей работы, включая и обсуждение «главного дела недели, отводилось 20 минут. Таким делом могли быть трудовая операция, вечер отдыха, диспут, спортивный праздник, поход, собрание, сбор, открытый урок, концерт, олимпиада и т. д. Его организатор с группой ответственных ребят или педагогов заранее готовили сценарий. Особое внимание уделялось тому, чтобы в планируемом деле участвовала большая часть коллектива школы. Еженедельный анализ деятельности каждого звена школы—комплекса помогал нам держать в поле зрения всю систему учебно—воспитательной работы, глубже вникать в проблемы, оперативно и эффективно решать их. Совет школы стал полномочным органом коллективного руководства комплексом, помогал более разумно и эффективно использовать возможности нашего союза. Так, уже со второй четверти 1975/76 учебного года по решению совета был введен между вторым и третьим уроками для учащихся IV—VI классов и между третьим и четвертым для VII—IX так называемый свободный час занятий по интересам. «Свободный час», несмотря на все трудности его организации, имел положительное значение для развития и становления нашего комплекса. В «свободный час» каждый ученик обязательно должен был, в зависимости от его наклонностей и желаний,

заниматься в специальной школе, секции или кружке. Тем, кто еще не определился, мы терпеливо помогали найти «свое дело». Но иногда ребята подсказывали его сами, предлагая создать новый кружок или новый класс в той или иной школе. Так, в клубе юных техников открылся кружок картингистов, в музыкальной школе—класс гитары и кружок эстрадного ансамбля, в хореографической—класс современного бального танца, в спортивной — секции баскетбола, волейбола и легкой атлетики[2]. Через совет школы мы смогли более рационально распределить обязанности директоров, избегать дублирования в руководстве комплексом. Специалисты, входящие в совет, отвечали за работу не только в своей школе, но и в других. Так, директор спортивной школы отвечал за спортивно–массовую работу, за качество преподавания на уроках физкультуры, всю постановку физического воспитания в комплексе. Директор музыкальной школы руководил всей системой музыкального воспитания и в музыкальной, и в общеобразовательной, и в хореографической, включая музыкальное оформление перемен, утренников, сборов, вечеров, спортивных состязаний, концертов. Директор клуба юных техников нес ответственность за исправное состояние технических средств в кабинетах, отвечал за работу радиоузла, техническое обеспечение всех мероприятий.

Коля. Трудно привыкали учителя к новым условиям работы. Сказывалась привычка к обособленности. Нелегко было педагогам общеобразовательной школы отвыкнуть от монопольного владения временем своих учеников. Новые условия требовали большей гибкости, мобильности и слаженности. Школа–комплекс учила серьезному, вдумчивому планированию, не прощала неорганизованности ни директору, ни учителю, ни ученику. Не меньше затруднений испытывали и педагоги специальных школ. Ориентированные прежде на работу с особо одаренными, с отобранными по конкурсу, они теперь вынуждены были работать со всеми желающими. Методика, рассчитанная на «готовый материал», нуждалась в решительном пересмотре. «Материал» надо было терпеливо и грамотно растить. Надо было становиться не просто преподавателем: можешь, — учишь, не можешь—до свидания, а учителем в истинном смысле этого слова. А это требовало большего мастерства, глубоких знаний по педагогике, психологии, физиологии. Один специалист–балетмейстер, опытный мастер, лауреат республиканского конкурса, привыкший работать с избранными, с теми, у которого природная грация, врожденное чувство ритма, выразительность и гибкость движений, с самого начала категорически заявил: — Я буду работать только с танцевальным ансамблем, в который, может быть, удастся набрать человек двенадцать из всей школы. А если не наберем, придется искать ребят по району, а может, и по области... — А остальные? Как же быть с теми, которые тоже хотят и должны быть красивыми, стройными?.. Балетмейстер пожал плечами и пренебрежительно бросил: «Кто? Дети доярок и трактористов, которые по земле—то ходить не умеют?! Хореография—предмет особый. Это вам не математика, которой учить можно всех. Хореография—искусство для избранных, для тех, у кого талант, понимаете, талант к танцу...» Мои доводы о том, что талант—дело наживное, если строить обучение, основываясь на объективных законах психофизиологического развития, не возымели действия. Балетмейстер вначале согласился поработать с нашими ребятами, но ровно через год ушел. Прощаясь, он горячо доказывал: «Ваш комплекс—это ваше личное заблуждение, которым вы заразили некомпетентных. Впереди у вас провал, катастрофа! Слезы разочарования тех, кого вы обнадружили, кому внушили предательскую мысль о всемогущей его природе». Спор каш впоследствии разрешит хрупкая девушка, не имеющая специального хореографического образования, — Ольга Федоровна Коновалова. Под ее руководством расцветет народная хореография в Ясных Зорях. А ансамбль танца из «обычных» девчонок и парней, дочерей и сыновей «обычных» доярок и трактористов, станет одним из ведущих коллективов Белгородщины, завоевывая не раз на районных и областных смотрах и конкурсах высшее звание лауреата. Позже возникнут новые ансамбли — «Сударушка», «Капельки», а за ними еще... еще. В чем секрет? В таланте Коноваловой? Бесспорно. В огромном таланте этой молодой учительницы, не устававшей верить в силы своих учеников, в ее способности видеть их малейший успех, каждое движение к совершенству, в ее вдохновенном, добром сердце. А вернее всего, в том, что она —

настоящий учитель. Стереотип представлений о том как «растить специалистов», оказался самым коварным врагом. Трудно было сдвинуть с накатанной колеи даже только начинающих педагогическую работу. Помню наши долгие споры с молодыми педагогами—баянистами и пианистами, которые, только что закончив музыкальное училище, прибыли к нам на работу. Причина спора — отсев учеников из музыкальной школы. В чем дело? Ведь они с таким восторгом «записывались в музыкальную». Ориентируясь на свой опыт работы в Кизляре, я предполагал причину, но для полной уверенности попросил раздумавших учиться музыке ребят принести свои дневники. И вот что увидел: «17/IX. Полька—разобрать двумя руками, считать вслух. Играть верными пальцами. Этюд учить. 18/IX. Полька—две строчки соединить вместе, играть двумя руками, остальное учить отдельно каждой рукой. Этюд—две строчки наизусть. 21/IX. Полька—половину наизусть. 4 такта двумя руками вместе, остальное отдельно каждой рукой. Этюд — учить внимательно. 25/IX. Полька... Этюд... 2/X. Полька... Этюд... 9/X. Этюд... Полька... Сонатина—учить верными пальцами. 12/X. Полька—работать над трудными местами. Этюд—сдать. Сонатина—8 тактов двумя руками, остальные отдельно каждой рукой». И так до 23 октября. Откуда же у ученика будут успехи, если он долбит одно и то же изо дня в день до одурения? Товарищи родители! Если ваш ребенок учится «музыке» подобным образом, и вы сознательно не преследуете цель воспитать у него беспредельное отвращение к этому величайшему искусству, немедленно переведите его к другому педагогу. А если и тот будет учить таким же образом, бросьте свою затею, пока не поздно. Лучше пусть он слушает соловья в лесу да кузнечика на лугу... Музыкальность растет прежде всего на богатстве и разнообразии впечатлений, и работать над пьесой можно до тех пор, пока она вызывает удовольствие. Очень важно именно при первом знакомстве с произведением, в период наиболее яркого восприятия, а значит, и наиболее эффективного запоминания, играть его сразу верно, чтобы не превращать обучение музыке в вечное переучивание, в нудную работу над ошибками. Но самое главное—нельзя катиться по колее, надо смелее искать активные формы работы, действенную методику. Думать и искать, искать и думать, как повысить эффективность педагогических усилий, — такой постепенно становилась позиция учителя независимо от его специальности. Единое руководство комплексом, единый педсовет, партийная, профсоюзная и комсомольская организации, единое планирование и режим работы помогли нам покончить с хаосом, неразберихой, путаницей в нашей деятельности. Образование союза школ открыло возможности для создания единой школы всестороннего гармоничного развития каждого ученика. И первым ее ростком стал экспериментальный I класс Клавдии Петровны Никиташевой.

Никиташева. Клавдия Петровна Никиташева была первой учительницей нашего I экспериментального класса. Клавдия Петровна не довела свой класс до четвертого... Заболела... — Я не хочу подводить школу. Мне надо подлечиться... отдохнуть, — говорила эта мудрая, с огромным жизненным и педагогическим опытом, бесспорно талантливая, а потому и предельно скромная учительница во время нашей последней встречи. К. П. Никиташева живет сейчас в своем разбросанном по холмам старинном русском селе Черемошное, воспитывает внуков, управляется по мере сил с хозяйством. Идут, закручиваются все глубже в старость года, постепенно слабеет память... Нет, неправда! Помнит Никиташеву школа. А вы, Клавдия Петровна, помните тот день? — Ой, Михаил Петрович, что-то боюсь я... не справлюсь... Может быть, кто помоложе... — робко возражала Клавдия Петровна, когда ей предложили взять экспериментальный класс. — Нам нужен ваш опыт, ваши знания. Кому, как не вам, начинать. И у вас, именно у вас, получится! — убеждал ее я. И получилось. Она, взвешивая каждый свой шаг, осторожно продвигалась вперед, держа под неослабным вниманием уровень усвоения учебного материала. Тогда у нас не было апробированной методики проведения коротких уроков ни по одному из предметов. Методику создавали те, кто работал в экспериментальном классе вместе с Никиташевой: Ольга Федоровна Коновалова, Владимир Васильевич Милешин, Татьяна Георгиевна Шангереева, Мария Алексеевна Алпазиева, Александра Тихоновна Алипова, т. е. все педагоги других школ комплекса, ведущие по своему профилю уроки у ребят. Предложение сократить длительность уроков в I классе, дать ребятам больше возможности быть детьми,

дать им больше уроков физкультуры и музыки, ввести уроки хореографии не вызывало со стороны подавляющего большинства педагогического коллектива противодействий. Но от Никиташевой зависело, будет ли предложение началом целостного подхода к делу воспитания и развития человека... Ей надо было всякий раз, сталкиваясь с тысячами «не получается», преодолевать себя, привычное мышление. Для такой работы нужен был человек творческого ума, сильной воли, страстно желающий помочь детям. Таким человеком и была Никиташева. Класс ей достался не из легких, многие пришли без предварительной подготовки. Вначале контрольные замеры уровня знаний ее учеников вызвали серьезное беспокойство за судьбу эксперимента. Около 10% учащихся в конце октября с предложенными заданиями не справились, только треть выполнили работы на «4» и «5». Расстроенная учительница главную причину неудачи видела в себе. Она так и сказала: «Это моя вина, все никак не научусь рационально использовать каждую минуту... Размазываю время...» А ведь могла бы сказать и так: «Вот видите, нельзя работать по-новому...» В феврале с контрольными заданиями по всем трем предметам: математике, чтению и письму—ее класс справился. Половина ребят выполнили задания на «4» и «5». В мае таких было уже 58%, остальные за выполненные контрольные задания по всему курсу I класса получили отметки «4» и «3». Такой итог нельзя назвать триумфом. Но для нас он означал одно — можно. Можно избавить малышей от длинных и утомительных уроков, создать более естественные для детского организма условия развития. Этого было достаточно, чтобы с сентября 1976-го да по новому учебному режиму смело начала работать Валентина Григорьевна Рынзина, затем Клавдия Александровна Литвякова, Евгения Михайловна Наумова, Зоя Филипповна Юракова, Нина Тихоновна Картамплева. «Ну, а как будем работать во II классе?» — спросил я в конце мая Клавдию Петровну. Она улыбнулась и ответила: «Я сама об этом все время думаю. Давайте продолжим... Обидно останавливаться на полдороге».

ОБЩАЯ ЗАБОТА — Ты, что, не веришь, что Ясные Зори стоят на верном пути? — спросил меня Н. А. Сурков, когда я пытался доказать ему преждевременность обсуждения нашего начинания на районной научно-практической конференции в 1976 году. — В то, что Ясные Зори на верном пути, сегодня верит большая часть коллектива, но рано: у нас еще нет школы-комплекса. У нас только союз школ, а не единая школа всестороннего развития каждого учащегося. — А разве школа-комплекс как союз различных учебно-воспитательных учреждений, направленный на взаимодействие в вопросах воспитания, не заслуживает того, чтобы говорить о ней уже сегодня? А пути взаимодействия школы и колхоза в деле воспитания новой смены, благодаря чему и возможна школа-комплекс на селе, не требуют обсуждения? Школа-комплекс даже в том виде, в каком она уже есть, может сыграть решающую роль в повышении культуры села. А в повышении культуры — наши высокие урожаи хлеба, наше большое молоко в недалеком завтра... Кстати, в Бессоновке продолжает жить школа-комплекс, несмотря ни на что. Значит, идея жизненная... В феврале 1976 года районная научно-практическая конференция состоялась. В ее работе приняли участие директора школ, руководители колхозов и совхозов района. Вел конференцию Н. А. Сурков. Она стала нашим первым серьезным экзаменом. Участники конференции ознакомились с опытом совместной работы нашей и Бессоновской школ, колхозов «Знамя» и им. М. В. Фрунзе по созданию условий для всестороннего развития учащихся. Большинство директоров школ, руководителей хозяйств высказались в поддержку начинания. Многие из них говорили о школе-комплексе как о прообразе школы будущего, а также о горячем желании организовать такие школы в своих селах. Вскоре состоялось бюро Белгородского РК КПСС, где было принято решение одобрить опыт совместной работы Бессоновской и Яснозоренской школ и колхозов «Знамя» и им. М. В. Фрунзе по созданию условий для всестороннего развития и гармоничного воспитания учащихся. Событием огромной важности, оказавшим решающее влияние на весь ход дальнейшего становления школы-комплекса, стал для нас XXV съезд КПСС. На съезде была выдвинута и обоснована идея комплексного подхода к воспитанию. Решения съезда помогли нам глубже осознать сущность решаемой нами проблемы. Школа-комплекс стала одним из реальных, практических шагов на пути реализации решений

партии. Мы шли в ногу со временем. В конце учебного года состоялась на базе нашей и Бессоновской школ областная научно–практическая конференция. Тема ее дискуссии была та же, что и на районной, но теперь уже наша деятельность рассматривалась в свете решений XXV съезда КПСС. Участниками этой конференции были секретари райкомов партии, заведующие районных отделов народного образования Белгородщины, руководители ведущих школ и хозяйств области. Выступающие говорили о необходимости целенаправленной совместной работы всех, кто связан с проблемами воспитания. Большинство обосновывало такой вывод тем, что уровень развития современного общества предъявляет более высокие требования ко всей системе воспитательной работы и что практическое осуществление задач всестороннего развития и гармоничного воспитания подрастающего поколения не по плечу одной общеобразовательной школе. В частности. Герой Социалистического Труда председатель колхоза им. М. В. Фрунзе В. Я. Горин сказал: «В современную эпоху бурного расцвета крупного сельскохозяйственного производства, когда практика наглядно убеждает нас в прямой зависимости уровня развития производства от уровня развития и воспитания работающих в нем людей, уже невозможно смотреть на школу как на обособленное учреждение. Колхоз, его будущее, его урожаи, расцвет села начинаются в школе. Вот почему труженики нашего хозяйства видят в школе свой главный производственный участок...» Слушая выступления, я невольно вспомнил августовский день 1975 года, когда мы с Н. Е. Босовым обходили готовую к учебному году школу. Николай Егорович по–хозяйски заглядывал во все уголки, похлопывал по свежевыкрашенным стенам, недоверчиво улыбаясь, смотрел на светло–розовые и голубые полы. А потом, почему–то вздохнув, сказал: — Значит, хореографию на плечи колхоза? Ну что же, поговорю с правлением. Приходи послезавтра к шести вечера в контору. Я как раз собираю все руководство хозяйства. — Да! — словно вспомнил Н. Е. Босов, уже открывая дверцу своего «газика». — А выпускники той школы, о которой мы говорили, после хореографии пойдут пахать нашу землю? Мне бы таких, как твои отважновцы... — Николай Егорович улыбался, но глаза были серьезны. Видно, председатель коснулся давно мучившего его вопроса. — А это будет зависеть от нас с тобой, Николаи Егорович, от всех нас... Стремление к качеству, к совершенству, к работе по совести мы должны воспитывать в каждом нашем ученике с первого до последнего дня учебы в школе. И вот заседание правления... — Шел к вам на эту встречу и очень волновался, — начал я, — пойдем ли друг друга. А сейчас, после того как услышал из ваших выступлений, что причина всех неурядиц, неполадок, срывов одна—человек, понял, что пойдем. Все согласны, что кадры надо готовить с детства. Так в чем же дело? Давайте не будем проходить мимо детства, давайте вместе—и педагоги, и производственники—растить хлеборобов, доярок, агрономов и инженеров, чтобы не работать нам и вам на износ, не заниматься ни нам, ни вам бестолковыми авралами. Если мы объединим свои усилия, то на селе обязательно будут оставаться лучшие парни и девчата. Конечно, результат будет виден не сразу. Пройдут годы. Но он обязательно будет. А если бросить школу на произвол судьбы, то вечными будут на ваших правлениях и на наших педсоветах вопросы о дисциплине, о некачественной работе, о неорганизованности и беспорядках. У меня все. После некоторой паузы Николай Егорович сказал: — Ну что, товарищи члены правления? Поддержим предложение нашего директора о том, чтобы вместе воспитывать наших детей? Наблюдал я, как работают отважновцы: дисциплинированно, слаженно. Но больше всего поражает их ответственное, заинтересованное отношение к любому делу, которым заняты. Вот таких бы работников нам в колхоз! Сегодня без дальней перспективы жить нельзя. Вот почему я призываю вас •поддерживать предложения директора... —Товарищи! — обратился я ко всем членам правления. — Школа хочет улучшить свою работу, чтобы способности каждого ученика развивались глубже, полнее. Но без вас нам с этой задачей не справиться. А вам без нас не покончить с авралами и беспорядками. Воспитание человека идет в семье, детском саду, в школе, в Доме культуры и на производстве. Но мы действуем несогласованно, нужно объединять усилия. Я предлагаю создать совет по коммунистическому воспитанию. Думаю, что в его состав должны войти руководители производственных участков, председатель колхоза, председатель сельского Совета, директора–школ, заведующие детским садом и

клубами, руководители общественных организаций, участковый милиционер, передовики производства. — Не много ли народу соберется? — спросил кто-то из присутствующих... — Нет, не много! — ответил вместо меня Н. Е. Босов. — Если мы хотим по всему фронту вести воспитательную работу с нашей сменой, у нас должен быть такой координационный центр, с мнением которого будет считаться народ. За организацию совета по коммунистическому воспитанию молодежи колхоза «Знамя» проголосовали единогласно. Председателем совета стал Н. Е. Босов. Совет оказал большую помощь в создании учебно-производственного комбината, при его содействии колхоз взял на себя финансирование хореографической школы, строительство и оборудование лагеря труда и отдыха. Особой заботой совета стала работа с родителями, особенно с теми, кто пытался отстраниться от воспитания детей. Мы старались убедить родителей в том, что воспитание детей не личное дело, но государственная обязанность, а руководителей производства в том, что они отвечают перед народом не только за производственные показатели, но и за то, как их коллектив участвует в воспитании подрастающего поколения.

ЭКСПЕРИМЕНТ ПРОДОЛЖАЕТСЯ В мае 1976 года, обсуждая на педсовете итоги работы К. П. Никиташевой, мы пришли к выводу о целесообразности продолжения экспериментальной работы во II классе. Кроме того, было решено опробовать новую структуру учебного дня еще в одном I классе. С сентября 1976 года ожидалось открытие двух первых классов. Таким образом, появилась возможность сравнить результаты экспериментального обучения с обычным. Еще один экспериментальный I класс взяла Валентина Григорьевна Рынзина, а «обычный» — Евгения Михайловна Наумова. Обе учительницы имели педагогический стаж свыше 20 лет. Классы комплектовались с учетом местожительства учеников и учителя, с тем, чтобы облегчить контакт педагогов не только с учениками, но и с их родителями. В экспериментальный класс поступили в основном ребята из Черемошного и Ясных Зорь, так как большинство из них систематически посещали детский сад, а новая структура учебного процесса и по видам развивающей деятельности и по времени каждого занятия была как бы продолжением работы, начатой в детском саду. Анализируя опыт К. П. Никиташевой, которая за год «прощупывала» разные варианты структуры учебного дня, мы выбрали такой режим (см. с. ____). Вместо шести 35-минутных уроков (по сравнению с исходным вариантом)—пять 30-минутных и один 35-минутный. Недостает одного дополнительного урока по труду и двух—по изобразительному искусству. Последнее «сокращение» было вынужденным. Дело в том, что для нас оказалось серьезной проблемой в те годы найти педагогов, которые смогли бы от рисунка через художественный труд, художественное конструирование и моделирование вести ученика к техническому творчеству. И только в 1978 году нам удаюсь встретить тех, кого мы так долго искали, — это были выпускники Харьковской художественно-промышленного института Александр Золотарез и Валентина Оксён. Молодые специалисты увлекались проблемой развития творческой активности человека и поэтому с большим энтузиазмом согласились принять участие в нашем поиске. Время Предмет Чередуетея в другие дни с предметом 8.30 — 9.00 Математика Русский язык, чтение 9.10 — 9.40 Музыка Изобразительное искусство и труд 9.50 — 10.20 Математика Чтение, русский язык 10.20 — 10.40 Большая перемена (легкий завтрак) Большая перемена (легкий завтрак) 10.40 — 11.15 Чтение Математика, русский язык 11.25 — 11.55 Спортигры Хореография 12.05 — 12.35 Русский язык Чтение, математика 12.35 — 12.55 Обед Обед 13.00 — 14.00 Прогулка С 14.00 Свободное время, занятия по интересам

Нетрудно заметить еще одно изменение в структуре учебного дня в сравнении с исходной: добавился урок «интеллектуального цикла», как резервный. Это было сделано по просьбе учителей, если «вдруг не уложимся в тридцатиминутку». Этот урок использовался и для математики, и для письма, и для чтения, в зависимости от того, как усваивался детьми учебный материал. Структура учебного дня с резервным уроком проверялась в течение двух лет. Первое время резервный был действительно своеобразным аварийным запасом, потому что нелегко все же учителю, привыкшему в течение многих лет работать в 45-минутном режиме, перестраиваться на короткий урок. Но шло время, тридцатиминутка становилась

привычным уроком, постепенно приходили к учителю уверенность, вера в свои силы, резервный урок все больше выполнял функции повторения и закрепления пройденного материала. Обобщая в 1978 году опыт трех лет нашей экспериментальной работы, В. Г. Рынзина в своем выступлении в областном институте усовершенствования учителей подчеркнет: «Мы стараемся так организовать урок, чтобы каждый ученик каждую минуту занимался делом... Такая четкая организация при 45-минутном режиме возможна на одном, от силы на двух уроках, потому что за высокую напряженность работы на одном уроке приходится затем расплачиваться ослаблением внимания и, как следствие, снижением продуктивности учебного труда на последующих уроках. Тридцатиминутный урок, а также вся структура учебного дня, построенная по принципу смены видов деятельности, дают возможность сохранить высокий уровень организованности учащихся, высокую продуктивность учебного труда на всех уроках...» Сокращенный урок обуславливал повышенные требования к его организации. Один из путей повышения эффективности урока мы видели в хорошем техническом оснащении кабинета, в обеспечении учителя необходимыми наглядными и учебными пособиями, дидактическим материалом. Летом 1976 года В. Г. Рынзина реконструирует свой класс-кабинет. Раздвижные доски на всю ширину классной комнаты, выдвигаемые вертикальные кассеты для хранения наглядных пособий, касса букв и цифр, демонстрационный шкаф, магнитофон, проигрыватель, телевизор, киноаппарат с экраном ЛЭТИ—все это аккуратно вмонтировано по ее проекту в белую пластиковую стенку руками ее мужа. Учителя были постоянно нацелены на поиск новых приемов и средств, позволяющих сэкономить время, активизировать мышление детей, сделать уроки разнообразными и интересными минутами общения. Педагогическое взаимодействие, взаимопонимание стали отличительными чертами нашего коллектива. «Как вы объясните эту тему? Приходите ко мне на урок, может, подскажете... Я к вам за советом... Как бы вы поступили в такой ситуации? Вы знаете, что я придумала?..» — все чаще звучало в учительской. Вот, например, запись одного из уроков математики В. Г. Рынзиной в III классе. Быстрый темп, четкость, и продуманность каждой детали, непринужденная, игровая манера, высокая активность всех ребят, разнообразие методических приемов — характерные черты педагогического почерка этой учительницы. В начале урока В. Г. Рынзина прочитала задачу: «Старушка купила 4 метра ткани, уплатив за них 24 рубля. У нее было еще 35 рублей, и она решила купить еще 7 метров этой же ткани. Но бабушка не могла сосчитать, хватит ли ей этих денег или придется добавлять. Она попросила сосчитать своего внука Колю. Коля подумал немного и сказал: «Хватит! Еще останется мне на мороженое...» А вдруг Коля ошибся? Давайте устно проверим

\ Колины расчеты». Учительница открывает запись условия задачи на доске: 4 м—24 руб., 7 м—? После недолгой паузы все ребята поднимают руки. — Олег! Какое у тебя мнение? — Ошибся Коля! Чтобы купить 7 метров ткани, бабушке нужно 42 рубля. — А как вы считаете, ребята? — обратилась к классу учительница. Все дети, как по команде, подняли картонные пластинки прямоугольной формы, повернув их к учительнице зеленой стороной[3]. — А вот у Васи желтый сигнал, говори, пожалуйста. — Мы же не до конца решили задачу! Бабушке надо сказать, что ей надо еще 7 рублей. — Правильно, Вася! Мы с вами, ребята, забыли про то, что у нее было уже 35 рублей. Но как вы подсчитали, что 7 метров стоят 42 рубля? Кто хочет доказать верность своего решения? Алла Мягих, пожалуйста... — За 4 метра-ткани бабушка заплатила 24 рубля. Значит, метр стоит 6 рублей: 24 делим на 4—будет 6. Бабушке надо купить 7 метров, значит, денег взять ей надо не 35, а 42 рубля: 7 умножим на 6—42. Поэтому занять ей надо 7 рублей, 42–35=7. — Согласны, ребята, с таким расчетом? — спросила у класса Валентина Григорьевна. — Тебе, Алла, все дали зеленый свет! Очень хорошо! Молодцы, ребята! А теперь проверим верность нашего решения другим способом. Способом составления уравнения. Ответьте мне на такой вопрос: значения каких величин входят в эту задачу? Вова! — Два значения количества — 4 метра и 7 метров и одно значение стоимости—24 рубля. — Ваше мнение? — обратилась учительница к классу. — Володя получил зеленый свет. А что же нам неизвестно? Лариса! Неизвестна величина стоимости 7 метров. И опять ребята зелеными пластинками подтверждают правильность ответа.

Учительница открывает одну из досок стенки–шкафа. На ее обратной стороне таблица: Цена
Количество Стоимость
Одинаковая 4м 7м 24 руб х

— Составьте у себя в рабочих тетрадях уравнение. А Саша это сделает на доске. Саша быстро подходит к доске и пишет на скрытой от класса стороне решение. — Готово, Саша? Открывай ребятам свой труд! — улыбаясь, говорит учительница. На доске написано: $24:4(\text{руб.})\text{—цена ткани } \times 7(\text{руб.})\text{— « } \times 7=24:4 \times 7=6, x=6 \times 7, x=42$. Ответ: 42 (руб.) Ребята поднимают зеленые прямоугольнички. — Молодец, Саша. И вы, ребята, молодцы! Хорошо работаете. А сейчас, чтобы никому из нас никогда не быть в Колином положении, решим еще задачи, подобные этой. Только решаем сразу способом составления уравнения. Задачи № 359, 360, 361. Первую решаем устно. Инна, читай вслух задачу. Инна читает, ребята читают вместе с ней по учебнику про себя. Но вот чтение закончено. Инна уверенно объясняет ребятам ход решения новой задачи. Получив зеленый свет, радостно улыбнувшись, садится. — Триста шестидесятую кто хочет решить у доски? — спрашивает Валентина Григорьевна. Лес рук. Названные учительницей ребята записывают решение на скрытых от класса сторонах доски. Остальные решают в рабочих тетрадях. Время от времени кто–нибудь поднимает голубую картонку. Валентина Григорьевна подходит и дает карточку с дополнительным заданием. Но вот закончили решать задачу ученики, вызванные к доске. Молча развернув к классу обе половины доски, они тоже направляются к столу за карточкой. — Ребята! Смотрим на доску! Через несколько мгновений загорается зеленый. Задача решена верно. Класс решает еще одну задачу, примеры. Ребята работают сосредоточенно, весело. — А сейчас минута шутки: у семи братьев по одной сестрице. Сколько всего детей в семье? Вова Румянцев... — Четырнадцать! — Вова, оглянись назад, тебе все ребята дали, красный. — Андрей! Какое твое мнение? — Восемь, — ответил Андрей и стал деловито объяснять: — В задачке сказано, что у семи братьев по одной сестрице. Другими словами, у них одна сестра на всех... — И правда, одна же сестра у них. Для всех братьев— одна сестра. — обрадованно и звонко закричал Володя. Ребята засмеялись. — А теперь устный счет, приготовьте «светофор», — Валентина Григорьевна открыла крайнюю доску, на которой в четыре столбика цветным мелком написано: $15+28= 46-27= 15 \times 3= 64:4= 35+29= 52-26= 7 \times 2= 51:17=$ Учительница показывает указкой на тот или иной пример, ребята отвечают. Всякий раз после ответа они включают на своем «светофоре» тот или иной свет. Чаще всего— зеленый. Но вот Валентина Григорьевна опустила указку и открыла маленькую дверку стенки–шкафа. Ребята, не дожидаясь команды, взяли рабочие тетради. Щелчок, и в классе раздался записанный на пленку голос учительницы: «Внимание! Математический диктант. Пять повторить пять раз. Девять увеличить в четыре раза. Делимое— тридцать два, делитель—четыре. Найти частное чисел сорок два и семь. Найти произведение чисел девять и девять. Шестьдесят три уменьшить в семь раз. Слушайте внимательно: сумму чисел двадцать семь и три увеличить в три раза. Сумму чисел двадцать семь и три увеличить на три. Разность чисел двадцать семь и двадцать три увеличить в тринадцать раз». Пока ребята писали, Валентина Григорьевна уже что–то чертила на доске. В руках у нее был учебник русского языка, — она готовилась к следующему уроку. И вот с магнитной ленты зазвучали слова: «Все, ребята. Диктант окончен. Я верю, что все вы с ним справились. Сдайте свою тетрадь дежурному по классу и идите отдыхать. Желаю вам успехов и на следующем уроке» А потом раздалась мелодия песни А. Пахмутовой «Орлята учатся летать!» В классе остались только дежурные для выполнения обязанностей, неизменных для каждого урока: проветривания помещения и влажной уборки. Пока ребята занимаются хореографией, изобразительным искусством, спортом, трудом, музыкой, педагоги экспериментальных классов успевают проверить рабочие тетради каждого ученика по каждому предмету. Отметки ребята узнают, после всех уроков, во время ежедневного анализа итогов дня. Такой анализ дисциплинирует учеников, каждый из них чувствует к себе постоянное внимание, может сравнить свои успехи с достижениями товарищей. А вот еще один урок—урок хореографии во II экспериментальном классе Клавдии Петровны Никиташевой. У этого необычного урока есть название «Подснежник». Прежде чем пригласить вас в большой танцевальный зал хореографической школы, несколько слов о той обстановке, в которой

рождался «Подснежник». Подснежник занесен в Красную книгу. «Пионерская правда» объявила о проведении всесоюзной операции «Подснежник». Общее собрание педагогов и учащихся нашей школы решило активно в нее включиться. Совет школы принял постановление «О мерах по защите от уничтожения подснежников в лесах колхоза «Знамя». Были созданы дополнительные отряды зеленого патруля. Ребята составили карты скопления подснежников, взяв их под усиленную охрану. Газета юннатов «Рябинушка» один из своих номеров полностью посвятила подснежнику. Комсомольцы и старшие пионеры провели во всех классах беседы на тему «Берегите цветы», где подчеркивалось не только воспитательное значение цветов как родника человеческой души, но и их огромное значение вообще для жизни на земле. Педагоги на уроках биологии и природоведения объясняли важность для жизнеспособности луковичных растений, к которым принадлежит и подснежник, процессов, происходящих в их зеленом стебле. И как результат этой работы родился урок «Подснежник». Главными творцами его стали балетмейстер О. Ф. Коновалова, концертмейстер, преподаватель музыкальной школы И. В. Корпенко и учитель литературы С. Борыщук. Звучит музыка П. И. Чайковского из цикла «Времена года» — «Подснежник». Света Никиташева с голубым бантом в светлых пушистых волосах, сама похожая на подснежник, читает: Сперва понемножку Зеленую выставил ножку, Потом потянулся Из всех своих маленьких сил И тихо спросил: «Я вижу, погода тепла и ясна. Скажите, ведь правда, что это весна?» — Вы, наверное, догадались, — говорит О. Ф. Коновалова, — что это стихи о первом цветке весны, о маленьком голубом подснежнике. Вот он выглядывает из-под белых островков снега, качает головой на легком весеннем ветерке, радуется первым лучам солнца. Вы пришли в лес и, взглянув на подснежник, застыли в изумлении... Ребята, слушая слова учительницы, проникаясь настроением музыки, в свободной импровизации движениями рук, всего тела изображают подснежник, тянущийся к ласковому теплу весенних лучей солнца. — Ольга Федоровна внимательно следит за выражением лиц, за каждым движением детей. Она старается понять, что чувствуют, что переживают артисты. — Саша! Освободи корпус. Ты ведь сейчас подснежник, легкий и изящный. Ты растешь, тянешься к солнцу. Веселый упругий ветерок колышет твой стебель... Ольга Федоровна ходит между «подснежниками», стараясь помочь им импровизировать. — Очень хорошо, Ира! Только руки—твои лепесточки—не зажимай, не прячь. Они тоже полны жизни, жажды жить. —Подснежники! А какой воздух! Сколько в нем света, лесной свежести! Как хорошо жить! Каждая клеточка ваша, — продолжает балетмейстер, — каждая веточка деревьев, птицы, маленький только что проснувшийся муравей, сама земля—поют великую песню жизни! Умолкает мелодия.

— Вы были великолепными подснежниками! — говорит Ольга Федоровна. — А теперь представьте: вы в лесу. И снова музыка П. И. Чайковского наполняет зал. — Делайте все что хотите! Вы в лесу. Вы частица этого леса, маленькая часть природы. Над вами те же небо и солнце. Вокруг вас подснежники. Много подснежников! Вот один у ваших ног, маленький, смотрит на вас с удивлением. А лепестки его тянутся, тянутся к вам. Какой красивый цветок! Смотрите, как трепещут лепестки, как блестят на них и брызжут солнечными искорками росинки! Вы зачарованы. Рука тянется к тонкому стеблю... Вдруг легкий полет музыки резко обрывается жестким аккордом. Я посмотрел на концертмейстера И. В. Корпенко. Она не сопровождает урок музыкой, она творит его вместе со всеми. Остановитесь! — тревожно говорит О. Ф. Коновалова. — Подумайте, разве только вам подарила природа, радость встречи с подснежниками? Вы сорвете цветок, он погибнет, его удивительная жизнь больше никогда не повторится. Сберегите его, — продолжает учительница, — защитите от злых рук! Пусть всегда живет он и восхищает землю, всех нас своей неповторимой красотой... Пройдут годы, унесет жизнь в невозвратное прошлое школьные дни наших учеников. Но всякий раз, когда придут в лес, они будут слышать музыку Чайковского и вспоминать свою импровизацию. И никогда уже не поднимется у тех, кто был на этом уроке, рука, чтобы сорвать подснежник, сломать ветку, разрушить муравейник. Верю, что так будет...

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОИСК Закончился год нашей экспериментальной работы. Пошел второй. Результаты многократных проверок, наблюдения на уроках убеждали нас в том, что знания

ученики получают прочные, усвоение учебного материала идет успешно на всех уроках. Но впереди еще третий год обучения. Все сложнее от класса к классу становится программа, все обширнее учебный материал. Вот почему мы попросили ученых Института гигиены школьников и подростков Минздрава СССР, тщательно проверить наш режим, хотя, разрабатывая его, мы опирались на рекомендации гигиенистов, врачей. Мы с волнением ждали, что скажут ученые, несмотря на то, что своими глазами видели очень высокую работоспособность ребят, их, без преувеличения, стопроцентную активность на протяжении учебного дня. В конце сентября 1976 года ученые приехали. Проверка целесообразности режима проходила ежедневно в течение недели в двух экспериментальных классах после первого, третьего и последнего, шестого, уроков. Исследование велось методом корректурных проб. После первого, третьего и шестого уроков ребятам раздавали листы, заполненные плотными рядами хаотично расположенных букв. Каждому, кто получил такой листок, необходимо было одну из указанных экспериментатором букв вычеркнуть, другую, также согласно его указанию, подчеркнуть. Учитывалось время — 2 минуты. Количество просмотренных букв и сделанное при этом количество ошибок и было показателем внимательности ребят, а следовательно, уровня их работоспособности в те часы, когда проводилось исследование. Собранные данные ученые увезли на обработку в Москву. Нам же оставили стопку корректурных таблиц для того, чтобы мы сами могли проводить наблюдения в течение года. Спустя месяц мы получили письменное заключение ученых о результатах проверки нашего режима: «Уровень работоспособности учащихся экспериментальных классов после последнего, шестого, урока в 2 раза выше по сравнению с уровнем работоспособности ребят того же возраста после последнего, четвертого, сорокапятиминутного урока». Невозможно передать чувство радости, которое мы испытали, читая это небольшое, уместившееся на одном фирменном бланке заключение, подписанное зам. директора института С. М. Громбахом. Оно сыграло огромную роль в укреплении нашей веры в победу. В том же учебном году мы по совету ученых провели еще два среза уровня работоспособности наших ребят в течение всего учебного дня и всей учебной недели. Один срез был сделан в ноябре 1976 года, другой — в феврале 1977-го. Результаты показали, что наивысшей точки уровень работоспособности учащихся достигает во все дни недели перед четвертым уроком, после шестого урока понижается, но остается выше исходного, наблюдаемого после первого урока. Интересно отметить, что и в ноябре, и в феврале учащиеся показывали в субботу более высокую работоспособность, нежели в понедельник. Наивысший недельный уровень в различных классах был разный, но отмечалась тенденция роста к середине недели (среда, четверг) и к концу (пятница). Таким образом, напрашивался вывод: а) учебная структура, построенная по принципу смены видов деятельности, состоящая из 30—35 минутных уроков, не только предотвращает падение уровня работоспособности учащихся в течение всего учебного дня, но даже способствует его повышению от первого урока к последнему: б) если при 45-минутных уроках наблюдается резкое понижение уровня работоспособности уже к четвертому уроку, то при новом режиме четвертые—шестые уроки оказываются даже более эффективными, нежели первые—третьи. Однако мы обратили внимание на то, что уровень работоспособности в различные дни неодинаков. Что это? Недельные биоритмы? Но кривая прыгала то вверх, то вниз совершенно произвольно. Могла, например, в одном классе с понедельника к среде идти на взлет, а в другом, наоборот, вниз. Кривая могла себе «позволить» в субботу быть значительно выше, чем во вторник, в одном классе, а в другом быть выше во вторник, нежели в субботу. Еще до проведения корректурных проб учителя обратили внимание на то, что учащиеся могут после одного урока быть на самом высоком уровне активности и сосредоточенности, а после другого, напротив, показывают заметное снижение в продуктивности учебного труда. Причем это могло быть после любого урока. Предположения, догадки у нас, конечно, были, но все они требовали экспериментальной проверки. Так, преподаватель музыки Татьяна Георгиевна Шангереева давно уже подметила, что II экспериментальный класс чаще всего менее активен в пятницу. Но другие педагоги, работающие с этими ребятами, напротив, отмечали в пятницу на своих уроках высокую работоспособность. Виновата методика преподавания? Но во все другие дни у Татьяны Георгиевны было, как она говорила, «все нормально». Тогда мы решили искать

причину не в самом уроке, а в том, что ему предшествовало. Предшествовали ему в пятницу перемена и урок чтения. Перемена не может быть постоянной причиной, а вот чтение... И тут возникла мысль: а не в том ли причина, что на уроках чтения слух ребят нагружается больше, чем на уроках письма, математики? Если это так, то музыка в данном случае не может быть контрастным видом деятельности для чтения. Мне вспомнился опыт работы в Кизлярской музыкальной школе. Мы тогда как один из способов развития музыкального слуха использовали выразительное чтение стихотворений, отрывков из произведений художественной литературы, стараясь глубже раскрыть интонационное богатство текста. Привычно воспринимаем мы, например, такие слова: «Вслушайтесь, как звучат стихи Буря мглою небо кроет. Вихри снежные крутя. То как зверь, она завоет, То заплачет, как дитя...» Но что гадать? Я попросил К. П. Никиташеву, учительницу II класса, вместо чтения перед музыкой поставить в расписание на пятницу математику или письмо. Татьяне Георгиевне мы ничего не сказали. — Ну, как сегодня прошел урок? — спросил я ее в пятницу после урока музыки во II классе. — Сегодня вроде бы нормально, — ответила она. До следующей пятницы было далеко, а до следующего урока музыки близко—два дня. И мы с Клавдией Петровной решили еще раз проверить нашу догадку. Только теперь уже вместо математики, которая обычно стояла перед музыкой в понедельник, мы поставили в расписание чтение. Причем я попросил учительницу почитать с ребятами побольше стихов. — Ну, как у вас дела сегодня? — после урока музыки во II классе спросил я Татьяну Георгиевну в понедельник. — Вы знаете, они сегодня какие-то несобранные. Наверное, понедельник виноват. В среду мы с Клавдией Петровной сделали ту же перестановку, что и в понедельник, но при этом решили усложнить эксперимент—поставили урок чтения до музыки и после нее. В среду Татьяна Георгиевна была опять недовольна уроком: «Что-то расстроились мои ребята», — сказала она, отвечая на мое: «Ну, как?» С таким же вопросом я собирался подойти после урока и к Клавдии Петровне. Но она сама пришла ко мне в кабинет. — Вы знаете, невозможно! Я их такими никогда не видела. Вертятся, отвлекаются. Ну, прямо другие дети. Я не стала доводить урок до конца, отпустила их погулять. Так мы убедились, что нельзя нам вести совершенствование учебного процесса лишь по горизонтали, то есть, заниматься повышением эффективности самого урока. Надо было совершенствовать учебный процесс и по вертикали, то есть искать наиболее выгодное для познавательной деятельности ребят соседство предметов. Педагоги все больше учились рассматривать свой урок как звено взаимосвязанной и неразрывной цепи. Приведу запись разговора учителей на одном из совещаний, посвященных экспериментальной работе. — Михаил Петрович! Давайте физкультуру поставим последним уроком в расписании. Я иной раз вынуждена заниматься тем, чем уже отвыкла: дисциплиной, — говорила, волнуясь, В. Г. Рынзина. — Физкультуру ставить последним уроком нельзя, Валентина Григорьевна, — старался убедить ее я. — Мы, наоборот, должны этот предмет ставить в начале или в середине, не в конце. Иначе будет вред и для здоровья физического, и для здоровья умственного. — Но поймите, мне же трудно работать после урока физкультуры, — не унималась учительница. — А это уже другое дело. Надо разобраться в причинах этого «трудно». Как у вас, Клавдия Петровна, идут занятия после физкультуры? — спросил я Никиташеву. — У меня, наоборот, очень хорошо идут уроки после физкультуры. Мне даже странно слышать, что физкультура мешает. — Я догадываюсь, в чем причина, — неожиданно поднялась А. Т. Алипова, которая вела уроки физкультуры в классе В. Г. Рынзиной. — Это моя вина. Знаете, все-таки 30 минут непривычно. Для физкультуры этого времени мало. Приходится заканчивать урок очень близко к его кульминации. Поэтому ребята на следующий урок идут возбужденными. — Можно мне пару слов? — спросил директор спортивной школы М. Г. Иванов. — Да-да, конечно, говорите, Михаил Григорьевич. Ваше мнение, не только как директора спортивной школы, но и как преподавателя физкультуры в классе Клавдии Петровны, для нас очень важно. — Александра Тихоновна права, — начал Михаил Григорьевич. — Мы не укладываемся в тридцатиминутки, если ведем урок, как мы вели его раньше, при сорокапятиминутном режиме. Я сам, когда начал работать в экспериментальном классе Клавдии Петровны, думал, что для физкультуры 30 минут недостаточно. Но решил свое мнение приберечь до тех пор, пока в этом не буду уверен окончательно. И все больше убеждался в слабости своей

позиции. Если 45 минут утомительны для умственной деятельности на уроке математики, то почему это время не может быть утомительным для умственной деятельности на уроке физкультуры? Разве мышечно–двигательная деятельность—это не работа мозга? Значит, и для физкультуры продолжительность урока не должна превышать 30 минут. Помню, как я себя чувствовал, возвращаясь с тренировки. Приходил домой—и спать. После тренировки было не до занятий с книгой. Мой мозг находился в вялом, полусонном состоянии. В общем, вышло так, что стал я думать не над тем, как доказать, что нельзя провести хороший урок физкультуры за 30 минут, а над тем, как провести хороший урок за 30 минут. У меня сейчас не все еще получается, как хотелось бы, но все же укладываюсь в короткий урок. Я вчера был на уроке Валентины Григорьевны. Видел оборудование ее кабинета, видел, как это оборудование позволяет ей не тратить ни одной минуты впустую. У нее все работают весь урок. А что получается на уроке физкультуры? Я решил проверить, сколько один ученик на уроке физкультуры занимается «чистым» движением. Был на уроках не только в нашей школе. Знал, что много времени у нас расходуется нерационально, но получить такой результат, какой я получил! На каждого ученика старших классов в среднем вышло всего лишь по 12—18 минут. Это из 45! Остальное время у ребят уходит на ожидание своей очереди у того или иного снаряда. Представляете, какой пласт времени не используется? Физкультура—урок движения. А мы его превратили в урок смотрения: два–три ученика выполняют упражнения, а остальные сидят или стоят и наблюдают. Болельщиков растим! Поэтому мы свои залы должны так оборудовать, чтобы весь урок каждый ученик двигался, а не «болел» на лавке. И этим мы займемся летом. В общем, хватит 30 минут, если все минуты отдать движению, если перестроить по–новому саму организацию урока, методику его проведения. Михаил Григорьевич сказал больше, чем «пару слов», но его никто не прерывал, потому что говорил он для всех важное, о том, сколько у нас еще скрыто возможностей для совершенствования. Мы начинали понимать, что первые годы эксперимента—это еще не та школа, о которой мечтаем, а ее предварительная репетиция. Скоро М. Г. Иванов стал активно пропагандировать использование музыки на уроках физкультуры как одно из отличных средств «настройки» организма на мышечно–двигательную деятельность и не менее эффективное средство «вывода» учеников из эмоционального возбуждения. Музыка—это тренер, который уже в раздевалке начинает работать с ребятами, подготавливая их к первой минуте урока. Движение—это жизнь, это радость! Об этом и «говорит» музыка. Урок ребята начинают с «включенной» в двигательную активность нервной системой. После урока они некоторое время еще продолжают пребывать в состоянии нервного возбуждения. И опять здесь незаменима музыка—спокойная, тихая. — Так постоянно шел непрекращающийся коллективный поиск путей совершенствования учительского труда, а значит, и труда учеников. Многие давно известные истины как бы заново открывались, становясь личным убеждением. Разве мы не знали, например, что эффективность умственного труда зависит от бодрого, оптимистического настроения? Знали. Но это известное по–настоящему открыли только тогда, когда убедились, как нервозность, взвинченность учителя на своем уроке мешала работать другим учителям. Взаимоотношения между учителем и учителем, учителем и учеником, учеником и учеником стали для нас предметом особого внимания. Директор спортивной школы говорил о том, что урок физкультуры начинается до урока. Это верно не только для физкультуры. По дороге в школу подружки повздорили, кто–то сказал кому–то обидное слово, всего лишь одно слово, а на уроке неточность в ответе, невнимательность, ошибки. На перемене сутолока, суматоха, вопли — на уроке разболтанность, «пустые» глаза, непонятое объяснение, а значит, завтра беда незнания... Совершенствование учебного процесса в экспериментальных классах не только по горизонтали, но и по вертикали давало нам возможность умом и сердцем понять: в сложнейшем организме школы нет мелочей, слаженность работы коллектива зависит от каждого из нас.

КТО ВЫ, IV Б? Стою в просторном спортзале. Волнуюсь. Гулко стучит сердце: проиграют, проиграют. Дробные удары мяча, беспокойный топот быстрых ног, частое дыхание, короткие пронзительные свистки судьи: идет матч по баскетболу. Играют девчонки из IV Б нашей школы. Соперник серьезный: их ровесницы из областной ДЮСШ олимпийского резерва.

Первый тайм близится к концу. IV Б проигрывает со Д счетом 8:0. Команда соперниц—рослые, специально для а баскетбола отобранные из различных школ Белгорода девочки. А у нас даже не сборная школы, у нас—все желающие из одного IV Б.

я

— Не волнуйтесь! Мы приехали сюда поучиться, и не беда, если проиграем. Проиграть такому сопернику почетно, — нарочито бодро говорит наш тренер Михаил Григорьевич Иванов, неизвестно кого больше успокаивая: то ли команду, то ли себя. Да, уйти бы только от разгромного поражения... Но что это? Наши девочки явно прибавили в скорости. Их стремительные проходы по площадке между рослыми соперницами, неожиданные, кажется, нелогичные передачи мяча обескуражили хозяек зала. Все чаще и чаще броски по кольцу белгородок. И, наконец, — мяч в кольце противника! — Ура-а! — не помня себя от радости, кричу вместе со всеми болельщиками из Ясных Зорь. Счет становится 8:2. Разрыв, конечно, большой. Конечно, нашим теперь уже не догнать соперниц. Сейчас не это главное. Здорово уже то, что сухого счета не будет! Наши тоже могут забрасывать мячи! Но, видно, девочки IV Б думали иначе. Все сильнее возрастает темп игры. Наши явно быстрее на площадке. Мяч почти все время в руках яснозоренской команды. Белгородки теперь только защищаются, стараясь любой ценой не пропустить наших к своему кольцу. Но и это не помогает. Счет становится 4:8, затем 6:8... 8:8. Матч закончился. Со счетом 12:10 победил IV Б. А через две недели—новая встреча с той же командой (основательно подготовившейся, с обновленным составом: обидно ведь проигрывать какой-то сельской школе). И опять—победа. 12:9 в нашу пользу! Какая была радость! Какие счастливые лица у победителей! Подходит тренер команды областной спортивной школы, поздравляет с победой. Вижу его глаза, очень знакомые. Где я их видел? Вспомнил! Это не глаза знакомые—знакомое недоумение: «Не может быть...» То же «не может быть», что и у зав. отделом Кизлярской музыкальной школы, с которым он воспринял победу «бездарных» на конкурсе «Белая акация». — Так получилось, — развел руками наш тренер, будто оправдываясь за победу в этом матче. И вдруг я поймал себя на том, что у меня самого точно такое же состояние, как и у Иванова: радость и... недоумение. Да-да, мы тоже недоумевали. И в наших глазах притаилось где-то на донышке: «Не может быть...» Обе эти игры я смотрел на девочек IV Б больше с изумлением, нежели с восторгом. «Откуда это у вас?» — думал я. ... Четыре года назад пошли вы в I класс. Первый раз вместе с вами шагнула в новую школу и ваша Клавдия Петровна. У вас не было звонков, потому что ваши уроки не совпадали по времени с уроками в других классах. Шесть тридцати-тридцатипятиминуток: математика, музыка, чтение, спортигры, письмо, труд — или: математика, хореография, чтение, изобразительное искусство, письмо, труд. Каждый урок — отдых от предыдущего и «подзарядка» на последующий, каждую минуту, на каждом уроке в активной работе. Каждый день навстречу гармонии духа и тела, чувства и мысли. Каждый день навстречу природе, навстречу себе, навстречу детству... Кто вы, IV Б? Нет-нет, я не собираюсь делать выводы о вас. Я только размышляю... Да и какой может быть вывод о тех, у кого все еще впереди? В III классе в последний день учебы, перед летом, я спросил у вас: «Когда вы хотите начать новый учебный год: скоро или попозже?» Вы хором, будто сговорившись, без всяких раздумий выдохнули громкое «Скоро!», а кто-то тут же уточнил: «Завтра!» В этом не было ничего неожиданного, потому что редкое воскресенье я не видел вас в школе. Вы приходили «просто так». — Можно мы поиграем немного? — спрашивали вы, зная, что будет «можно». Вам хорошо в школе. В ней все ваше: и крупные белые ромашки на светло-зеленом полу, и оранжевые рябины на голубом, старательно выписанные руками ваших старших товарищей, вами, и цеха мягкой игрушки, художественной керамики, чеканки, резьбы по дереву, и клубы юных натуралистов и техников, и спортивная, музыкальная, хореографическая школы... А уроки? Сколько раз спрашивал у вас: «Какой был сегодня самый интересный урок?» Вы отвечали: «Математика... спорт, а еще литература... а еще хореография...» Вы перечисляли обычно почти все уроки... З А знания? Этот вопрос волновал нас на протяжении всех лет вашей учебы. От этого зависела ваша судьба и наша судьба. Зачем я сказал «и» — просто наша судьба. Можно ли разрывать неразрывное?... А

знания у вас хорошие. Об этом говорят ваши учителя, об этом говорят многочисленные наши «местные» контрольные, об этом говорят контрольные облоно, контрольные пединститута и института усовершенствования учителей. Особенно заметны ваши успехи по математике. Так, февральские 1978 года проверочные работы, проведенные учеными Белгородского пединститута 95% — из вас выполнили на «4» и «5»... Кто вы, IV Б? — Это класс математиков, — говорит ваша учительница математики В. Г. Казанкова. «По скорости вычислительных операций и качеству и выполнения экспериментальная группа учащихся Яснозороенской школы значительно превосходит учащихся того же класса двух других контрольных школ...» — к такому заключению пришли ученые кафедры педагогики и психологии Белгородского пединститута, наблюдавшие за вами в течение полутора лет. Значит, вы математики? — Этот класс—самый спортивный. Ребята IV Б быстрее других усваивают движения, у них очень быстрое игровое мышление, — утверждает тренер, директор спортивной школы М. Г. Иванов. «Анализ антропометрических показателей убедительно свидетельствует о превосходстве яснозороенских учащихся, как мальчиков, так и девочек, почти по всем показателям физического развития», — подтверждают ученые Белгородского пединститута, только теперь уже кафедра физвоспитания. Вы спортсмены? — IV Б—музыкальный класс. Неоднократный лауреат районных смотров художественной самодеятельности, хор «Капельки» главным образом ребята из IV Б, — доказывает директор музыкальной школы В. В. Милешин. — Почти весь IV Б—артисты танцевального ансамбля. Это ребята с хорошими хореографическими данными, — говорит балетмейстер Г. В. Зинченко. — Трудолюбивые, хваткие. У большинства хорошие, умелые руки, — это уже преподаватель труда А. С. Болотов. У кого бы из учителей я не спрашивал о вас, все отмечали ваши успехи именно по своему предмету. И ваш классный руководитель преподаватель литературы В. И. Твернтинова не составила исключения. Подчеркивая вашу «явную склонность к литературе», она принесла вещественные доказательства — сочинения» «В тихий воскресный день шел изящный прозрачный дождик. Я играла на пианино. Музыка была веселая, яркая... На улице появились лужи. Лужи были темные, они важничали и говорили друг с другом... После дождя была радуга... Лужи сверкали на солнце, травка вытянулась и очень обрадовалась солнцу...» «... Ко мне подбежала собака Пальма, мы ее взяли еще неуклюжим, словно колобок, щенком, а теперь она большая, пушистая. На дворе шел мелкий дождик, он падал, словно парашютисты с самолета... На ветке яблони чирикали воробушки, словно играл барабан, это у них хорошо получалось. Я посидела на лавочке, и пошла Домой, но вдруг выскочила Пальма, разгоняя всех кур в стороны. Как будто снаряды, летели куры в стороны!» «... Я пошла наблюдать за дождем. Мелкие капельки плясали у меня на ладони. Я покормила воробушков. Воробьи с радостью клевали крошки хлеба. Они так четко стучали клювиками по кормушкам, у них даже в ритм получалось. Скоро стало темнеть. Я принялась читать книгу «Три толстяка» Юрия Олеши. Она перенесла меня в сказочный мир. Как там было красиво! Почему—то темных красок не было. Но тут ко мне подошла младшая сестра Наташа и спросила: — Что ты делаешь? — Я была в сказочном мире! — ответила я. Она ничего не поняла и ушла». Авторы сочинений Галя, Ира, Алла—те же девчонки, которые с таким блеском выиграли встречу с командой спортшколы. Всего три сочинения из стопки тетрадей IV Б. Листаю страницы и вижу, слышу, как в простой рассказ ребят о воскресном дне вплетаются уроки музыки, живописи, хореографии, рождая неожиданные, но такие емкие и точные ассоциации, образы. Танец мелких капель на ладони... Четкий барабанный стук воробьиных клювов по кормушке (и мимоходом — похвала, как на уроке: «У них даже в ритм получалось»). Музыка веселая, яркая. И озорная, упруго—динамичная фраза: «Как будто снаряды, летели куры в стороны. Три рассказа—удивления жизни трех философов, трех поэтов. В каждом пристальное внимание к миру, стремление разобраться в его явлениях, дать им оценку. Сочинения дышат радостным мироощущением: «... травка вытянулась и очень обрадовалась солнцу...», «Я покормила воробушков. Воробьи с радостью клевали крошки хлеба». Читая эти маленькие, короткие зарисовки, чувствуешь, как тесно авторам в словах, как мало им одних только слов, чтобы выразить всю многомерность, многоплановость мировосприятия, чтобы реализовать способность охватить эту многомерность сразу и целиком. Разве не отсюда торопливость

рассказа—наброска, словно рассказчик не успевает за своим неумным воображением: «... шел изящный прозрачный дождик... появились лужи. Лужи... темные, они важничали и говорили друг с другом... была радуга. Лужи сверкали на солнце, травка вытянулась и очень обрадовалась солнцу...» Та же динамика, тот же рассказ захлеб ощущается и в других сочинениях. Не в этой ли способности схватывать сразу, целиком десятки действий быстрота математического мышления IV Б? Не в этой ли многоплановости, многомерности видения мира секрет вообще всех успехов ребят? Не будем спешить с выводами. Впереди — продолжение поиска. Кто вы, IV Б? На этот вопрос нам еще предстоит ответить. Сейчас, пожалуй, можно сказать лишь то, что вы, IV Б, просто более обычные дети, чем многие из ваших сверстников. В этом и есть ваша сила. Если бы у меня спросили: «Есть ли первокирпичик, причина причин, энергоисточник развития личности?», я бы ответил: «Есть! Это чувство собственного достоинства, своей значимости среди людей. Оно не позволяет человеку думать: «Я слабый», а заставляет искать себя, те отличительные качества в себе, реализация которых даст ему право сказать: «Я сильный!» Этот поиск становится или источником расцвета личности, или причиной ее деградации. С первых дней появления на свет человек хочет, чтобы его понимали, ценили, радовались успехам и огорчались неудачам. Он стремится к самоутверждению. Это естественное свойство. Чувство собственного достоинства—энергоисточник развития личности, а двигателем развития можно было бы назвать успех в той или иной деятельности. Человека ценят по делам. Успех, пусть самый малый, в конкретном деле и есть шаг к самоутверждению. Если успех пришел в деле, нужном людям, в свершении доброго для них, начало утверждения «я» есть начало расцвета личности! Но если по каким-то причинам человек не добился успехов в социально полезном деле, он, внутренне протестуя против своей слабости, а заодно и против тех, кто явился свидетелем его неудачи, нередко ищет способ утвердить себя в антисоциальных поступках. Иными словами, характер, воля, талант—все физические и духовные силы человека разворачиваются, укрепляются и растут в процессе деятельности. Определяющее значение при этом имеет любимое дело, к которому «лежит душа», в котором «я» раскрывается и утверждается наиболее успешно. Поэтому первоочередная задача школы наряду с обучением основам наук—предоставить каждому ученику возможность иметь любимое дело. От ее решения зависит способность школы воспитывать. Именно об этом говорится и в документах о школьной реформе? Следовательно, совершенствование школы—на путях значительного расширения условий для самоутверждения каждого учащегося, реализации его возможностей. Мы начинали свою работу в нелегких условиях. В первый год мне пришлось завести объемистую черную тетрадь с мрачным, как ее цвет, названием: «Наши трудные...» В нее я заносил фамилии тех, кто успел — отличиться» в воровстве, хулиганстве, склонности к употреблению спиртного. Восемнадцать наиболее «выдающихся» из них состояли на учете в детской комнате милиции... Это было в 1975 году. А в 1977 необходимость в черной тетради отпала, поредел, а вскоре и вовсе исчез за ненужностью список ребят в детской комнате милиции. Ушли, в прошлое «петушиные бои», игры в «джунгли». Заметно потеплели отношения в школе. Не случайно возникло предложение, одобренное всеми, — вместо обычного «здравствуйте» говорить: «Доброе утро! Добрый день! Добрый вечер!» — «Здравствуйте» сказал один раз при встрече, и все, — объяснила Света Григорова, ученица X класса, — а потом проходишь мимо человека молча. Не по себе как-то становится. А так можно три раза в день пожелать ему доброе. Желание добра, доброжелательность все больше становились стилем отношений в коллективе. Школа—комплекс открыла для ребят множество путей к самоутверждению в добрых делах, направив их энергию поиска себя в русло подлинного расцвета личности. Даже там, где идея нашла свое частичное воплощение и слово «комплекс» пока означает лишь союз общеобразовательной школы с другими учебно—воспитательными учреждениями, отмечается повышение эффективности воспитательного процесса в целом. Так, директор Бессоновской школы писала: «Школа—комплекс является школой, способной формировать человека более развитого... человека, живущего богатой, содержательной духовной жизнью..!» Меня иногда спрашивают: «Не приведет ли стремление школы создать условия для укрепления «я» в каждом учащемся к выращиванию себялюбцев, индивидуалистов? А как же с воспитанием

коллективизма?» Такая опасность скорее возможна там, где сужено поле деятельности для расцвета дарований и способностей. Это приводит к тому, что кто-то добился на данном узком поле успеха, а кто-то—нет. Чье-то «я», следовательно, крепнет, а чье-то, напротив, слабеет, чахнет... У одного сумма достижений в школе складывается из слагаемых: неудачи + неудачи + неудачи... У другого: успех+успех+успех... Какой контраст! Будет ли удивительным, если у первого опустятся руки, уйдет вера «я могу», возникнет отчуждение? Не трудно представить его отношение к миру и людям. А второй? Будет ли удивительным, если от постоянных успехов, тем более на фоне неудач другого, у него сформируется чувство своей исключительности? Кстати, себялюбие и индивидуализм могут вырасти и на той, и на другой почве. У первого как инстинкт самосохранения, как самозащита от постоянных разоблачений в слабости. У второго как следствие ощущения своей элитарности: «Я один такой! Я—в центре! Все для меня!» Не это ли ведет к разобщению коллектива, к нагнетанию противоречий в нем? Настоящий коллектив дает возможность каждому ребенку состояться, почувствовать себя сильным, неущемленным, неприниженным. Если ученик на математике не добился успеха, он добьется его на занятиях техническим творчеством, или на уроке хореографии, или в цехе мягкой игрушки, или на борцовском ковре, или в клубе юных натуралистов и т. д. Где-то его обязательно встретит победа, и он скажет себе: «Я могу. Я не хуже. Я не должен быть и не буду отстающим». Успех в одном дает силы идти к победе в любом деле. Ученик, включенный в разностороннюю деятельность, проходит через цепь поражений и удач, а не только через одни победы или поражения. Жизнь его в школе—сумма, состоящая из побед и поражений. Она воспитывает в ребенке бойцовский характер, волю, оптимизм, стремление преодолевать трудности. Познавая успехи и поражения, он становится чутким к успехам и неудачам товарищей. В нем крепнет основа доброго, ценнейшее качество коллективиста—сопереживание, способность прийти на помощь. Школьный возраст, пожалуй, решающий период становления личности, самосознания. Всегда ли школа может помочь своему ученику найти себя, ответить на мучающий его вопрос: «Кто я каков я?». Нередко «воспитывая» ученика десять лет, она имеет о нем скудные, поверхностные представления. Отсюда печально известная шаблонность школьных характеристик. В них отмечают уровень успеваемости, дисциплина на уроках и переменах, участие в общественной жизни... А в чем сильные и слабые стороны характера выпускника, каковы его интересы, отношение к людям, нравственное кредо—все то, что входит в понятие «человек», опускается. В многогранной школе неизмеримо более полно раскроется «я» каждого ученика, со всей суммой специфических, присущих только ему особенностей. Наш опыт показал, что даже первые шаги к такой школе расширили и углубили педагогическое видение. У нас больше возможностей узнать ребят и, следовательно, влиять на их воспитание и развитие. Учение не должно быть насилием над природой, не должен быть горьким корнем учения. Учение—это развитие, раскрытие, совершенствование природы — Ты хочешь быть сильным? Да.. — Ты хочешь быть красивым? — Да. Я хочу быть человеком... — У тебя есть все возможности осуществить себя. Ты и я — мы соавторы в работе над тобой и надо мной, над нашим совершенствованием. Таким слышится мне диалог между школой и ее учеником...

ГЛАЗА МОЕЙ СОВЕСТИ Машина, взвизгнув тормозами, остановилась у переезда. Шлагбаум преградил нам дорогу. Через минуту, другую, тупо отбивая «та-та-та», потянулся поезд. Мелькали лица пассажиров, окна вагонов, стертые движением несущей их силы. Я улыбнулся. — Ты это о чем? — спросил сидевший за рулем отец, видимо наблюдавший за мной в зеркало. — О поезде. — Что поезд? Не понял. — Я подумал о пассажирах. На конечной станции они скажут: «Мы приехали». Хотя точнее было бы сказать: «Нас привезли». В поезде, рельсах есть что-то от авторитарности. А в пассажирах... — Ты бы лучше о книге думал, — вздохнул отец. В его взгляде непостижимо сложное: из тоски и надежды, из тревоги и нежности. И я невольно подумал, что он и мама, — главные соавторы этой книги. За каждой моей мыслью — их мысли, их вера, их седины и тысячи недоспанных ночей. Не всегда согласные со мной, на свой лад понимая «что есть правда», они имели мужество уступать... Поднялся шлагбаум. Машина, легко набрав скорость, понесла нас дальше. За окнами,

стремительно обтекая с двух сторон ленту асфальта, надвигались зеленые шеренги деревьев. Кое-где в их верхушках и в густом кустарнике, проступали оранжевые блики осени, будто солнечный Сарьян небрежной рукой разбрызгал свой любимый цвет у сочной зелени лета. Скоро вспыхнет разноцветьем прощального костра осень. И не раз еще, пораженное щедростью красот займется в тоске об уходящей жизни сердце. И заново осмыслишь наставление древних: жизнь — река, в нее не войдешь дважды. Нырнешь в одну часть ее потока, вынырнешь из другой. Удивительно красивая по лаконизму и глубине мысль. Ее с особой силой осознаешь в школе... Сегодня уезжаю в Москву. Впервые покидаю школу надолго. Покидаю ради работы над книгой. Пришла пора остаться наедине с листом бумаги, доверить ему сомнения преодоленные и непреодоленные — чтобы нам самим и идущим за нами не повторять тех же ошибок... Вчера и позавчера проводил последние встречи, беседы, давал необходимые, по моему мнению, советы, выслушивал напутствия. Чувствуя мою тревогу, и учителя, и ребята ободряюще смотрели в глаза и говорили: «Да не беспокойтесь. Что мы в ползунках что ли? Управимся». И я подавлял в себе грусть от сознания того, что уезжаю из одной школы, а приеду в другую. Нет, не хуже, чем эта, но в другую. Поток событий школьной жизни пройдет мимо меня. Не почувствую его—и отстану. Человек, как и все живое, — в неустанном изменении. Скажешь «до свидания» одному, а «здравствуйте» — уже другому. Ничто не стоит на месте. А встреча предстоит через год! Что изменится за это время в школе? Какими станут учителя, а главное—ребята? Поймем ли мы друг друга? Утро было торжественным и чистым, будто кто-то большой и аккуратный тщательно умыл небо и землю перед началом дня. Трава на стадионе, где мы делали зарядку, была густо забрызгана прозрачными капельками росы, стреляющими в нас тоненькими лучиками света. Прохлада обжигала босые ноги. Тело радовалось этим бодрящим ожогу, движению, жадно впитывало лучистость зари. Впереди всех бежали наши старшеклассники: Федя Кораблев, Саша Беляев, Олег Сапельняк, Вася Дубенко, Ира и Наташа Гончаровы, Таня Семернина, Света Шептун, Оксана Матченко, Олег Малов, Света Никиташева, Кучеренко Валя, Щетинина Галя—наша педагогическая смена. За ними в одной цепочке, которая, подчиняясь воле все время меняющегося ведущего, делала замысловатые зигзаги, — учителя. Когда мы развернулись навстречу заре и стройные тела впереди бегущих погрузились в клубящееся золото восхода, я подумал: «Вот так бы всегда вместе, мы и ученики, ученики и мы, — навстречу заре. Вот оно—завершение книги!» И тут же—другая мысль: «Это не конец, а начало. Конец должен быть фразой, оборванной на полуслове. Точка многозначнее самоуверенного восклицательного. За ней всегда продолжение...» Утром, пока отец готовил машину, чтобы везти меня на вокзал, я пришел в школу. Стараясь запомнить мельчайшие подробности, жадно всматриваюсь в лица, вслушиваюсь в интонации, слова. Душа кричит: «Не уезжай!» А я убеждаю ее: «Надо. Ради того, чтобы в веселом и счастливом калейдоскопе улыбок, доброго, свечения глаз дышало школьное детство. Надо ради того, чтобы долго жила наша Зыбковская школа...» Вот идет высокий, слегка сутулящийся девятиклассник Акулов Олег. Вчера у нас с ним был трудный день. Сорвался парень, крепко сорвался. Что услышу в его коротком «здравствуйте» — начало восхождения, преодоления или?.. — Здравствуйте! — В хрипловатом голосе доброжелательность, вроде бы—начало. И смотрит открыто. «Да, я хочу начать. Но кому это надо?» — вспомнилась с горечью оброненная им фраза... — Здравствуйте! — отвечаю ему и мысленно: «Вы очень нужны нам, Олег!» И тут же получаю колючее: «Воспитуете?» — Нет, неверно. Ну зачем вы так? — Не обижайтесь. Вы же понимаете, трудно сразу. — Понимаю... Эти мгновения общения ему необходимы не меньше, чем мне. Тон делает музыку, первая встреча—день. А вот еще одно «Здравствуйте...» Это шестиклассница Валя Бойко. В ее интонации ясно звучит: «Я рада видеть вас, готова к событиям нового дня, не подведу, не волнуйтесь». В ответное «здравствуйте» вкладываю то же чувство доверия и оптимизма: «Все будет хорошо. Успеха вам, Валя!». Идут в школу ребята, и я вглядываюсь в их глаза, глаза нашей совести. Вот снова мой ученик смотрит на меня требовательно и строго... «Ты спрашиваешь, что я узнал о тебе? Немного больше, чем знал прежде. Прости, что так медленно и так трудно познаю тебя. Прости. Когда я говорю: «Ты Вселенная», это не игра в слова и не тяга к броским сравнениям. Постигание вселенной и есть постижение тебя. Изречение древних: «Познай себя—и ты познаешь всё» —

справедливо, как справедливо обратное: «Познай всё—и ты познаешь себя». Познать тебя—значит объять необъятное. Мы с тобой часть природы, и в нас, как в капле—море, отражается вся ее сложность. В космическую эру мы уже не можем строить педагогику только на изучении отношений: человек—человеку. В среду обитания решительно вошла Вселенная. Педагогика стоит у истоков грандиозных изменений в осмыслении ее сущности, ее роли в продвижении человечества на пути к Великому прогрессу, в обеспечении самой возможности быть... Еще робки наши шаги к тебе, но не смотри с укором, смотри с надеждой. Ты — Человек, и звучание твое во Вселенной будет все мощнее, торжественнее и радостнее. Ты—Человек...»

ЕДИНОДУШИЕ Прошло пять лет... Пять лет я не писал... Не писал ни статей, ни очерков, а мысли о книге отложил в сторону, как мне казалось, надолго. Отчеты в академию, сухие справки, доклады на коллегию министерства, короткие наброски—наблюдения— вот круг моих письменных забот в эти годы. Книгу не писал потому, что мне казалось: писать ее еще рано. По той же причине отложил диссертацию на «потом». Утром я спешил в школу. Торопил думать и себя, и всех, кто учил и кто учился. Мы искали и пробовали. А проблемы росли и росли. И вернулась мысль о книге. О книге, в которой расскажу о нашем участии в общенародном поиске оптимальной системы воспитания и обучения человека—труженика, человека талантливого, красивого духовно и физически, верного своему долгу перед Родиной. Все, что написано, дорого пережитым, и каждая строчка как маленький кусочек сердца... Думаю, что для читателя небезынтересно проследить процесс развития идеи, пройти вместе с ее автором трудный путь реализации мечты о школе, где бы легко и свободно расцветало Великое Детство, где ученик и учитель были бы сотоварищами, единомышленниками и в каждом ребенке закономерно из класса в класс росла здоровая, яркая, самобытная и непременно талантливая личность... — Вы Щетинин? — Да... — Михаил Петрович? — Да. — Моя фамилия Лебедин, зовут меня Николай Петрович. Я из Кировограда. У меня к вам очень важное дело... Когда вы свободны? — с этого телефонного разговора по—деловому и немного загадочно вошла в мою жизнь Кировоградчина. Приехал туда в мае 1980 года. Первым районом, с которым меня познакомили хозяева, оказался Онуфриевский, где долгие годы в селе Павлыш работал Василий Александрович Сухомлинский. Район небольшой, сельский, вряд ли кто знал о нем, если бы не всемирная слава Павлыша. Чтобы почувствовать неброскую природную красоту здешних мест, надо уйти от шумных лент асфальта. И тогда откроются одна за другой жемчужины этого края: то луговина с прелестной небрежностью рассыпанных цветов, то таинственность лесного озера, где так и хочется послушать невероятную историю, то вдруг взметнувшаяся в синь круча с золотой короной хлеба. Земля эта обильно полита людской кровью. Могилы, обелиски, монументы... Село, куда поехали в очередной раз, было Зыбково. Школа в окружении стройных, зеленых тополей, двухэтажным оранжевым прямоугольником впечаталась в ровную, под линейку улицу ее имени, от которой к крыльцу своеобразным заливом отходила крохотная площадь. Зашли в вестибюль. Дохнуло прохладой только что вымытого пола. Тишина. Но вот звонкий пунктир каблучков уверенно раздробил ее на дольки. Навстречу шла небольшого роста черноволосая женщина. — Тюрина Надежда Суреновна, директор школы, — представилась она. — Мы вас ждем. Можете побеседовать с учителями. — И дети в школе? — спросил я. — Да, — ответила директор и добавила: — Восьмиклассники... — Вы не могли бы их собрать? — А сколько времени займет беседа? — Думаю, минут сорок... — Значит, минут сорок—час, — повторила она, словно колеблясь, — ну что ж, хорошо. Подождете в кабинете, пока я соберу ребят? — Нет—нет, не беспокойтесь, мы пока посмотрим школу. — Михаил Петрович! Ребята ждут, — вскоре позвала Надежда Суреновна. — Вы знаете, о чем буду говорить? — спросил я ее. — Да. Читали ваши статьи «Колокола детства» в «Комсомольской правде»... «Школа будущего рождается сегодня» в «Новом мире». Даже на педсовете их обсуждали. Только не для массовой школы то, о чем вы пишете. В жизни все сложнее. С детьми, у которых все нормально в семье, у кого есть определенные задатки, что же не экспериментировать... — А если у вас провести эксперимент?.. — У нас?! Здесь?! Это невозможно! — вырвалось у Тюриной. — Ну вот вы и пасуете... — Я?! — Надежда Суреновна

взметнула свои тяжелые черные брови. — Рискуете вы. У меня подруга работает в экспериментальной школе. Она рассказывала, каких туда учителей подбирают. У нас не город, в соседнюю школу учителя не переведешь. — А если со всеми теми, кто здесь? — Чтобы дискредитировать вашу идею? — Есть такое желание? — Ну зачем вы так, — Надежда Суреновна вздохнула: — Силенок у нас нет. Да и контингент детей... Нет-нет, дети у нас как дети, даже послушнее, чем в городе. Но общее развитие их значительно слабее. Вот поговорите с ними и сами убедитесь. Я их предупредила. Мне зайти или вы сами? — Сам, — и я открыл дверь с надписью: «8-й класс». Вот оно, тревожное мгновение, предшествующее первым словам. Молчаливая перестрелка вопросов-мыслей, длящаяся доли секунды. — Кто вы? С чем пришли? Что там у вас в душе? — А вы о чем только что думали? Как с вами говорить? Пойдем ли мы друг друга? Наконец говорю: — Здравствуйте! Прошу всех сесть. Простите, что отниму у вас время. Мы сможем побеседовать минут сорок? Наступило неловкое молчание. Где-то скрипнул стул, и опять тишина. Все смотрят в парты. Нет-нет, да и стрельнет молнией чей-нибудь взгляд в мою сторону и спрячется под ресницами. А мне так необходим откровенный разговор. Я настроен на работу, верю в успех. Но что моя вера?! Я ничего не смогу сделать, если мы не станем единомышленниками. Просто предложить свой вариант будущей школы, как бы он ни был хорош, бесполезно. В этом случае вам достанется роль статистов. Но она ни у кого энтузиазма не вызовет. А без энтузиазма нет инициативы. Нужно сделать так, чтобы мы вместе стали борцами за новую школу, представили, какой она может быть, и поверили в возможность осуществить мечту. Тогда... О, что будет тогда, я уже хорошо знал по Ясным Зорям. И те же Ясные Зори подсказали, что сначала надо идти к детям. Я лихорадочно искал выход. «Ну думай же, думай? — подстегивал себя. — Ты для них незнакомый человек. Незнакомый. Опыт общения с их сверстниками, для которых был учителем, не в счет. Там ты заходил в класс не для начала, для продолжения разговора, давно перешагнувшего берега урока, в каждом твоём слове были миры совместно прожитого, им понятные. А здесь на шкале отношений ноль. Единственное спасение — подчеркнуть, что ты гость, а они хозяева. Им и решать, принять меня или нет. Может быть, придется извиниться и уйти». — Да вы говорите! Мы слушаем! — выручила меня сидевшая за первым столом от окна светловолосая девушка. — Просто мы... стесняемся, — улыбнулась она. Я с благодарностью посмотрел на нее и спросил: — Как вас зовут? — Лена... Лена Брежатова. — А вас? — Ой, ребята, извините! Я ведь даже не назвал себя. Михаил Петрович Щетинин, старший научный сотрудник НИИ общих проблем воспитания Академии педагогических наук СССР, — сказал излишне длинно и как-то уж очень официально. — Вы из Москвы? — спросил худощавый парень и, не дожидаясь ответа, представился: — А я Кораблев... Васька, — добавил он, затем быстро привстал и как-то по-птичьему поклонился. Класс дружно засмеялся. — Да, Вася, из Москвы, — радуясь потеплевшей обстановке, ответил я и уже для всего класса сказал: — Сейчас многие ученые разрабатывают модель школы будущего. Какой она должна быть? Хотелось бы знать и ваше мнение. Очень, ребята, важно посоветоваться с вами. — Прямо с нами?! — хмыкнул кто-то недоверчиво. — А с кем же еще? — Мы вам насоветуем... записывать устанете, — протянул резковатым басом коротко стриженный парень с последней парты. 2 — А знаете, ребята, у меня есть предложение! — будто не слыша этой реплики, продолжал я. — Давайте представим себя в двух ролях. Пусть каждый, оставаясь в роли ученика, станет еще и волшебником. Какую бы жизнь в школе он сделал для себя-ученика? — Лучше вы нам расскажите, а мы послушаем, — сказала соседка Брежатовой, черноволосая, чернобровая, с большими темно-коричневыми глазами миловидная девушка. — Как вас зовут? — А нужно ли вас затруднять? Все равно вы завтра нас забудете, небось, мы не одни, с кем вы советуетесь. | — Галка! Что ты ставишь из себя княжну Мери? — крикнул Кораблев. — Не Галка, а Галя... — зарделась девушка. И видя что я хочу ей что-то сказать, добавила: — Странно как-то. Я приехать за тысячу километров советоваться с нами. — И немного привстав, мягко произнесла: — Ратушная Галя. — А че! Прямо че хочешь, то и предлагать? — снова пробасил короткостриженный. — Конечно, что хотите. — Тогда закрыть школу совсем, и без мороки махнул он рукой. — А вас как зовут? — Меня? Ну Сашка... — Саша, вы же сами понимаете, что предложении ваше неприемлемо для настоящего, а тем более, для будущего. Вам, видимо, не очень сладко в школе? — Че в ней

хорошего?! — убежденно произнес парень. — Может быть, лучше уберем из нее, что причиняет вам боль? — Мене не больно... Че это мене больно? — уже почти со злостью, будто не желая со мной говорить, бросил он и отвернулся. — Хорошо! Не будем нарушать наших условий. И так, учитывая предложение Саши, мы закрываем школу. Но как волшебники будем строить на месте разрушенной новую, с нуля... — Зачем же с нуля? Не все же в ней плохо? И вообще. — решительно встала Брежатова, — у нас, как у людей, спрашивают мнение, а мы... И обернувшись в мою сторону, волнуясь, начала: — Вы знаете, трудно так без подготовки сказать что-то путное. Но самое главное, что больше всего мучает нас, — это крик. Надо, чтобы учителя не видели в нас мумии. Надо, чтобы мы хотели сюда идти. Лена говорила, поминутно останавливаясь, часто обращалась то к одному, то к другому: «А помнишь?..» Ее выступление ста-то тем камушком, который вызывает лавину: ребята разговорились. Сумбурная, беспокойно-смятенная мысль постепенно крепла, набирала силу. Сколько раз я удивлялся неординарности, смелости ее поворотов, спрашивая вновь и вновь: «Откуда это?» Словно только что впервые в жизни явилось мне это чудо: мысль ребенка. И всегда она рождается, если сердце ее творца открыто тебе навстречу. Жаль, что такие минуты редки! Раскрепостить ученика, дать ему свободу самовыражения, снять заслоны страха, боязни быть осмеянным, — значит, пробудить в нем гения. В комнате с табличкой на дверях «8-й класс» торжествовала мысль. Мы перебивали друг друга, кричали, спорили... Дважды заглядывала к нам директор и понимающе закрывала дверь. Но вот она не выдержала и вошла. — Михаил Петрович! Педсовет кончился, мы вас ждем. — Да-да, сейчас... — тру я зачем-то переносицу, будто хочу вспомнить что-то очень важное, и, вспомнив это важное, говорю: — Надежда Суреновна! Еще немного... — Еще немного! Надежда Суреновна! Хоть пять минут! — дружно поддерживая меня, просит восьмой класс. — А вы знаете, — не сдавалась директор, — сколько вы здесь сидите? Два часа! Учителя тоже ждут вас, Михаил Петрович. Сколько вам еще надо времени? — Хотя бы минут... восемь. — Хорошо, еще пятнадцать минут, — улыбнулась директор, а мы пока объявим перерыв. Она вышла. Я повернулся к классу и вздрогнул. Класс притих. Но глаза! Какие глаза смотрели на меня! Нет, не на меня, прямо в душу. Господи! Как я люблю эту отважную пытливость и доверчивость детских глаз! Глаза... глаза... Сомнение—вопрос. Пред вашей вечной повестью Хочу ответить совестью... Выйдут из души и лягут на бумагу слова песни, а я буду видеть глаза Шептун Светы и Кораблева Федя, Матченко Оксаны и Дубенко Васи, Брежатовой Лены и Кораблева Васи... — школьников—зыбковчан 1980 года. И вместе с ними в моей памяти встанут глаза ребят из Ясных Зорь. Пройдут годы, и, когда будут у меня спрашивать, почему я выбрал именно Зыбково. я назову причины, логически увяжу их одну с другой, но главную не смогу объяснить словом... В классе была тишина, только не такая, как вначале. Это была тишина взаимопонимания. Я уже знал их всех по именам. Вон тот рядом с Кораблевым—Сергей, динамичный, взрывной, сейчас смотрит как-то настороженно. Чуть впереди две подруги: Люда и Таня—мягкие, спокойные... — Михаил Петрович! Всё, что мы здесь нафантазировали, правда сбудется? Что надо, чтобы начать эксперимент? 1 — В первую очередь желание учителей и учащихся. — А учащиеся тут при чем? От нас что зависит? — Что зависит от вас? Почти всё! Может быть, девяносто процентов успеха. Вы, как самые заинтересованные в подобной школе люди, должны стать первыми борцами за нее. И учителям потребуется ваша помощь, понимание. Школа будущего—это школа взаимного доверия, равного уважения друг к другу учителей и учеников. Я не подбирал слова с поправкой на возраст собеседников. Говорил от имени своего и их детства. И кто знает, кого во мне в те минуты было больше: Михаила Петровича или Мишки, веснушчатого пацана, только что поднявшегося с задней парты. Мы как бы проросли друг в друга. Надолго ли, это зависит от многих случайностей, закономерностей, нашей способности верить друг друга. Я уже понимал, что с этими ребятами мы будем работать вместе,

— Скажите, пожалуйста, — встала Брежатова Лена, — долго будет идти эксперимент? — Долго... Да-да, бесконечно долго, ему нет и может быть конца. Не мы его начинаем, и не нам ее завершать. Поиск совершенного бесконечен. То, что докажет свою жизненность, станет достоянием других. Когда? Когда докажет... — А я не пойму вас. Вот то, что мы здесь

предлагали, когда начнет жить? — спросила Ратушная Галя. — Да, когда? Не в эксперименте, а в любой школе, когда? — поддержали ее все. — Когда? Может быть, очень скоро. А может, лет через пятнадцать—двадцать... — А нельзя как-нибудь поскорее? «Жаль только жить в эту пору прекрасную...» — подал голос Глинкин. — Вы трудные вопросы задаете, ребята. Желания мало—надо найти путь. Иногда между тем, кто начал искать, и тем, кто крикнул: «Нашел!», лежат столетия. — Михаил Петрович! А нельзя ли в нашей школе, которую мы здесь нарисовали, поучиться хотя бы годочек? Или приехать, чтобы хоть одним глазком посмотреть, как это в жизни бывает? Понимаете, — голос Лены Брежатовой от волнения дрогнул, — вы только не смейтесь, мне снилась такая школа. Я когда говорила здесь, когда предлагала... это все из того сна. Школа та была в цветах, стены прозрачные, а за ними речка, лес, березки. Лужайки цветов начинаются прямо в классе и уходят к озеру... Я уже не помню, кто что говорил, помню только, как все подошли к столу. В классе поднялся тот знакомый учителю гомон, когда каждому надо непременно надо что-то сказать, спросить, просто ахать или охать, делиться радостью, выплескивая энергию мыслей и чувств. Разум подсказывал, что единство наше не раз рухнет и снова родится заново, а впереди у нас не только победы. Но не хотелось тогда об этом думать. Хотелось удержать это мгновение счастья, когда мы сами распахнули двери в будущее, в прекрасный мир родом из снов и сказок.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ УЧИТЕЛЬ? Не раз задумывался над тем, почему грамотный, знающий предмет учитель иной раз не может хорошо учить детей. Сидят на уроке коллеги, находят недочеты, исправляют, помогают. А завтра все та же проблема. Учитель нервничает, срывается, переходит на крик. Снова советы, помощь, и... та же картина. Ходит в школу такой педагог, мучает и мучается. Как-то в одном из номеров «Комсомольской правды» начинающий учитель, защищая свое право быть естественным, писал: «Возможно, иногда я хватаю через край и в моем лексиконе проскальзывают явно не учительские словечки, но ведь в детской аудитории порой и впрямь приходится быть почти клоуном... На уроке, как и в жизни, нужно быть искренним, живым...» Верно! Но, прежде всего, надо позаботиться о том, чтобы было что выражать искренне, естественно и живо. Если бы у моего коллеги духовный стержень был покрепче, он меньше «хватал через край» и не допускал в своем лексиконе «неучительских» словечек. Кинематограф последних десятилетий, видимо исходя из необходимости сближения учителя и ученика, справедливо критикует амбициозность учителя, стремится противопоставить педагогике «масок и штампов» педагогику сотрудничества старшего и младшего. Направление это, безусловно, заслуживает похвалы. Но, к сожалению, на экранах кино и телевидения иной раз можно увидеть некоего «демократичного» простачка, который в своей «невинной естественности» теряет педагогическую позицию. Стремясь показать такого героя, авторы раскрывают перед нами его сложный противоречивый мир, где «всякого добра хватает и все бrenное присутствует», но это не главное, утверждают они, главное—любовь к детям. Нет! Тысячу раз—нет! Учитель начинается не с любви к детям, а с любви к Родине. Учитель—полпред своего народа, ответственный полпред будущего, бескомпромиссный и верный боец за коммунистические идеалы. Когда любовь к детям вырастает на основе гражданственности, когда суть любви к ребенку—забота о будущем Родины, духовное возвышение человеческой сущности ученика, только тогда мы можем сказать: перед нами педагог. Это не красные слова. Это ключ к нашему делу, исток таланта учителя. Мы говорим: жизнь — борьба. Педагог вводит ребенка в жизнь, т. е. в борьбу. В борьбу, с чем и против кого? Если нет у него ясного об этом представления, его не спасут ни живость, не естественность. Антон Семенович Макаренко не уставал повторять: учителя вне политики нет. Сегодня, как никогда, важно понять, что главное дело учителя—учиться и учить коммунизму. Дать интересный урок, когда «лес рук», — всего лишь минимум. Глубоко, даже блестяще знать свой предмет еще не значит быть педагогом. Это тоже минимум. Без знаний и мастерства в школу не ходить. Учитель—неуч (а такое случается) вообще вне рассмотрения. Но хорошо вести уроки и быть в стороне от жизни, от борьбы за переустройство мира и человека, — значит, плохо делать свое главное учительское дело—ваяние личности учеников. Ты мой ученик. Я твой учитель. Давай

подумаем, зачем мы с тобой родились, зачем живем на этой земле. Зачем встретились: ты и я? Не просто убедительно и ярко ответить самому себе и детям на это «зачем?». Не общие слова требуются для ответа? А выношенные, выстраданные, идущие от сердца, чтобы прояснилась картина жизни и наше место в ней. Мы ищем эти слова. Ищем ответ, осмысляя окружающее, тревожа память, вглядываясь в судьбы тех, кого уже нет. У деревьев и цветов, у моря, звезд, птиц ищем ответа. В поэзии. Да! В поэзии жизни. Постигая ее основу, ее истину, мы начинаем понимать себя, других, открываем глубину строк: «Ничто на земле не проходит бесследно...» И приходит обжигающее ощущение своей неразрывной связи со всем сущим на земле. Наступишь на цветок, сломаешь ветку — и что-то утратишь в душе. Сделаешь больно другому — ударишь по самому себе. Всё в жизни связано: тронешь одно — отражается на другом. Будем же чутки к природе и друг другу как частице вечности. Учитель, помни напутствие Гёте: Вы должны при изучении природы всегда воспринимать единичное как всеобщее. Ничего нет внутри, ничего нет снаружи, Ибо то, что внутри, то и снаружи. Так схватывайте же без промедления Святую открытую тайну... Как сочетать свое «я» с другими, с общим природы? Как сделать это «я» боеспособным, жизненным, органичным? Где он, самый правильный путь к гармонии? Поиску, открытию и утверждению истины посвящена вся предшествующая история человечества. Сколько оборвалось жизней на этом пути! Сколько пролито слез и крови, пока главными словами на земле стали: свобода, равенство, труд, братство, коммунизм. И сколько еще неисчислимых испытаний пройдет человечество в борьбе за их торжество. Имеем ли мы право, учитель и ученик, стоять у обочины жизни? Отвечая на главный вопрос «зачем я?», мы найдем ответы на тысячи других, поймем, что человек—звено в цепи поколений, соединяющее прошлое, настоящее и будущее. С осознания смысла жизни начинается воспитание личности, чувства сопричастности с делами и мечтой своего народа, убежденности в том, что «мое» и «наше» неразрывны. Постигание сущности бытия рано или поздно приводит к раздумьям о сущности человека. Открытие К. Маркса: «Сущность человека в совокупности всех общественных отношений» — компас педагогики целостного формирования личности. В юности, отрочестве остро ощущается стремление к самоутверждению. Осознание своей сущности открывает путь к реализации своего «я». Марксистское мировоззрение должно стать основой духовного возвышения человека. Надо, чтобы каждый ребенок усвоил сердцем и умом, увидел в конкретных делах, существом своим почувствовал, что его рост, признание, расцвет сил, ума, таланта—в масштабах его труда на общую пользу, в преобразовании общественной жизни. Быть человеком—значит не потреблять, а творить жизнь, созидать для других. Марксову формулу человеческой сущности не раскроешь в одной беседе или лекции. Двадцатилетний опыт педагогической работы убеждает, что к ее постижению приближают вся школьная жизнь, учение, труд, основанные на принципах коммунистической нравственности, коллективизма, справедливости, общности духовных интересов учителей и учеников. Кто задумывается над смыслом жизни, кто не устает задавать себе вопросы «зачем я?», «для чего я?», тот рано или поздно начинает понимать: эгоист, живущий для себя, убивает свое «я». Его психику поражают страх, озлобленность, что необратимо губит физическое, умственное, душевное здоровье. Только тот, кто живет для людей, кто отдает им лучшее в себе, кто стремится утверждать в жизни добро и красоту, познает истинное человеческое счастье. В этом мудрая диалектика отношений нашего и моего. Довелось мне однажды участвовать в дискуссии на тему: «Каким сегодня должен быть учитель?». Меня взволновала позиция известного критика, который, возможно в пылу полемики, горячо доказывал, что в школе должен быть определенный процент педагогов—новаторов и определенный процент просто «крепких специалистов», способных дать «необходимый минимум». «Спуститесь с неба на землю, — призывал он, — поставьте учителями в школах три миллиона гениальных новаторов—они вам, пожалуй, так всю школу перевернут, что концов не соберете... Нет, вы сначала подумайте, какому проценту учеников по природе нужен в классе учитель—новатор, а какому—просто крепкий специалист...» Дискуссия эта была вынесена на страницы печати и стала достоянием широкого круга читателей. Особенной остро прореагировали на нее педагоги. И что удивительно, многие были искренне убеждены, что школе вполне достаточно крепкого специалиста, обеспечивающего минимум знаний, и что талантливый учитель «на

массе работает вхолостую» и поэтому, конечно же, «под него надо подбирать и соответствующий ему контингент». А проработавшая сорок лет учительница одной из московских школ, куда я был приглашен, сказала: «Если мы будем требовать таланта от учителя, школа останется без кадров, педвуз без студентов. Реальнее было бы ставить вопрос так: каждой школе только хороших учителей!» Полемика приобрела такую остроту, позиции были столь непримиримыми, что мне вновь захотелось вернуться к этой теме. Многие сходятся в мнении: в школе должен работать «просто хороший учитель». Хороший учитель. Что мы вкладываем в это понятие? Прежде всего, видимо, профессиональное исполнение своих обязанностей. Показателем качества педагогического труда должен быть уровень сформированности, развитости и воспитанности личности, который достигнут в результате педагогического воздействия на учеников. Ориентиром в работе учителя является главная цель школы—воспитание идейно убежденной, всесторонне развитой личности, способной к самоотверженному труду во имя процветания Родины, утверждающей в повседневной жизни нормы коммунистической нравственности и морали. Время говорит «нет» узкому, пусть даже «крепкому» специалисту. Наш идеал—многогранная личность. Не должен, не имеет права выпускник школы мямлить: «Не могу». Вот почему сегодня мы вправе предъявлять самые высокие требования к уровню воспитания, ратовать за постановку предельно высокой цели и за создание соответствующих условий для ее достижения. Чтобы человек не только мог проявить себя в определенное время, в свой «звездный час», но и был готов к постоянному, деятельному самосовершенствованию и самообновлению, чтобы «звездный час» перерос в «звездный век». Вслушиваемся в непрерывный диалог человека и общества: — Кто ты? — Я человек! — Докажи это. Подтверди делом, достойным тебя и времени. — Подтвердил. — Подтверждай вновь и иди к новым рубежам, еще более трудным, еще более высоким... Работать и жить на высоком накале напряжения естественно для многогранной природы человека. Вместо слов «Я не могу!» он должен руководствоваться другими, прямо противоположными: «Я смогу, потому что я человек! Я не имею права жить иначе, ибо я часть своего народа, и эта часть должна быть здоровой, надежной». Вот оптимистическая формула человеческой жизни. Может ли при таких требованиях к школе быть хорошим учителем тот, кто «звезд с неба не хватает», делает только «отсель и досель»? Не может. Ибо не в состоянии вести за собой топчущийся на месте и не видящий дороги. В самом тезисе «такому—то проценту подавай педагога—новатора» кроется признание, что талантливый педагог—необходим только для избранных, одаренных детей. Но все здоровые дети изначально талантливы, следовательно, думающий, творческий учитель необходим каждому. И спорить нам не о чем. Но мы спорим. Значит, причина спора не в боязни, «что таланты развалят школу», а в отношении к природе ребенка. Вместе с тем, если исходить из веры в его потенциальные силы, пришлось бы не тратить время на дискуссии, а искать систему воспитания, адекватную возможностям детства, а это, по—видимому, не всех устраивает. Давно заметил, что любят делить детей на «сильных» и «слабых» люди, как правило, случайные в школе. Их идеал—школа без детей с их живостью, неугомонностью, непохожестью. Однажды я слышал, как учительница после выпада в адрес «неслухов» расхваливала ученика: — Он хороший мальчик, редко когда слово поперек скажет, сидит себе на уроках и помалкивает...» Учительница эта—крепкий специалист, знающая свой предмет. У нее на уроках тишина... гробовая. Большинство ребят «отсель досель» учебник знают. Педагог любит, как она сама призналась, «брать на страх». У нее годами отработанный арсенал психологического давления, вернее—подавления. Она слышит только себя, наслаждается властью, не переносит возражений, не утруждает себя тем, чтобы настроиться на другого. «Важно, чтобы меня понимали. Это главное.» Проверяющие ставят ее в пример: «Трудяга... Звезд с неба не хватает, но дело свое знает, потому и дети у нее успевают». А ученикам предмет давался трудно, потому что не любили они того, кто его преподает. Чувство антипатии к наставнику неминуемо отражается и на отношении к его предмету. А если этот предмет они учат не один день, а годы? А если чувство симпатии не вызывает не один учитель? Нетрудно представить последствия такого учения. Познание—это прежде всего общение учителя и учащихся и самих учеников друг с другом. «Стремление к общению... занимает значительное и порой ведущее место среди мотивов, побуждающих

людей к совместной практической деятельности... Удовлетворение этой потребности связано с возникновением чувства радости» О каком продуктивном общении может идти речь, если для учителя хороший ученик тот, кто «помалкивает»? Насильственно вбитые знания—мертвый груз, они никого да не станут живительным источником мудрости. «Для внешнего порядка, внешне хороших манер, дрессировки напоказ нужны лишь твердая рука и многочисленные запреты, — писал Януш Корчак. — Чем скуднее духовный уровень, чем бесцветнее нравственный облик, тем больше забота о собственном покое и удобствах, тем больше запретов и приказаний, продиктованных мнимой заботой о ребенке». Вряд ли мы захотим навязать такого «специалиста» нашим детям. А он все еще не редкость в школе. Не редкость, потому что до сих пор еще ее деятельность оценивается только по уровню знаний учеников. В учительской среде иногда неверно, по моему убеждению, понимается сама сущность учения. Признавая, что главный труд школьника—учеба, мы не учим их этому труду, а заботимся только о том, чтобы дать определенную сумму знаний по основам наук. Приобретение знаний не самоцель, а средство, точнее, одно из важных средств образования и развития личности наряду с трудовым, физическим и эстетическим воспитанием. Партия учит нас комплексному подходу к решению педагогических задач, призывая не терять из виду ведущую цель школы: воспитание всесторонней и гармонично развитой личности, активных строителей коммунистического общества. В «Основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» красной нитью проходит завет В. И. Ленина: «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали». Этот партийный документ определяет смысл деятельности школы: на уроках, в производительном, общественно полезном труде, в залах физкультуры, хореографии и рисования готовить, выражаясь языком К. Маркса, «наилучших граждан». Наилучших. Специалист—предметник, не умеющий или, того хуже, не желающий быть организатором активности ученика, не помогающий школьникам строить свою жизнь на основах ученического самоуправления, для нынешнего этапа развития народного образования не годится. Учитель, что бы он ни преподавал, должен учить главному предмету— постижению смысла жизни и подлинного человеческого счастья. Педагогику вы зубрить нельзя, сотворить раз и навсегда тоже. Суть деятельности педагога—творчество, исследование. Успешная работа сегодня не дает никакой гарантии, что завтра она будет такой же. Ибо завтра—новое испытание. Какими же качествами необходимо обладать учителю? Одним из основных можно назвать честность. «Жить честно, — говорил Л. Н. Толстой, — это рваться, путаться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вечно бороться и метаться». Да, «вечно бороться и метаться» — наша учительская судьба. Нам противопоказаны благодушие и самодовольство. Если в основание пирамиды из всех наших педагогических построений мы положим заботу о ребенке, развитии его духовных и физических задатков; если, веря в ученика, при любых, пусть даже самых «безнадежных» обстоятельствах, будем вести его к успеху; если будем честны перед своим народом; если каждый шаг, слово, действие, взгляд, улыбку будем соотносить с целью воспитания и руководствоваться ею в нашей совместной с учеником деятельности, — наш педагогический талант не иссякнет, а будет крепнуть и совершенствоваться. И однажды нас осенит удивительно простая, но очень важная мысль: чтобы вести за собой, надо и себя вести, не останавливаясь в этом движении к себе лучшему ни на один день. В Зыбково я приехал с пониманием моей главной позиции: дети—наши соратники в работе над каждым человеческим «я», включая и самого педагога. Они не воспитанники, они наши сподвижники». С тех пор решительно выступаю за диалог с ребятами на равных, за авторитет доброты и чести, независимо от должности и формального образования. Вся моя педагогическая жизнь много раз убеждала в том, что только при демократическом стиле отношений возможен быстрый, стремительный рост коллектива. А трудности, если идет совместный поиск путей их преодоления, — благотворный стимулятор роста. Коллектив начинается с мечты, со значимой для всех цели, где каждый видит свое личное, ему необходимое. Вместе с тем к «моему» можно прийти наиболее коротким путем только через осознание «мы», уважение «я» других. Зыбковские учителя, как мне казалось, приняли мою позицию, и мы приступили к созданию ядра будущего коллектива, отряда

добровольцев—учеников, готовых своими руками преобразовывать школу. Путь подсказывал яснозоренский опыт: нужно создать разновозрастный трудовой отряд. Однако принять идею—значит целеустремленно и последовательно бороться за ее претворение в жизнь, изменяя и самого себя. А это не каждому под силу.

ИСПЫТАНИЕ Ночь. Мрак разливается по земле, наваливаясь тяжелой чернотой, поглощая всякую подробность красок, линий, форм. В пору света прятанный в норах, пресмыкавшийся тенью ко всему, что стояло и двигалось под солнцем, теперь он властно давил собой малое и большое... Ох, как ненавистен мраку свет! Как раздражает его прямота лучей! С каким наслаждением чернил бы он круглые сутки все, что хоть малой толикой способно светить! — Михаил Петрович! Ну, наконец—то! А я пол—леса обошел! И чего это вы сюда забрались? — неожиданно прервал мои раздумья Вася Кораблев. — Мы уже поужинали. Скоро костер, а вас нет и нет. — В его голосе с прерывающимся от быстрой ходьбы дыханием заметны ноты укора и радости. — Хотелось побыть одному? — Да. Тут хорошо думается. Да вы садитесь, — спохватываюсь, — сейчас пойдём. Вася кладет мне на плечо шершавую от сухих мозолей ладонь, привычную с раннего детства к работе, ободряюще повторяет, как заученный урок: — А я вас ищу, пол—леса облазил... Включили фонарик, пучок света резанул черное пространство, качнулся влево, вправо, решительно вырывая плотное кружево деревьев, обступивших нас. — А здесь уютно. — Вася вздохнул, лег рядом на спину, и вновь плеснуло свежестью летней травы. Мы лежали, положив головы на горячие ладони, и смотрели на яркую россыпь звезд в бесконечности космоса. Глаза Вселенной будто тоже разглядывали нас. Казалось, спрашивали о чем—то, ожидали чего—то большого, важного. Когда, освободившись от суетности будней, смотришь на звезды, смятенная душа успокаивается, наполняется верой в доброе, чистое, и неторопливо растет жажда действий. — Ну что, Вась, пошли? — Я готов, — по—военному стремительно вскочил Василий. Узенькая тропка невесомо и легко ложится меж деревьев, а затем быстрым ручейком бежит под ногами вниз, вливаясь в темноту густого кустарника. Включили фонарик. И вовремя. Пробираясь меж цепкого терна ночью небезопасно. Кустарник кончился. Сквозь темные силуэты деревьев просачивался навстречу нам беспокойный свет. И вот, миновав строгие в отблесках огня пирамиды палаток, мы вышли на небольшую площадь. У самой ее кромки, в том месте, где она одним концом опрокидывается в озеро, горел костер. Вокруг него сидели наши товарищи. — Михаил Петрович, давайте сюда! Здесь удобнее. Вася, иди к нам! Я сел на ближайшее место. Все вновь замолчали, казалось, только костер и занимал внимание. Но это на первый взгляд. Предстоял очень серьезный разговор. И разговор этот мог стать для нашего маленького коллектива последним... «Последним? Нет! Никак нельзя, чтобы последним, — отчаянно рванулась в голове мысль. — Но что делать?.. Что делать?» Вопрос, мучивший меня в Москве, откуда я только что приехал, здесь, в лагере, когда узнал, что... из сорока семи человек осталось... пятнадцать, звучал как крик утопающего. Кто теперь будет готовить школу? Судьба, не утруждая себя в изобретательности, чуть ли не копировала прежние приемы, вновь испытывая на прочность. Может быть, я повторяю свои ошибки? Память выставляла передо мной один за другим драматические эпизоды прошедших девятнадцати дней, сравнивая их с более далеким прошлым... Неделю назад в школе была приостановлена работа нашего добровольческого строительного отряда, состоящего в основном из старшеклассников. Причиной послужил визит представителя облисполкома, видимо, по чьему—то сигналу о творящемся в Зыбкове «безобразии». — Вы что за свой счет собираетесь это восстанавливать? — показывал он на убранные кирпичные перегородки, на отмытые от мела, приличные уже квадраты стен. — Прекратите немедленно! — представитель буквально прошивал колючим взглядом. — Но, «дорогой товарищ», если не начнем сейчас, не начнем никогда... Детей я учу умению связывать слово с делом... — Меня, между прочим, Владимиром Антоновичем зовут. — А меня—Михаилом Петровичем. — Вы, Михаил Петрович, поймите, — Владимир Антонович заговорил спокойнее, — в этом году, пока идут переговоры на «верхах», пока готовится документация, вы не начнете свой эксперимент. Поверьте, я кое—что, понимаю. И разве дело только в здании? А люди? Где они у вас—готовые к работе в новых условиях—люди? Решения коллегии министерства об

эксперименте в Зыбкове еще нет. «Логика у него безукоризненная, — думал невесело я. — Он отчитывает меня, как мать несмышленное дитя». А Владимир Антонович «вынул» припасенный на финал самый веский аргумент и прибил им, как гвоздем: Давайте поразмыслим без эмоций. Кто вы здесь такой? Прораб несуществующей стройки? Директор? На каком основании мы будем выделять вам народные рубли? — Да, вы правы, — пытался я сопротивляться, существует только устная договоренность. Но она существует! А если бумаги придут 31 августа? Что мы будем делать целый год? А ребята? Им что скажем? Пусть ждут? Да, юридических оснований готовить сейчас школу к реконструкции нет. Но, имея твердую договоренность с руководством области о проведении эксперимента, мы не можем сидеть сложа руки. Все горят желанием действовать немедленно, сейчас. Посмотрите, как работают ребята. Какая силища проснулась в них! Они уже видят свою обновленную школу. И вы хотите остановить их?! Я уловил сомнение в глазах представителя облисполкома, внутренне он был на моей стороне. Появилась надежда. Но Владимир Антонович твердо сказал: — Мы не можем поступить иначе: необходимо прекратить работы. Требуется официальное разрешение. Поезжайте в Москву к своему начальству. — Владимир Антонович почти с жалостью посмотрел на мою залитую мелом одежду, с которой капала вода, на мои далеко не интеллигентного вида руки и как-то виновато добавил: — Нельзя без документов. Вот вы сломали четыре стены, ободрали, считай, четверть школы, а где проект? Какова сметная стоимость этих работ? Вы же педагог... Разве это ваше дело? И уже явно по-доброму взял меня за руку: — Не огорчайтесь. Поймите, будет экспериментальная или не будет, а эта—обычная—школа первого сентября должна работать непременно. Сочувственно улыбнулся и пошел к ожидающей его «Волге»... — Вы что молчите, Михаил Петрович? — слышу чей-то шепот. — Сейчас, сейчас... — киваю я головой. Костер по-прежнему вдохновенно рвался вверх, с гудением взлетали языки пламени в темное пространство. — Сидим как на похоронах. Давайте споем что-нибудь такое, наше... — предложила комиссар отряда Лена Брежатова. Мы много не знаем о прахе земном, И много для нас пятен белых... Сотни загадок в дожде грибном И тысячи в яблоках спелых... В борьбе мы узнали в «Отважном» родном Великую силу отряда. Из тысячи слов светит счастьем одно: Отважное слово — «Надо!» «Отважный»... Сердце всколыхнулось болью... Родные мои люди, товарищи мои, где вы сейчас? Я посмотрел туда, где, прижавшись друг к другу, будто птицы, отдыхающие после очередного трудного перелета, сидели Лена Ковалева, Вера и Лена Гончаровы, Люда Байдикова... — девушки из Яснозоренской школы. Через несколько недель им идти в десятый. В какую школу придут они первого сентября? Что я им скажу?... И наплывает другое, полное драматизма, лето 1975 года. Линейка в «Отважном». Я помню всё так, будто это было вчера. Отважновцы! Я ничего не забыл. Ваше мужество, ваша вера никогда не позволят мне сдать, изменить нашей общей мечте... Я срочно выехал в Москву, к тогдашнему президенту АПН СССР, Всеволоду Николаевичу Столетову. Столетов... С этим удивительным человеком свела меня судьба в один из труднейших периодов моей жизни... Нелегко вспоминать о самых прекрасных и трудных днях в Ясных Зорях. Нелегко ворошить в памяти то время... О красавице школе, сельских детях восторженно писали многие газеты. Но вслед статьям появлялись в Ясных Зорях проверяющие комиссии, увы, не всегда объективные. И после одной из них меня поставили перед фактом: либо я остаюсь директором, но возвращаюсь к общепринятому учебному расписанию, либо меня вынуждены будут от работы отстранить. И я ушел. Не принадлежу к числу невезучих, и, когда слышу сочувственное, мол, тяжело бремя того, кто пытается утверждать новую мысль, во мне откуда-то изнутри поднимается волна протеста. Согласен: трудно. Нестерпимо тяжело. Но, пожалуй, нет большего счастья, чем опережать время, приближая школу будущего. Да, бывают нередко споры, в которых, увы, не рождается истина. К сожалению, некоторые больше озабочены не делом, а тем, чтобы формально соблюдать инструкции, набивая руку в составлении отчетов и справок. Когда-то с одним из таких чиновников я пытался говорить о нашем долге перед детством. Он недоуменно смотрел на меня и твердил: «Это—лирика... Переходи к делу». Из-за таких в нашей среде родилась горькая шутка: «Не можешь быть учителем—не огорчайся: пойдешь учить учителя, если и это не умеешь—радуйся: пойдешь учить, как учить учителя...» Холоден ум дельцов от педагогики, расчетлив, им ведомо, когда и

кому сделать звонок, о чем умолчать, к чему присоединиться... В этом их сила. Но неумолимо человеческое стремление к истине. При нынешнем всенародном внимании к школе им будет все тяжелее. Если бы вступающий на трудную педагогическую стезю спросил у меня совета, я бы ответил так: «Не обольщайтесь успехами! Не делайте ставку на личности поддерживающие вас. Выработывайте свою педагогическую позицию и, создав коллектив единомышленников, боритесь за ее утверждение. Слушайте оппонентов, по-доброму анализируйте их возражения. Оппонент оттачивает вашу мысль. Вы нужны друг другу, если оба искренни и честны. Чаще анализируйте свое поведение. Вы доброжелательны в споре? Очень хорошо! Вы раздражены? Это плохо, в вас проснулся себялюбец. У такого главное не идеи, а он сам. Умейте сдаваться перед истиной. Побитым в споре быть не страшно, страшно изменить себе». Так я думаю сейчас, ибо, как сказал великий Пушкин, опыт—сын ошибок трудных. А тогда... С каждым днем гасла вера в себя, в справедливость. Противникам моим «пять» по поведению не поставишь. Но и я был нередко не лучше: срывался, вел себя дерзко, отягощая и без того тяжелое положение. Как спешил я тогда к детям! Успеть еще чуть-чуть. И вот 23 марта 1979 года пришел в школу последний раз. Еще никто не знал, что это последнее мое утро в Яснозоренской школе. В тот день в висках стучало одно: никогда... Вот идет, улыбается мягко и светло Неронова Надя, комиссар «Отважного»... А вон по ступенькам поднимается девятиклассник Саша Милешин, обжег взглядом, сказав вежливо-сухое: «Здравствуйте». «Не успел поговорить с ним... — мелькнула тревожная мысль. — Когда теперь? Так и останется неясность. Наша неясность...» Ребята заходят в школу, весело шмыгая носами, покрасневшие от свежего мартовского ветра, улыбаются... Улыбаюсь и я. Привычно всматриваюсь в лица: «С чем пришли?» У одних в глазах—солнечное, у других— лунное, у третьих—тучки. Тучки... В голове привычно идет анализ: «Что с ним? Поссорился с... Да вроде бы не похоже... Может быть, дома?» Вот вспыхнула догадка: «А, понял!» И тут же болью мысль: «Сегодня все это оборвется...» Всматриваюсь в лица, боюсь, что время сотрет что-то важное. С ужасом понимаю, что я обманываю тех, кому улыбаюсь и жму руки. В моем воображении из крохотных вытяжек дней, минут общения вылеплен будущий образ каждого. Через несколько минут я передам печать, книгу приказов, а это... то, что у меня... внутри, это самое-самое, кому и как... передам?! Унесу с собой. Унесу навсегда. А тому, кто придет вместо меня, все сначала?... Зашел в кабинет. Моргает селектор. Включаю, говорю, а голос будто не мой. — Михаил Петрович, это вы? — слышу тонкий голосок второклассника Славика Саблина. — Да, Слава, я... Ты что? — А ничего... Я просто... — Славка сопит в селектор некоторое время, затем, будто вспомнив самое важное, обрадованно спрашивает: — Вы в нашу комнату придете сегодня вечером? Славик любит сказки. Только—чтобы лечь в постель, укрыться под горлышко одеялом и слушать, прерывая меня в особо страшных местах своим неизменным: «Ух ты-ы!» Что сказать?... Славка ждет привычного: «Приду». Что ему ответить?... — Славик... — говорю ему начало фразы, которой не знаю конца, — Славик... ты... будь умницей. Славка, — вдруг выдавил я из себя и выключил связь. — Прощай, Славка, — шепчу в отключенный селектор. В глазах разливается что-то горячее, горло сдавливают. Медленно выхожу из кабинета. Этот кабинет через мгновение станет чужим. Как нелепо и просто: закрыл дверь, и ты... чужой. И всё там за стеной, что еще хранит следы и тепло твоих рук, уже принадлежит другому. А ты с этого мгновения — «бывший». Школа, твоя школа, родные, верные лица, руки, глаза уйдут навсегда во вчера... К каждому жесту, взгляду, звуку пристанет беспощадно и несмылаемо-прочно слово «было». Было... Выхожу на крыльцо. В грудь ударяет мартовский ветер. Тает снег. Стремительно и тревожно несутся по небу свинцово-серые, разорванные в клочья тучи. И губы сами по себе бросают в эту разорванность клятву: «Славка, я не бросил тебя. Я ушел, чтобы не бросить тебя. Славка». — Что с вами, Михаил Петрович? — трогает меня за руку наша техничка Марина Григорьевна. — На вас лица нет! Вы заболели? Добрые старческие глаза в тревоге. И будто прочтя мою боль, ласково, по-матерински добавила: «Иди, сынок, иди. Все будет хорошо...» Прошли годы, но нет-нет и приснится мне моргающий глазок селектора. Я включаю его и слышу Славкин голос, только не могу разобрать, что он у меня спрашивает. В селекторе помехи, треск. Я хочу подняться, хочу идти к нему, но ноги приросли к полу, не двигаются... Оторвавшись от воспоминаний, обвожу

глазами зыбковских ребят. «Как сложится наша судьба? Неужто и здесь...» — кольнула мысль. А может, отказаться от всех экспериментов, работать в установленных рамках. Детство и рамки? Нет! Детству нужен для счастья масштаб задачи, захватывающая высота цели. Загоняя детей в рамки привычного, «навсегда данного», оберегая от борьбы, мы тем самым лишаем их ощущения своей значимости на земле. Дрогнула рука. Не хочу ли вымолить прощения у Славки? До чего же, совесть, трудно с тобой! Мудры мы все, когда посмотрим либо назад, либо со стороны. Ох

, эта мудрость после драки! Всё ей понятно, все она объяснит. Нет! Не мог я тогда, поставленный перед необходимостью выбора: или идея, или дети; или эксперимент, или возможность быть с детьми их директором, — не мог я выбрать то или это. Для меня это было целое, как небо и земля, как хлеб и вода. Не мог, потому и вынужден был уйти из школы. Детям нужен был я с мечтой, без нее личности нет, одна видимость... — Смотрите не сорвитесь! Помните о детях. Раны в детской душе не заживают, — по-отечески предупреждал меня, отправляя в Зыбково для подготовки эксперимента В. Н. Столетов. — Помните, какому риску вы подвергаете выношенную под сердцем идею, не только под вашим сердцем... Суровое лицо, четкие, будто высеченные резцом, морщины на щеках и лбу, под седыми бровями—доброта и ум. — Будете работать у нас. Это было третьего апреля 1979 года. Много видевший на своем веку, суровый и седой человек спас меня, протянул руку, заставил вновь поверить в себя. И там, где я видел непроглядную ночь, забрезжил рассвет... Еще одна встреча—майским днем 1980 года. Столетов с характерной для него обстоятельностью прочитал программу предстоящего эксперимента, которую я писал по его совету «от мечты», посмотрел на меня как-то по-особому пристально. — Ну что ж, поработали вы серьезно. За предпринятую попытку собрать воедино знания многих дисциплин о человеке с тем, чтобы реформировать учебно-воспитательный процесс в школе, создать в ней условия для гармоничного развития личности и осуществить идею В. И. Ленина «о подготовке всесторонне развитых и всесторонне подготовленных людей, которые умеют все делать», — спасибо. Программа интересная, — медленно, будто вырезая каждое слово, озабоченно продолжил он. — Но в ней столько компонентов, связать которые непросто. Оч-чень непросто. Всеволод Николаевич вздохнул, посмотрел мне в глаза и, будто споря с кем-то, закончил: — Но это, — он еще раз показал на программу, — дальний прицел. Работа ваша понадобится массовой школе, возможно, не скоро. Но она непременно понадобится. «Ну, парень, теперь держись, — сказал я сам себе. — Теперь только вперед». После многолетних мытарств, неверия, после обвинений в лженоваторстве, насмешек, слова президента «Я верю...» были для меня как свет для спелеолога, отчаявшегося выйти из глубоких лабиринтов пещеры... И вот я опять в Москве. Снова иду по Погодинке. Высотный дом номер восемь. У стеклянного входа блещут крупные буквы «Президиум Академии педагогических наук СССР». — Всеволод Николаевич выехал в Берлин на симпозиум, — приветливо сказала мне секретарь Лидия Ивановна. И сочувственно добавила: «Что же вы не позвонили? Что-нибудь случилось? Что-то срочное?» — с беспокойством заглянула мне в глаза. — Срочное, срочное, Лидия Ивановна, — отвечаю со вздохом и выхожу из приемной... В сердце обида, злость. На кого? На себя, на сложившиеся обстоятельства, на мое начальство, на нашу «любовь» к бумажкам? Скорее всего это были обида и злость без точного адреса. «Что делать? К кому идти?»>. Вопросы эти усиливали и без того тревожное чувство. «К кому идти? Что тут гадать? — скажете вы. — Иди к тем, кто исполняет обязанности... Дело-то государственное. Надо в министерство? — Иди. В Госплан? — Иди...» Неприятно признаваться, но, видимо; надо: мне было страшно идти и просить. Я панически боялся отказа. Ведь было такое, было. Сколько раз клали мечту на весы расчетов председатели колхозов, директора совхозов и всевозможные «завы» и «замы», когда я ездил в поисках единомышленников, когда за моими плечами не было государственной программы, не было академии, не стояли известные ученые, когда надо было агитировать, находить «общий» язык и т. д. и т. п. Да, было страшно. Хотелось, чтобы про меня забыли, но только дали бы возможность работать... Очень не прост был ответ на вопрос: «Куда идти?» Куда-нибудь не пойдешь, как не пойдет мать к любому врачу с ребенком, которого выносила

под сердцем, вскормила молоком, научила говорить первое слово. Решил действовать так, чтобы эксперимент стал свершившимся фактом. И я вернулся в Зыбково... Ночь. Озеро. Костер. И песня—наша песня: ... И поле пшеничное—золота всплеск, В синь неба распахнуто солнце ромашки, И песню поет о любви человек, Песню—Родиной ставшей. Смотрю на ребят с надеждой. На лицах отблески огня. Отблески?.. А может, это их собственный огонь, огонь их сердец? — Товарищи! — начинаю неожиданно для себя глухим голосом. — Не знаю, не соображу, что в этой ситуации делать. Сами видите, сколько нас осталось. С работой не справимся, физически не успеем. Горько сознавать, но ничего обнадеживающего из Москвы не привез... «Не то говорю, не то... Но что еще можно сказать?» — Почему не справимся? — услышал голос Лены Брежатовой. — Почему не справимся? Вы... не правы... — голос девочки дрогнул. Память на короткий миг снова вынесла к поверхности сознания последний, короткий разговор со Славиком Саблиным. Невольно посмотрел на девчат из Ясных Зорь и натолкнулся на глаза Лены Ковалевой, на ее недоуменное: «Что с вами?» Выдержав мой взгляд, она сказала тихо, но уверенно: — Зря вы так, Михаил Петрович. Нас, конечно, мало. Но это не значит вовсе, что мы не справимся. Надо завтра с утра приступать к работе. Не понятно, почему мы ее остановили. По—моему, было гораздо хуже. И сейчас выдержим. Кто—то бросил в костер сухие ветки, он. вспыхнул ярким бело—голубым светом. И навалившаяся было темень дрогнула, качнулась и, ударившись о кустарник, упала за крутой бугор. — А вы не сомневайтесь в нас, Михаил Петрович! Нас, конечно, мало... — Кораблев сделал паузу. На скулах ярко освещенного лица отчетливо обозначились бугорки мускулов, в межбровье вонзилась упрямая складка. — Но зато здесь, — Вася прижал руку к груди, — у всех много. — Хлопцев мы соберем, — поддержал Сергей Люлин. — Не на одних девятиклассниках мир держится, вон Стрельцов Вовка—в седьмом, а чем хуже вкалывает, а Беляев— в пятом и тоже тянет не хуже других. — И не только учеников, можно учителей, родителей позвать... — Да что все заладили: соберем, соберем. А если и не соберем? Сколько простоев было, вспомните. — Это уже семиклассник Стрельцов. — Если все рассчитать— справимся! «Поразительно, — думал я, — когда вы успели такими стать? Или я вас не видел? Вы были, а я не видел? А может быть, новая ситуация перестроила вас, сгруппировала в единый сгусток ценности, которые вы копили годами? И когда пришел час, — они заявили о себе во весь голос? Как же это я, опытный человек, не первый раз сталкивающийся с трудностями, спасовал, а вы...» — В «Отважном», — продолжал Стрельцов, — разве легче было? Когда вы рассказывали, я еще подумал: «Нам бы такое испытание!» Может быть, это не хорошо, но хотелось, чтобы произошло у нас что—нибудь такое... — И произошло... — неожиданно светло улыбнулся младший братишка Стрельцова, озорник Вовка. — Вы думаете, мы слабее? — спросил он. — В деле увидим... — опередил меня Кораблев. Снова помолчали. Каждый думал о том, хватит ли у него характера, воли выстоять. — Вот сказали, что нас мало, — певуче, с легким «аканьем» заговорила Ира Малетина. — А вы знаете, что тут было, когда вы уехали? Кто—то пустил слух, что, мол, никакой школы у нас не будет. Денег там нет или еще чего. Вроде какое—то начальство против... Ну а вы... в общем, будто насовсем уехали... Сначала мы не поверили, естественно. А потом день проходит, другой, третий, четвертый... вас нет. Тут уже не по себе стало. Все—таки мы вас еще хорошо не знаем. А вдруг, правда? Пожалели деток, не могли прямо в глаза сказать... Село сплетнями захлебывается... В конторе вроде бы видели, как какой—то лысый дядечка на «Волге» приезжал и заявлял авторитетно, что о школе еще никто не решал и решать не собирается. Тут родители стали к нам ездить, кого по—хорошему, кого силком—домой. — Ира, грустно усмехнувшись, продолжала: — Мои родители, например, тоже были здесь... «Вот вы тут сидите дикарями в лесу, комаров кормите, над вами и над нами люди смеются». Ну, я—то, как и другие, кто остался, своих сумела убедить, что все это сплетни, что вы приедете и школа у нас—экспериментальная—будет. А многие поверили слухам... Тут две последние ночи холодно было. И пошло. Стали уходить из лагеря. Сначала по—одному, потом уже целыми палатками побежали. — Ира внезапно всхлипнула. Ирина, всегда открытая, радостная, теперь вытирала крепкой ладонью неожиданные для нее самой слезы. Она пыталась улыбаться, но вместо улыбки на ее лице появилась жалкая гримаска. Кто—то еще из девчат подозрительно зашмыгал носом. Круг будто съезжился. Видимо, ребята

представили недавно пережитые дни, когда уходили те, с кем вместе мечтали и работали. Утраты юного сердца—это не драмы и даже не трагедии—крушения, катастрофы. Вспомнилось чувство безысходности, с каким уходил я сам от, школьного крыльца в тот последний март в Ясных Зорях. И снова защемило сердце тоской о навсегда утерянном Видно, ходить мне с ней всю жизнь и, пока дышу слышать голос Славика: «Вы придете сегодня?» — Представляете, уходят, уходят... — вздохнул Саш Беляев, плотно скроенный крепыш, один из самых юных наших товарищей. Он вместе со своими друзьями Васей Дубенко и Олегом Сапельняком перешел в пятый класса Хоть бы уж сразу, а то тянутся по одному. Один идет ты ждешь, кто следующий. А я стою и думаю: «А если все уйдут!» Смотрю на Ваську. А он злой какой—то. Вижу: «Нет, Вася не уйдет, значит, уже двое есть». — Да, конечно! Ты да Кораблев—два героя на весь лагерь! — сквозь слезы засмеялась Малетина. — А Кондратенко подбивал и нас уйти: «Пошли, хлопцы, пока комары не сожрали. Пусть тут энтузиасты вкалывают». — Ух, как я хотел ему врезать! — жжал кулаки Люлин. — Да Ратушная помешала. — Нам еще драки не хватало! — упрекнула его черноглазая Галя Ратушная. — Была бы пища для новых сплетен. — А потом собрались все к вечеру. Сидим у костра, на душе тяжело, и так плакать хочется, — задумчиво вороша палочкой золу, впервые подала голос Люда Байдикова. — А вчера, когда зашли все в нашу палатку, — почти шепотом проговорила Галя Щетинина, — я давай всех считать. Насчитала пятнадцать. И страшно стало. — Да, ждать было не очень... Если бы хоть работа была. — А я вам сколько раз говорил: «Давайте работать!»— неожиданно почти закричал Стрельцов. Все. будто обрадовавшись разрядке, засмеялись. В костер подбросили веток. Пламя вспыхнуло с новой силой. — Михаил Петрович! А если бы вы не добились денег, вы бы уехали от нас? Мне показалось, костер прекратил гудение: такая наступила тишина. Ребята с напряженным ожиданием вглядывались в меня. — Да я же и приехал без денег! Как странно иногда переворачивает жизнь наши чувства. Неприятная новость будто сняла запруды в душе. Стало легко дышать, смотреть и слушать. И когда на вопрос не в пример всем нам сохраняющего благоразумие Кораблева: «Что же делать?» — я ответил: «Работать!», мы во всю мощь легких закричали: «Ура!» Это была отчаянная бесшабашность, мальчишество. Но в те минуты мы не сомневались: все теперь будет, и деньги, и материалы, и официальные решения. Мы верили в справедливость. И потому чувствовали себя легко и радостно. Мы знали, что не только здание будет подготовлено к первому сентября, но и жизнь наша пойдет по—другому. Родовались, что не ушли, не сдались, остались верными друг другу и мечте. Родовались открытию в себе хорошего, настоящего. Родовались костру и звездам, лесу и озеру. Родовались, как радуется человек открывшейся, перед ним безбрежности жизни, непобедимости стремления к красоте. И родовались не зря. Когда решение об эксперименте было принято, мы выиграли не просто время—первую битву за коллектив, заложив в его фундамент бесценное качество: веру в возможности человека, красоту его духа. 4 июля 1980 года—день рождения лагеря труда и отдыха «Ясные Зори». Имя ему мы дали в честь Яснозоренской школы, в честь всех, кто делал первые шаги к зорям нашей мечты. 1 сентября 1980 года обновленное школьное здание принимало зыбковскую детвору. В то лето я еще раз убедился: лучшее в нас создается трудом сердца, ума, рук, рождается в борьбе за человеческое в себе и в других. Личность формируется в мучительном преодолении себя, в переживаниях горя, отчаяния, радости, подаренной другим, в сопричастности к общему, большому, настоящему делу. Подтвердилась истина, добытая в Ясных Зорях, отгораживание детей от трудностей обедняет их жизнь, искусственно тормозит развитие. Ребенок рвется к серьезному диалогу с жизнью, имея на это и право, и возможности. И как важно предоставить ему поле деятельности, где он сможет расти как человек и гражданин.

ОБРАЗ БУДУЩЕГО Мы часто говорим: образ его жизни, образ поведения. Говоря так, подразумеваем, что каждый живет по образу, системе представлений о себе, своем поведении в среде других. А кто лепил этот образ? Сам его носитель и окружающие. Вернее, не просто окружающие, а те, кому он поверил. Да, мы видим себя глазами тех, кому верим, так или иначе синтезируем их мнения о себе. Мы впитываем в себя то, что нам кажется необходимым, сравнивая себя с 1 другими, подправляем, подтягиваем, убираем. Подгоняем]

себя в основном под требования тех, кого считаем авторитетом. Выработывая со временем определенное мнение о своем «я», о том, как должно действовать в том или ином случае, мы забываем, когда, при каких обстоятельствах творили свой образ, создавали внутреннее ощущение себя, которое определило судьбу. В лучшем случае помним только переломные моменты, резко изменившие наше самосознание. А «чуть-чуть плюс», «чуть-чуть минус» забываем. Но если бы помнили этот процесс «лепки» своего образа, сознавали, как удар за ударом, мазок за мазком великий скульптор—жизнь творит нас, возможно, мы бы существенно изменили кое-что в себе. Жизнь наша—сотворчество, взаимодействие нашего «я» с другими, со средой, нас окружающей. Наше «я» есть не что иное, как синтез критически или некритически принятых в себя определенных качеств других. Многие несчастья, точно также, как и успехи, достижения, растут из этого образа. В школьные годы ведущим архитектором или скульптором призван быть учитель. А главные его соавторы— ребята, весь школьный коллектив плюс вся окружающая школу человеческая и природная среда. Как и любому творцу, учителю необходимо представлять себе свое творение. Чем оно яснее видится в главном и в деталях, тем целенаправленнее идет созидание. Картина со временем уточняется, в нее вносятся коррективы; но она должна постоянно присутствовать в воображении автора. Хороший учитель видит своего ученика как бы в трех проекциях: прошлого, настоящего и будущего. Будущее—совершенный образ, где подмеченные учителем задатки, те или иные психологические свойства личности доведены до высочайшего уровня развития. Настоящее—то, что уже реально есть. Прошлое—то, что было до настоящего. Всматриваясь вместе с учеником в его настоящее, педагог помогает ребенку увидеть изменения, тенденции роста, соотносит их с тем, что было и что ожидается в будущем, планирует дальнейшую деятельность. Предвидеть будущее, мечтать о нем, действовать сообразно мечте—вот незаменимое топливо и воспитания, и самовоспитания. Педагог может достичь наивысшего воспитательного—эффекта, когда вместе с учеником мечтает и приближается к мечте. Точнее, направляет процесс роста ученика, побуждает к действительному, активному самостроительству, самосовершенствованию, в соответствии с его представлением об идеале человеческой личности. Мечта открывает перспективу, ее высота мобилизует силы, закаляет волю, характер. Но речь идет не о пустом, беспочвенном мечтании—о построении воображаемого «я» из имеющихся задатков, своеобразия личности. Учитель по крупницам отмечает первые ростки, первые микроэлементы будущего, лучшего человека. Строить его надо из доброкачественного «сырья», отметать все дурное, слабое, мешающее здоровому росту. Без сознательной активности самого человека в созидании своей личности не может быть воспитательного процесса. И не надо маскировать наши намерения. Педагог пришел в школу, чтобы помочь ученику стать человеком. Но здесь ничего нельзя добиться принуждением, только примером, совместной борьбой за лучшее в каждом. Вот какой, думается, должна быть наша педагогическая позиция: «Мы вместе будем бороться, вместе жить, вместе работать над собой, будем бороться сейчас, и готовить себя к завтрашней, еще более напряженной борьбе за самую святую мечту человечества: коммунизм. И ради счастливого будущего нашего народа, народов земли мы станем работать над совершенствованием и укреплением своих сил». Акцент должен быть очень точным: не «совершенствуйся, расти, а я погляжу, как ты это будешь делать, и подсоблю», а «мы вместе будем, обязаны расти, потому что в ответе за свою землю». Такая позиция снимает отчуждение и делает ученика борцом уже на старте жизни. Он не готовится к борьбе, а борется уже сейчас. Я не верю в педагогику вещаний. Я верю в педагогику борьбы, борьбы не рядом с учеником, а вместе с ним, плечом к плечу. Великий и вечный вопрос «зачем?» ставит перед нами цель. Чтобы не растеряться в сложных, драматических коллизиях жизни, учителю и ученику надо всматриваться в будущее, всякий раз уточняя, совершенствуя его образ. Это большая, напряженная, требующая систематических и целенаправленных усилий работа. Опора мечте—марксистско-ленинское мировоззрение. Мечта должна быть радостной, светлой. Помните Чернышевского: «Будущее светло и прекрасно.». Мечта—непревзойденный стимул поисковой активности человека, если она не набросок, не схема, а яркая, физически ощутимая картина, с которой человек сросся, как с реальностью, отодвинутой во времени. У вас не получилось? Слабо мечтали или мечтали в одиночку. «Моя

душа, я помню, с детских лет прекрасного искала...» «Я знал одной лишь думы власть, Одну, но пламенную страсть...» Страстно искала душа, и родился гений. Каждый находит в жизни то, что хочет найти. Если наши ребята будут искать светлое, они его найдут непременно. Важно, чтобы у этого поиска был верный компас—мечта. Учить и учиться мечтать, переносить воображаемого себя в воображаемое будущее, видеть будущее свое и своего народа—один из самых надежных и действенных педагогических приемов. «Наши наблюдения, беседы с ребятами и их родителями подтверждают, что те, кто успешно учится в школе, активны в общественной жизни, отличаются более развитой способностью видеть себя в будущем. Я имел возможность множество раз убеждаться в том, как живительна для юного ума мечта, как пробуждаются способности у «неспособных», если с ними ведется систематическая работа по развитию воображения, созданию оптимистического образа их будущего.» Ищите двигатель развития во внутренних представлениях человека о себе и своем месте среди людей, в программе его жизни. Хотите, чтобы дети жили счастливо и интересно? Мечтайте с ними. Хотите вырастить бесстрашных борцов за светлое, высокое, доброе? Учите их мечтать о светлом, высоком, добром. Хотите убить личность? Убейте мечту. Мне созвучна мысль Рериха: «В жизни вашей оставайтесь верными Прекрасному, храните энтузиазм. Растите в себе творческие мысли, помня, что по мощи ничто не сравнится с силою мысли. Действие лишь выражает мысль, потому мы ответственны не только за наши действия, но еще более за мысли. Даю вам жизненный совет: имейте мысли чистые и сильные, наполняйте жизнь вашу несломимым энтузиазмом и тем обращайтесь ее в постоянный праздник. С улыбкой истинного познания внушайте детям вашим непобедимое Желание созидать. Эта бесконечная цепь труда, совершенствования и блага приведет вас к Прекрасному» .

В НЕСПЕШНОМ ОБЩЕНИИ — Да преувеличиваете вы все! — раздраженно говорила Людмила Григорьевна Урывкина, опытная, с солидным стажем работы учительница. — Школьная проза довлеет над школьной поэзией. Легко писать о взглядах и вздохах. А в жизни школа держится на режиме, строгости. Надо держать учеников в руках, как нас держали! Что они понимают, чтобы в глаза им заглядывать? Пусть они в мои заглядывают. Я одна, а их десятки, сотни. С нами не церемонились, поэтому и в люди вышли. Так мы же боялись встретиться с учителем на улице! И если сказал учитель: надо делать так, в мыслях не было, чтобы не подчиниться. А сейчас? Ты ему слово—он тебе десять! Работать невыносимо и без ваших тонкостей. А если начнем в глаза им заглядывать, то уж лучше из школы вон... Мы и так здоровьем негодные... Людмила Григорьевна помолчала, затем, будто решившись на что-то, заговорила еще более горячо: — Вы, Михаил Петрович, детей выдумываете. Дубенко, по-вашему, личность? Он мне вчера урок сорвал? Так мне с ним как—ласково разговаривать? Гнать таких надо. Может, они там, — кивнула она в неопределенное пространство, — людьми станут. Дети играют с вами во взрослых. Может, и не надо было вам это говорить, но раз начала—скажу. Лицо и шея собеседницы покрылись красными пятнами. Видно, нелегко ей давалось каждое слово. — Все возмущаются, что при вас невыносимо работать. В институте не глупые, между прочим, люди советовали держать дистанцию с детьми. А вы с ними за руку здороваетесь! — Урывкина произнесла «за руку», а глаза ее округлились так, будто она сказала: «Ударили по лицу!» — Ну ладно, может, и впрямь мир перевернулся— здоровайтесь, как хотите, зовите на «вы», но нас на это не подбивайте! Теперь о вашем самоуправлении. Я согласна: надо развивать. Развивайте, мы вам и слова не скажем, но не до такой же степени! Дети есть дети. Их помани—они, конечно, потянутся. Ну как же — «командиры», «вы»! Но есть особенности возраста, определенный уровень понимания. — Урывкина махнула рукой, мол, бесполезный разговор, и села. Наступила тишина. Было слышно, как за перегородкой, капает вода из плохо закрученного крана. — Ну вот, — я постарался придать голосу спокойный тон, — теперь, наконец, появилась двусторонняя связь. А то беседы наши скорее походили на монологи ведущего. Я говорю, — вы молчите. Нам вместе думать, беседовать, спорить, приходиться к общему знаменателю и снова думать, искать... Людмила Григорьевна высказала общее мнение? Никто не проронил ни «да», ни «нет». Молчали. «Почему? — думал я. — Ведь вижу, что многие не согласны». А

как хотелось, чтобы взорвалась тишина, чтобы сказал кто-нибудь, хотя бы шепотом, головой бы качнул: «Нет». Я медленно обвел лица собравшихся, и вдруг ярко представилась тишина первых минут «беседы» с восьмиклассниками в день моего приезда. То же выжидание и опущенные вниз глаза. Дети! Мы такие же дети. Почему не сесть рядышком и не заговорить своим голосом о том, что мучит нас, что требует решения, о том, как выстроить жизнь, чтобы дышалось и думалось в ней легко, естественно, свободно? Мы либо молчим, либо спорим так, будто идем на эшафот. Надо снять эту напряженность. Это хорошо, что она высказала свое мнение. Начался диалог. Это хорошо. Встретился глазами с Людмилой Григорьевной, ободряюще кивнул ей и сказал для нее, для себя, для всех: — Ничего. Разберемся. Мы продолжим разговор, его нам вести всю жизнь. Важно, что сегодня он начался. Я улыбнулся, и мне показалось, что в глазах учителей—понимание, доброе участие. — Ну, вы и артист! Идете, будто с праздника, — сказал мне художник Николай Николаевич Чернов. — Представляю, что у вас на душе! — Легко у меня на душе! Легко, Николай Николаевич! — улыбнулся я. — Лед тронулся. Чернов пытался уловить в моих словах иронию. Но мне в самом деле было легко. Легко оттого, что взял, как говорят музыканты, верную ноту. Оттого, что стоявший за моими плечами опыт, ободрял: успех там, где высказывают свою точку зрения, спорят, прежде чем принимают решение, и, приняв его, не отступают. — Будете играть в демократию? — усмехнулся Чернов. — А вам не кажется, что ваша позиция загубит дело? — Нет, Николай Николаевич, не кажется. Вот если будем играть в демократию, — загубим все, потому что убьем интерес. В нашем деле без разума, причем, заметьте, творящего разума, не жить. — А вам не кажется, что «совещание», где вы «вместе со всеми» анализируете, планируете, — спектакль одного актера на глазах у публики? Ведь, в конечном счете, мыслите вы, остальные внимают по мере сил. Давайте начистоту. Разве вам не хочется исполнения ваших идей? Дело бы от этого только выиграло. И мы двигались бы семимильными шагами. — Кто это «мы»? — чувствуя, как гаснет настроение, спросил я. — Как кто? Мы—весь коллектив. — Хотите из меня паровоз сделать? Школу—вагоном, а учителей—пассажирами, которые в любой момент могут сойти на очередной станции? Это, по—вашему, коллектив? Николай Николаевич поморщился. — Я за порядок, когда каждый четко знает свое место, свой потолок и не лезет решать мировые проблемы. С кем тут советоваться? Дали указание—и контролируйте неукоснительное исполнение! — А вы страшный человек... — Потому, что я за порядок? — Нет, потому что порядок ваш—синоним насилия. Откуда такая нелюбовь к людям? — Ну зачем же сразу «нелюбовь». Вы, Михаил Петрович, предпочитаете лирические отступления. Честное слово, не мешало бы обогатиться некоторой долей прагматизма. Будем честны друг перед другом: ваш оптимизм по поводу талантов и гениев—разве не тактика руководителя? «Могущество человеческого разума» «возможности развития способностей до уровня таланта» — приятно щекотать честолюбие. Но сами—то вы разве не видите, что это эдакий «город солнца»? Вот я, к примеру, умен от природы. А «глупец останется глупцом, хоть осыпь его звездами». Собеседник говорил язвительно, с заметной долей цинизма, которым мастерски владеют люди компьютерного склада ума. — Не нравится, когда снимают с ваших идей лирические побрякушки?! Вам это не говорят в глаза, а за глаза об этом судят многие. — Николай Николаевич усмехнулся. Губы его в уголках сжались, будто он собирался через секунду освистать меня. — Впрочем, мы отвлеклись... — Нет, это не отвлечение. Вы не верите человеку, не верите в его талант. В этом истоки вашего стремления к жестокости, дисциплине насилия. Я не мог говорить спокойно, как ни старался. Не мог, потому что он не первый ратовал за то, чтобы «прижать», действовать по принципу «не хочешь — заставим?». Меня и до него упрекали в том, что либерализмом своим гублю идею. Но можно ли, думая о всестороннем развитии личности, решать эту задачу кнутом: «Ах, ты не хочешь быть всесторонне развитым, умным, творческим?! — Заставим! Приучим!» Развитие и насилие. Можно ли связать одно с другим? Талант—всегда любовь к жизни, к людям, к Родине, острое чувство собственного достоинства. — Обиделись? — Николай Николаевич изучающе вглядывался в мои глаза. — Обиделся? Нет! Скорее, огорчился. Страшно стало за вас. Вы утопили себя в прагматизме! Вдруг это у вас навсегда?! С чем же вы к детям идете? — А что дети! — он отмахнулся. — Я с ними языком красок говорю. На уроках рисуем. Намекаете, что не подхожу вашей школе?

Уйду хоть завтра! А вы оставайтесь со своими «мыслителями», — художник презрительно кивнул в сторону учительской и пошел. — Михаил Петрович! — позвал кто-то. Обернулся. Навстречу Дубенко. Это о нем Людмила Григорьевна: «...гнать таких». — Что, Вася? — Вы... из-за меня? — Н-нет... — Вам уже, наверное, сказали, что я... Василий смотрит в глаза. Смотрит напряженно. «Что у него творится сейчас в душе! Ну чего же я молчу — Понимаете... — Вася беспомощно подбирает слова, — понимаете... — Знаю, Вася. Знаю, отчего вы сорвались. Не хочется быть отстающим, рвете себя, мечетесь, хотите рывком покончить с путами когда-то непонятого, невыученного. А рывком не выйдет! Но надо держаться. И вы выдержите. Это я точно знаю. Наши глаза встретились. Он хочет знать: верю я ему или «воспитываю»? — Признание придет, — продолжаю я. — Да не смотрите так, — верю! Сам когда-то запустил учебу в пятом-шестом, а потом ох как не просто было подниматься! Перешел на воспоминания, дал ему возможность увидеть, что на самом деле верю. Когда душа человека в смятении, упреки принесут только дополнительные страдания. Здесь важно «войти» в его состояние и осторожно выходить с ним вместе из оцепенения духа, из неверия в свои возможности. Только искренность, бережность и вера помогут. Я видел, как светлело Васино лицо, и видел, что он нарочито сопротивлялся этому усилием воли. Хотелось продлить минуты доброй оценки своих достоинств. Редко приходится парню слышать, в чем его сила, где у него, у Василия Дубенко, хорошо. Разговариваю с Васей и вижу, невдалеке нетерпеливо поглядывает на меня восьмиклассница Света Шептун. Что у нее? Хочет о чем-то спросить, предупредить или посоветоваться? Вася мельком бросил взгляд в ее сторону и сказал: «Ну, я пошел?» — Идите, Вася... С каким чувством он уходит? Вася понимающе произносит: «Нормально». Смотрю ему вслед. Все-таки переживает. Еще бы: какая ноша легла на его плечи! Этому тринадцатилетнему пареньку, делающему робкие шаги себе навстречу, нужны силы, чтобы выстоять. С первых классов неудачи в учебе, срывы, ярлык отстающего сделали его «трудным». Подходит Света. — Поговорите с Маловым, — без всяких вступлений произносит она. — Он какой-то раздражительный. Я пыталась сама, но вы же знаете Малова... — Вам известна причина? Отрицательно качает головой. Потом, словно размышляя вслух, произносит: — Может... с Ирой что? — А как Ирина? — Да Ира вроде бы внешне ничего. Но тоже, по-моему, взвинченная. Смотрю на умное, сосредоточенное лицо девушки и радуюсь: «Хорошо, Света, хорошо, что вы такая». — А вы мрачный. Неприятности? — Да, поспорили с Николаем Николаевичем. Но уже легче. — Я решила поступать в педагогический, — тряхнула упрямо головой. — Или не потяну? — Вы? Конечно, потянете. — Без промедления отвечаю и вижу, как засияло радостью ее лицо. Звонок. Света бросает на ходу: «Так не забудьте про Малова» — и бежит в класс. Беспорядочный перестук шагов, всплески разноголосицы. По коридору идут ребята. Через минуту школа притихнет, но тишина эта обманчива. Там, за дверями классов, надвигаются мгновения испытаний младших и старших. Кому-то станет радостно, у кого-то опустятся плечи... Смотрю на идущих, и сердце сжимается в необъяснимой тоске. Отчего она? Оттого, что не увидел? Или не успел? От сознания невозможности быть всюду? Вспомнился неприятный разговор. Как он сказал? «Пусть каждый знает свой «потолок»». Нет, не согласен. Жизнь человека не укладывается в инструкции и приказы. «А вдруг уйдет? — похолодело внутри. — Кто же вести уроки будет?» И тут же еще более тревожная мысль: «А если останется?» Представил лицо, искаженное презрением. Представил, как «приказываю» ему помочь Дубенко понять себя или как, действуя в соответствии с моими «указаниями», он «беседует» с Маловым. «Может быть, это наносное, не его сущность? Иначе жалеть нечего — пусть уходит, — подумал решительно. — Рисованию он, может быть, и научит, духовности — никогда. А нам надо, чтобы у каждого Леонардо был... в сердце». Мимо прошел Дубенко, кивнул мне, взгляд открытый, доверчивый. «Вы их выдумываете», — вспомнил слова Людмилы Григорьевны. А Света Шептун? Ведь не случайно она подошла ко мне. Она же меня настраивала на работу? И фраза ее об институте. Неожиданная веселость в конце разговора. Она переводила меня из круга неприятностей в русло новых забот. Вспомнил, что она не сразу спросила о неприятностях, а только когда увидела, что я говорю с ней в новом настроении. Ах, Шептун-Шептун? Нет, Людмила Григорьевна, это мы через шоры «взрослости» не видим богатства юной души и своей пренебрежительной

снисходительностью программируем, насаждаем в нее жалкое кривляние детскости, растим мелкий умишко. Пусть я ошибаюсь, выдумываю, преувеличиваю, но мои «преувеличения» — зов к высоте, предвосхищение их «я» в завтра. А ваше «правдивое» разоблачение ребят—подчеркивание в них серости, пути духовности. И в этом—трагизм их общения с вами. Однажды после моего выступления в Доме вожатых Всероссийского пионерского лагеря «Орленок» ко мне обратились с вопросом: «Какое из свойств личности или какая способность, без которой учитель не может успешно работать с ребятами, наиболее трудно достижимы?» В голове мгновенно пронесся целый ряд безусловно необходимого и «трудно достижимого», но выплеснулась наверх способность, которую я назвал «тонкость мировидения». Поясню, как я это понимаю. Мысленно пройдем по школьному коридору. Перемена... Видите вон того высокого парня у окна? Ему больно... У него плачет... спина. Подойти или оставить одного? Поддержать сию минуту или лучше сделать вид, что не заметили его состояния? А вот его товарищ, Саша... — Здравствуйте, Саша! Что с Олегом? Не знаете? А на уроке? Нормально, говорите?! Вы подошли бы к нему, а там видно будет... Саша качнулся было к Олегу, потом приостановился и, наконец, решительно двинулся к другу... — Здравствуйте, Таня! — Здравствуйте! — У вас неприятность. Нужна помощь? — Не надо, я сама. А здесь — смотрите! Несется солнце! Четкое стакато каблучков словно выбивает искры! Перезвон света в задиристых белых кудряшках сливается с музыкой серых глаз. — Здравствуйте! — обдала радостью и пронеслась дальше, щедро расплескивая ее по пути всем: хмурым, веселым, грустным. Сколько здоровья, силы, энергии! Молодец, Валентина! Э, да она не одна! Света, Галя, Федя, Вася, Ира... Ясно! Комитет... Комсомол таким и должен быть: оптимистичным, крепким, мажорным! А вот тут тоска... — Катя, здравствуйте! — Здрасте... — нехотя и высокомерно. Да, опять, наверное, поссорилась с кем-то. Что с ней делать?! Обидчивая неимоверно! У Олега боль-горечь, а у Кати боль-вызов: «Не нуждаюсь я в вас!» Вот и командир ее бригады. — Сережа! Вы не скажете, что с Катей? Она с кем-то в ссоре? , — Да нет! Опоздала вчера на работу. Вот ей и досталось. А причина опоздания? Не знаете?! Как же это вы, Сережа? Слышите? Опять чей-то тревожный шаг... Кто это? Щеки бледные... в глазах укор и боль. Как меняется человек. Смотришь в такие моменты и не узнаешь. Не зря говорят: «Что с вами? На вас лица нет?» Это Витя. Ему двенадцать. В доме ежедневные скандалы, побои, материнский плач. Отец — пропойца и дебошир. Сердце у парня слабенькое... Но что это? За дверь учительской «рычит» зычный мужской голос: — Бессовестная? Чтобы завтра были родители? Не надо мне рассказывать? Я знать не хочу? Пиши? Захожу. Пунцовый от гнева преподаватель возвышается над столом в позе обвинителя. Напротив, непривычно сгорбившись, Ира Гончарова. Гончарова Ирина?? Удивительно чуткая к состоянию другого, честная, волевая и сильная натура. Глаза большущие, смотрят открыто и доверчиво. А в этой открытости отвага: «Все равно я верю, — мир прекрасен? И вы, кто на меня смотрит, красивы?» Быстрая на подъем, Ира отвечает за шефскую работу комитета комсомола школы. Вчера вместе с пионерами сажала картофель на огородах инвалидов Отечественной войны, одиноких стариков. А сегодня утром я видел, как старушка угощала Иру и ее ребят оладьями... — Зачем вы, бабушка? Мы же не ради... — смущалась Ира. — Не обижай, внученька? Дай бог тебе здоровья? Деткам твоим спасибо. Что бы я делала. Одна я... — старушка заплакала и сквозь слезы: «Нечем мне вас отблагодарить. Не обижайте? Поешьте, прямо с пару...» Ира взяла узелок из дрожащих старческих рук, стала сама угощать ребят: «Ешьте, ешьте, пока горяченькие», — приговаривала и вдруг заплакала. Из каких тайников души возникло сострадание? Как она почувствовала боль немощного человека, его тоску по молодости? И вот через час, закусив бледные губы, на тетрадном листке выводит: «Я, Гончарова Ирина, объясняю, что не выучила §43, потому что не смогла правильно организовать...» Я взглянул на преподавателя и сказал Ире: — Оставьте нас, пожалуйста. Идите, прошу вас? Девочка вышла. Едва сдерживаясь, чтобы вот так же, как он, не перейти на крик, не наговорить лишнего, я выдавил из себя: — Зачем же вы так?! — Это же... Гончарова. Как вы могли выговорить ей: бессовестная. Эта хрупкая девочка посадила вчера старикам пять огородов картофеля? Вы, здоровый, крепкий мужчина, видимо, и не подумали помочь им. И она вас не упрекнула... «Параграф 43?..» Минута школьной перемены, а

сколько маленьких набросков—сюжетов!.. Не пропусти, учитель, эти мгновения. Держи в своих руках связи—нити, соединяющие тебя с учениками. Подвижные, неугомонные, они чего—то добиваются, что—то ищут, очаровываются и разочаровываются. Попробуй, уследи за постоянно меняющейся гаммой их чувств, настроений, мыслей... Но чем больше мы видим и понимаем, тем богаче наш педагогический арсенал, тем тоньше воздействуем на рост их души. Духовность развивается в «неспешном общении», заметил Виктор Астафьев. Неспешное, т. е. предельно внимательное, всматривание в мир человека, проникновение в суть сказанного им, в интонационный строй его речи, в симфонию его движений. А глаза ребенка! Сколько в них можно прочесть чувств, состояний и переживаний, мотивов тех или иных поступков. Не спеши, учитель. Скорочтение твое равносильно легкомыслию и профессиональной некомпетентности. Неспешность общения исключает равнодушие. Она требует от учителя смотреть активно, слушать активно, думать активно, действовать активно и побуждает к тому же учеников. Учитель — в центре бурлящей страстями жизни юных. Каждое мгновение появляются или рвутся нити—связи между ними, все сложнее и богаче кружево привязанностей и антипатий. И нам дано быть творцами—художниками, создающими красоту их отношений—друг к другу, к людям, жизни. Именно неспешное общение рождает тонкость мировидения. А для этого нужно, чтобы зрячим было наше сердце, главный педагогический инструмент учителя. Инструмент познания самого себя, жизни, души ребенка. Жизнь—бесконечное познание. Возьми свой посох и иди... И я иду... И впереди— Пустыня, ночь и звезд мерцанье...

(М. Волошин) УРОКИ НЕСПЕШНОГО ОБЩЕНИЯ Когда я пишу эти строки, за окном идет снег... Белые пушистые звездочки, обняв друг друга, плывут в мглистых волнах пространства, медленно опускаются на землю. И я вспоминаю... Стою у окна в школьном коридоре. В сгущающихся сумерках зимнего вечера надрывно и тяжело стонет вьюга. Мне кажется, что это во мне стонет что—то одинокое, уставшее, обиженное. Сегодня уехали два очень нужных школе специалиста—художник и балетмейстер. Кто будет вести уроки? Третий год пытаемся начать реализацию программы эксперимента в полном объеме, и третий год не удается. В отличие от Ясных Зорь в Зыбкове экспериментальными стали сразу все классы: с первого по десятый. Кадры—один из важнейших вопросов, от решения которых зависит успех, — для нас постоянный камень преткновения. Уход же учителя в середине года равносильно провалу: заменить его некем. А тут сразу двое. «...Из—за неудовлетворительных жилищно—бытовых условий, — написали в заявлении ушедшие. Была в этом правда, была... Не смогли мы обеспечить их квартирами. Были трудности и в снабжении продуктами питания. Сельского жителя кормит земля, его приусадебное хозяйство. Поэтому местный магазин торговал чаще всего тем, что не производилось самими зыбковчанами. «Отделы» зыбковского «гастронома» для приезжих педагогов не имели стен, их нередко надо было искать на разных улицах, у разных хозяев, в колхозной кладовой или выезжать в районный центр, ехать за пятьдесят километров в Кременчуг. Выходцы из села приспособлялись быстро, обзаводясь собственным хозяйством. А городские входили в новое свое экономическое положение болезненно, с трудом осваивая азы сельского уклада. Уехавшие— городские... Но была и другая, может быть, самая главная причина их ухода из школы. Не поверили... Не поверили в перспективность нового дела, не увидели будущего в затратах своего труда. — Не верю я в это—так и сказал перед отъездом художник Чернов. — Дело гиблое! Не зря мы говорим: «Алло, мы ищем таланты?» Ищем как редкость, как случай! А тем, о ком вы печетесь, — все равно какая школа. Для них—лишь бы она скорее кончилась, да вырваться бы из этого села. Что я, например, здесь увидел? Грязь, лай собак, коровы да мужицкую грубость—вот и все впечатления, если не считать вашу наивность. Окружили себя выдуманном миром. — Художник помолчал, ожидая реакции на сказанное, «а затем вдруг спросил: — Вы хоть сами—то понимаете, что вы неудачник? Может быть, фантазии вокруг «духовных богатств» ребенка—это самозащита? Я молчал. Ни спорить, ни убеждать его мне не хотелось. О чем говорить, если у ног стоял чемодан. К тому же я понимал, что Николаю Николаевичу не нужны были мои слова. Ему надо было выговориться, оправдать перед самим собой свой поступок... — Снежинки бились о стекло, беспомощно соскальзывали вниз и тут же исчезали в

бездонной холодной темени. Сейчас придут директор школы (к этому времени им стал Н. В. Кожухарь) и его заместители. Будем думать, уже в который раз, как выйти из создавшегося положения. Директора ждем из Кировограда. Там должна была состояться встреча с семьей учителей (он художник, она балетмейстер), которые вроде бы согласились приехать к нам на работу. Это не первая поездка по кадровым делам. Предыдущие были безуспешны. С чем он приедет сегодня? Щелкнул выключатель, коридор мгновенно залило ослепительным светом. — Добрый вечер, Михаил Петрович! — радостным хором вместе со светом выплеснулось в коридор. Обернулся. Ребят казалось особенно много от того, что они словно родились светом, заполняя вместе с ним все пространство. Ко мне шагнула Ира Малетина, секретарь комсомольской организации школы, и без всяких объяснений сообщила: «Через три минуты у нас расширенное заседание комитета... Просим вас принять участие». — Комитет? Почему сейчас, в субботу? — Повестка дня: «Как быть в сложившейся ситуации», — словно читая мои мысли, сказала Ира. — С-ситуации? — Мы будем говорить о том, о чем вы здесь думали в одиночестве. Или вы не хотите думать с комитетом? — Почему не хочу?! — Тогда идемте с нами! Говорят, что жизнь есть непрекращающаяся цепь начал. Видимо, это так. Во всяком случае, в тот вечер это утверждение для меня наполнилось реальностью. «Золотые люди, настоящие товарищи... — думал я, пока мы раздвигали столы, ставили большим кругом стулья, «чтобы глаза в глаза». — Сколько бы мы уже сделали, если бы не срывалась программа эксперимента, если бы так не затянулся подготовительный период!..» Я оценил желание ребят быть рядом, но не предполагал, насколько обижал их внутренним своим настроем: «А чем вы можете помочь?» Ожидая появления директора, посматривал на дверь, рассеянно слушал выступающих, но вдруг словно проснулся: говорили не дети, а взрослые, рассудительные люди. С изумлением я ловил каждое их слово. — Мы неправильно ведем себя с новыми учителями. Видим, как трудно им вживаться в сельскую жизнь, проходим мимо, да еще и посмеиваемся: «Смотрите, он пилу не умеет держать?» — это Люлин Сергей, оставшийся после десятого класса рабочим-наставником в цехе сборки микрокалькуляторов. — Помнишь, Володя, — обратился он к Стрельцову, — как мы вместе с тобой в кругу хлопцев слушали «разговорчики» разные о Николае Николаевиче? И ни ты, ни я не вмешались, не остановили. А теперь руками разводим: что делать? Ему нужна была поддержка. Надо было помочь ему разобраться, что мы от него хотим, объяснить самих себя... — Попробовал бы ты к нему подойти? — возразила Катя Хрущева. — Я один раз подошла, так он мне ответил? — Учителя нас с сосками видят. Ох, и не любят они, если им замечание сделаешь? Я тоже посоветовал Ивану Степановичу, чтобы он спокойнее, без крика общался с нами. Мешает же этим криком себе? — усмехнулся Стрельцов. — Иван Степанович смерил меня таким взглядом, аж похолодело внутри... А вечером я уже отцу объяснял при Иване Степановиче, что имел в виду. Ох, и долго объяснял? С тех пор, думаю, хватит советовать. Открылась дверь, на пороге показались Ангелина Иосифовна Матченко и Ольга Андреевна Удод, заместители директора. Проходите... — пригласила их Малетина. Круг раздвинулся. Слово взяла Оксана Матченко, председатель совета дружины. — Мы относимся к учителям с большей требовательностью, чем к самим себе. Они нам наши срывы прощают чаще. Разве это справедливо? Прежде чем делать учителю замечание, надо поставить себя так, чтобы он принял твоё слово как само собой разумеющееся. — Как это «поставить себя»? — Поведением своим... — Ты хочешь сказать, что я себя вела плохо с Николаем Николаевичем? — обиделась Катя Хрущева. — Я не тебя имела в виду. — А кого? Меня? — с улыбкой спросил Стрельцов. — Что вы сразу на себя переводите? — Оксана правильно говорит... А то, что было с Катей и Вовкой, — результат давно сложившейся дистанции между учителями и учениками. И раз мы хотим новых отношений, надо запастись терпением... — Ну, ты научишь? Терпением только в церкви можно авторитет завоевать? — Я про другое терпение, про активное... Меня человеком делали, знаешь, с каким терпением? — Вася Кораблев обернулся ко мне за поддержкой. В его глазах вопрос: «Правильно говорю?» — Учиться нам надо разговаривать... — подытожила задумчиво Никиташева Света. — И не только с учителями. Друг с другом, с родителями. Не всегда мы умеем сказать так, чтобы не обидеть. Я по себе сужу. Когда мне делают замечание равнодушно, как само собой разумеющееся, мне обидно. Хотя вроде бы и понимаешь, что говорят—то правильно. А

протестует что-то внутри. Но если чувствуешь, что человек говорит о твоём и с тобой переживает, что ему больно за тебя, не обижаешься, наоборот, хочется исправиться! — А почему мы говорим о замечаниях? Разве это единственный способ общения с учителем? — заговорила Ира Гаврилова. — По-моему, важнее подсказать, где у него получается. Как у нас «огоньки» в бригадах проходят? Михаил Петрович! Почему вы молчите? Вы же нам на кафедре педагогики что говорите? Искать в человеке положительное. Разве учитель не нуждается в том, чтобы мы помогли ему себя со стороны увидеть? Мы-то его видим чаще вас! А как прошел урок, разве не надо у нас спросить? — Вот теперь дайте мне слово, — поднял руку командир производственного объединения Федя Кораблев. — Ирина и мое мнение высказала. А то, думаю, куда-то нас не туда несет. Замечания, советы одного человека многое не изменят. Насчет «огоньков» в бригадах Ира говорит правильно. Там мы анализируем прожитый день, отмечаем, кто как работал, как себя вел с товарищами. А почему такие же коллективные анализы, где каждый мог бы высказать свое мнение и о себе, и о других, и о самом уроке, о работе учителя, нам не проводить после урока? Учебная работа идет у нас без коллективного анализа. Мне кажется, это неправильно. — Федя! А где взять время? — спросил кто-то. «Вот именно, — подумал я, — где? Боремся за каждую секунду. Но Федя и Ира правы — нам нужны коллективные анализы учебы». — Ольга Андреевна? Михаил Петрович! Ангелина Иосифовна? Ждем? Мы думали, у вас готовое предложение... — разочарованно протянула Малетина, видя, что мы молчим. — Так что же, идея анализа не вписывается в наш режим? Жаль... Ира смотрела в мою сторону; видимо, чувствовала, что меня так и подмывает что-то сказать. Но Ангелина Иосифовна опередила.

— Наше предложение: вопрос о систематическом коллективном анализе учебной деятельности вынести на педсовет. Мы его вместе обсудим. В общем, — продолжала она, — мы «за», но ваша идея вызывает к жизни еще одну. И ее тоже надо тщательно обсудить. — Но мы не закончили. Дело в том, — опять начала Ира, — что это второе заседание. Мы уже собирались... — Ир, не тяни, — подбодрили ее ребята. — Мы предлагаем уроки изобразительного искусства дать Шептун, а хореографию—Кучеренко. А то опять кого-нибудь в середине года возьмем впопыхах. Света и Валя справятся? А пока они работают, можно спокойно искать замену. «Как же мы раньше не подумали об этом?» — мысленно отметил я. — Светлана была организатором и ведущим исполнителем художественного оформления второго этажа, вся роспись пола, стен—ее с ребятами работа, — секретарь говорила уже спокойнее, четко аргументировала предложение комитета комсомола. — Валя Кучеренко—солистка танцевального ансамбля «Росинка», его директор. Обе они с людьми работать умеют. Ну что еще... скромные, хорошие девчонки. Да вы же их сами знаете? Уроки они уже вели. Кафедры им помогут. — Ну что? — с едва скрываемым внутренним восторгом спросила у меня Ангелина Иосифовна. — У меня сомнений нет. — И я так считаю. Вот только Николай Васильевич... — Я за? — вырос на пороге Николай Васильевич Кожухарь. Его появление внесло веселое оживление в наш круг. Напряженность уступила место той уверенной бодрости, которая приходит как награда за трудную, очень важную работу. — А я не хотел прерывать Иру, — улыбаясь, признался он. — Думаю, будет пауза—зайду. Так что невольно подслушивал. Я — «за»? — повторил опять. — И чего только в Кировоград ездил? А ездил, кстати, без толку. Далеко, говорят, от города, и заработок не устраивает. Он махнул рукой, словно отталкивая неприятный образ, и уже подчеркнуто серьезно, почти торжественно произнес: — А придумали вы здорово? Это—выход? Но точку здесь я не ставлю. У того зимнего вечера был грустный эпилог. Когда мы шли веселой и шумной гурьбой из школы, я заметил, что Ира была какой-то подавленной. Это никак не гармонировало с тем, что окружало нас. Вверху большим лучащимся шаром висела луна. Облитый ее магическим светом снег лежал под ногами бугристой белой скатертью, сверкал серебристым великолепием, ворчливо поскрипывая в такт шагам. Было свежо, прохладно и празднично. — Вы чем-то расстроены, Ира? — спросил я, когда мы чуть поотстали от шумной компании. — А вам весело? — Ну не весело, положим, а хорошо, радостно. Что вас огорчает? — Вы... — Я? — Да, вы. Вы тоже нам не до конца верите. Я едва не задохнулся от удивления. — Как вы к этому могли прийти?! — Наблюдала за выражением вашего лица. Вы

нас усиленно поощряли, восхищались. Слушали с умилением. Как же—деточки, оказывается, мыслят и могут говорить дельно! А мне ваше восхищение... — Ира остановилась, подняла на меня глаза. А в глазах столько горечи, укора, что все мои слова, которые я приготовил, пропали, потеряв и вес, и смысл. Ирина не смотрела, всматривалась в меня так, будто хотела достать самое дно моего «я». — Неужели вы тоже из диспетчеров? — Каких диспетчеров? — Взрослости нашей, — вздохнула она. — Захотел—включил: пусть побалуется, поуправляют собой, нами. Захотел—выключил. Удобно, правда? А взрослость—это что, образование, возраст? — Ира... — Не надо, Михаил Петрович, ничего говорить. Вы лучше подумайте. Вам верят. А сегодня не лучший ваш вечер. Не обижайтесь. Вы бы не спросили—я бы не ответила. Хотя рано или поздно надо было вам сказать. Ну, я пошла, — она опять вздохнула и зашагала к ожидающим ее ребятам. Ну и вечер!.. После первых попыток оправдаться перед Ириной и перед собой я все больше убеждался: она права. И от сознания ее правоты что-то сдавливало грудь, хотелось вырвать из себя то самое «нечто», которое удивлялось и восхищалось... В этом удивлении как раз и прочла о себе Ира: «Вот вы, оказывается, на что способны! Ай да ребята! Ай да молодцы!» Удивляются тому, чего не ждали. То же умиление было во взглядах Ангелины Иосифовны и Ольги Андреевны. И я вспомнил слова учеников о терпении. Не подсказали ли мы саму мысль о терпеливом переубеждении учителя своей реакцией на происходящее? А вдруг так и не сможем подняться до действительной веры, когда ожидание поведения наших юных товарищей будет адекватно их реальным потенциалам?! Обидно и больно стало и за себя, и за ребят. Сколько же нам надо взаимного терпения друг к другу, чтобы старшим не унижаться до снисходительности, а младшим не проявлять показной, нарочитой независимости. Как же нас давит многовековой стереотип отношений старших и младших! Мало сказать, мало подумать о необходимости веры в силы ребенка, о необходимости разговора с ним «на равных», мало, очень мало. Нужно шаг за шагом, ломая перегородки штампов, идти к высоте равенства с детьми. И только тогда начнется мучительно трудное, но крайне важное умение смотреть в глаза ребят не сверху, а прямо. Вспомнил вопрос Ольги Андреевны: «Это вы их собрали?» И еще раз увидел недоверчиво-ироническое выражение ее лица, когда ответил: «Нет!» Она наверняка ушла домой, полагая, что комитет и его решение моих рук дело. Недостает нам пока действительной веры в ученика. Мы сами, будучи детьми, прошли эту школу искаженных, как в кривом зеркале, отношений взрослого и ребенка. Внушаем из поколения в поколение: старших надо уважать? А верно ли так упрощенно, от календаря распределять достоинства людей? Ира правильно подметила: взрослость—синоним духовности, ответственности. Не годы нужно уважать, а мудрость, силу духа, независимо от возраста. «Скоро тебе сорок, — вел я с собой мысленный разговор, — а ты все еще осваиваешь азы человеческих отношений. Надо спешить. Не заметишь, как пробьет последний час твоей жизни. О чем подумаешь тогда? Вдруг увидишь глаза детей и прочтешь в них немой укор: «Ничего ты в нас не понял, потому что не хватило у тебя мужества поверить до конца». «Предполагай в ученике достоинства до того, как они проявятся, уважай в нем личность и общайся с ним на равных», — записал эти слова в дневник, и стало легче. Завтра в школу пойду чуть более зрячим. Светлана Шептун и Валя Кучеренко работали в должности педагогов около месяца, ровно столько, сколько потребовали обстоятельства. Хорошо работали. Но не об этом речь. Важно другое. Решение комитета комсомола стало началом реального, осознанного и действенного сотрудничества учителей и учеников в нашей школе, убедило всех в том, что развитие самоуправления, инициативы каждого—единственно возможный путь совершенствования жизни коллектива, укрепления здоровых отношений между педагогами и учащимися, активное средство воспитания ответственности, гражданской позиции. Но решительные шаги к открытому диалогу с учеником, педагогике сотрудничества поставили перед нами проблему всестороннего развития, самосовершенствования учителя. И вновь завьюжило в школе... — А зачем мне ваша многогранность? Хороший учитель учит тому, что знает сам. Разве этого детям недостаточно? Такие примерно фразы звучали часто в стенах школы. Неприятие высоты, нежелание или боязнь попробовать себя у иных прикрывалось теоретизированием о пресловутой «золотой» середине, признанием ее нормой жизни. Все, что выше, называлось «завихрением», «из ряда вон», «не от мира сего»,

объявлялось противоречащим здравому смыслу. И с этой скрытой позицией бороться было труднее всего. Но жизнь рано или поздно потребует перестройки от каждого, ибо реформа школы начинается прежде всего с преобразования психологии учителя.

ДВЕ ПОЛЯРНОСТИ Проблема отношений, общения, взаимопонимания—одна из главных в педагогике. Марксистское понимание личности предполагает человеческое отношение к другому, ко всем людям, к их делам, мыслям, чувствам и потребностям. Подлинное общение невозможно с позиции силы, волюнтаризма, авторитарности. Школа должна воспитывать у своих учеников бережное, гуманное отношение к людям и созданному их трудом, к матери живого — природе. Школа—это ее порядки, режим, система обучения, и, прежде всего, учителя. Каждый из них, ведя свою мелодию, должен уметь слышать, насколько она созвучна другим, чтобы весь ансамбль исполнял одну симфонию. Успех эксперимента невозможен без сплочения коллектива, объединения усилий педагогов и школьников. Я это хорошо понимал. В этом меня поддерживал и актив учителей, которые, поверив в жизненность идеи эксперимента, помогали увлечь ею других. За лето 1980 года мы сумели сплотить наиболее активных ребят старших классов, они стали самыми горячими участниками борьбы за новую школу. Кое-кто из педагогов, в особенности авторитарного склада, воспринял самостоятельность этих ребят, их бьющую через край инициативу как угрозу своему привычному статусу командующих. Они увидели в демократичном стиле отношений с ребятами поспрашивание устоявшегося порядка, крах дисциплины и попытались настроиться против эксперимента родителей учеников, что, конечно же, ослабляло наши позиции. Социально-психологический климат села Зыбкова сложен. В течение почти двух веков оно было расколото на «своих» и «чужих». «Свои» — представители староверческой общины, последователи «старой веры», «чужие»— все остальные. Это наложило отпечаток на характер жителей, их образ жизни, отношение ко всякого рода новациям вообще. Знакомясь со старыми людьми, я был поражен их замкнутостью, нежеланием контакта. Замечу еще, что до самого последнего времени в Зыбкове, как ни в одном другом селе области, остро стояла проблема алкоголизма. Противостоять негативному воздействию среды на личность детей школе было нелегко. Выстоим ли? Победим? Вопросы эти здесь были намного острее, чем когда-то в Ясных Зорях. Там было налаженное, крепкое хозяйство, новый с иголочки поселок. И кажется, даже место его расположения на оживленной трассе Белгород—Харьков подчеркивало устремленность вперед. Здесь, напротив, глубинка, разлаженное, задолжавшее государству колхозное хозяйство. Эти обстоятельства осложняли проведение эксперимента. Но уж если в таких условиях мы добьемся успеха, то более неопровержимое доказательство в пользу принципиально новой организации школы трудно представить. Мы понимали, что без помощи родителей школе не справиться. Надо было, во что бы то ни стало привлечь их на свою сторону, разрушить стену отчуждения и недоверия. Главным аргументом могли быть не словесные призывы к новому, более чуткому, более глубокому отношению к миру ребенка, к миру человека вообще, а наглядный показ преимуществ таких отношений, практические результаты. В ученической среде уже действовал, ошибаясь, путаясь, но действовал актив ребят, хоть и медленно, но все более увеличиваясь. А педагоги в основном выжидали. Почему? Ведь без всеобщего обсуждения и согласия не осуществлялось ни одно изменение в жизни школы. В июне за два с лишним месяца до учебного года педагогический коллектив сам принял решение о начале эксперимента. Но шли месяцы, а большинство учителей оставались пассивными, ничего не меняя в своей работе, дожидаясь указаний и распоряжений. Проголосовав за какое-либо дело, потом недовольно ворчали: «Напридумали на нашу голову...» Не «мы решили», не «мы придумали», а «кто-то». Иногда даже слышалось: «А вот в прошлые годы...», «мы раньше», «у нас было...». Неужели мечтали о прежнем? Провели опрос. Нет, оказывается, все хотят продолжения эксперимента, поддерживают его основные идеи. В чем же дело? Со временем я понял. Есть такое выражение: торопись не спеша. Мы же слишком спешили. — Учителя не успевали перестраиваться. На педсоветах учителя поддерживали меня, но проходили дни, и они остывали, не желая или не умея проявлять инициативу, чтобы реализовать принятое совместно решение. — Мы не против, но как это сделать практически? — спрашивали с

беспокойством. Я либо показывал сам, либо приглашал специалистов. Как работать с ученическим коллективом? — посмотрите. Как эффективнее провести урок? — посмотрите. Все чаще сыпались обращения: «А как здесь сделать, посоветуйте...» Казалось бы, чего желать руководителю? Но чем больше я «горел», бросая себя во все точки, тем больше... гасли глаза учителей. Мне казалось, мало доводов, мало практических примеров, и я добывал их, демонстрировал, объяснял. Уходя в школу к семи утра, домой возвращался к одиннадцати ночи и падал от усталости. А мои коллеги, видя, что у меня получается лучше, чем у них, подбрасывали мне все больше и больше своей работы, предпочитая оставаться в стороне. Так парализовалась коллективная мысль, и незаметно вместо атмосферы сотрудничества в школе фактически воцарился авторитарный стиль руководства. Кроме того, сосредоточив усилия на разъяснении преимуществ нового, я допустил еще одну ошибку: получилось так, что наработанный годами опыт каждого из учителей стал как бы бесполезным. «Старое забудьте?» — звучало в подтексте моих выступлений. Кто же из уважающих себя людей, с чувством собственного достоинства мог отказаться от хорошего только потому, что оно «старое»? А ведь многое из этого «старого» отвечало идеям эксперимента. Стиль руководства был демократическим лишь по форме, для сотрудничества не хватало внимания к крупным лучшим в багаже каждого педагога. Прививать новое надо было к реальному опыту, к его плодоносящим ветвям. Отстраненность, а точнее, недостаточная активность и это «напридумали» были неосознанным протестом не против нового, а против его искусственного насаждения, отрицания всего созданного и добытого прежде. В человеке уживаются две полярности. Первая открыта сомнению, готова отказаться от приобретенного, жаждет новых впечатлений. Ее можно назвать поисковой активностью. Вторая, напротив, бережно отбирает и сохраняет из бесчисленного количества вариантов действий, способов жить вообще и жить среди людей наиболее пригодные, ценные. Обе полярности взаимозависимы и взаимодополняемы. Первая, разрывая цепи второй, толкает нас к исследованию, новаторству. И мы рискуем, пробуем, отвергаем, находим. Вторая, озабоченная сохранением наиболее существенного из опыта, учит нас строгости и придиристичности, заставляет действовать по принципу: «Сто раз отмерь — один отрежь», не спешить расставаться с проверенным и благоприобретенным. Тому, кто увидел новое, надо быть готовым, что другими оно может восприниматься как несостоятельное. Стремясь немедленно передать новшество всем, мы и не подозреваем, что такая торопливость только вредит делу. Мы же часто подобны путешественнику: увидев прекрасный пейзаж, нетерпеливо вырываем руль у водителя машины, несущейся с огромной скоростью по накатанной дороге совсем в другую сторону. «Тот, кто поспешает, так же опаздывает, как и тот, кто медлит», — предупреждал еще Шекспир. Действовать немедленно, но не спеша — вот чему надо учиться тем, кто внедряет новое. И в этом «не спеша» заключено бережное отношение к другому. «Не спеша» — это знание и уважение опыта тех, с кем думаешь творить, кому хочешь показать «прекрасный невиданный пейзаж». Коллективу, внедряющему новую идею, нужен лишенный какого бы то ни было давления стиль отношений. Какой бы продуманной, обоснованной и доказанной практически ни была предлагаемая технология, ни в коем случае в оценке деятельности учителя нельзя исходить из того, «по-старому» или «по-новому» он работает. Важны эффективность его труда и затраченные усилия. Необходимы также совместный поиск слабых мест в «старой» системе работы; постепенная замена слабого звена сильным; подготовка разочаровавшихся в прежней методике педагогов к более эффективной экспериментальной; сравнительный анализ успехов и неудач; наконец, совместное планирование следующего этапа поиска с учетом результатов предыдущего. Только постепенно затормаживая налаженное движение по «старой» дороге, можно готовиться к повороту, искать оптимальное ускорение. В Зыбкове я понял, почему так сложно идут педагогические эксперименты, почему так типична судьба ищущего учителя. Педагоги, как никто другой, годами приобретая опыт, свои представления о жизни, невольно идеализируют их и крайне болезненно реагируют на любую ревизию. Не случайно профессиональная болезнь многих учителей — неумение, я бы даже сказал, неспособность слышать другого. Это абсолютизирование себя — одна из причин разобщения с учениками и друг с другом. | Естественные отношения с детьми и коллегами, здоровое видение жизни

заказывают педагогу мнить себя совершенным. Нам нельзя быть только командующими, только управляющими, если не хотим остановиться в собственном духовном росте. Надо периодически уходить с капитанского мостика в матросы, вновь становиться учениками. До тех пор пока в школьном коллективе есть только капитаны и только матросы, и дети, и учителя и руководители школ любого ранга будут глухи к самому дорогому—человеческой мысли.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ГИПОТЕЗЕ. С тех пор как впервые взволновала меня проблема таланта, прошло более двадцати лет. И можно, не опасаясь преувеличений, сказать: не было дня, чтобы не думал о ней. Чем объяснить неожиданный взлет таланта у одного и безуспешность усилий другого? Где пределы человеческих возможностей? Есть ли катализаторы талантливости? Эти вопросы с утра вставали со мной и преследовали всюду, где бы ни был. А иной раз врывались и в сон. Казалось ответ где-то совсем рядом, вот сейчас, ухватившись за спасительную нить, вытяну его, но проходили дни, потом годы. «Найденное» обнажало свою мнимость. И возникла мысль: а что если посмотреть на нашу сущность иначе? По-другому взглянуть на наше тело, мозг? Представить их как одно целое? Очень красивое слово: разум. В нем слышатся два

: раз и

ум. Единый ум. Множество сведений, «слепков действительности» разом соединены в совокупное во взаимосвязи и отличии составляющих. Написал я «тело», и вспомнилось, как однажды, после ученого совета, где слушали вопрос о нашей работе, подошел ко мне солидный ученый и сказал: «Что вы носите с этим «телом»? Чистая биология! Старо все это, старо. И сплошные дебри — не выпутаетесь. Занимайтесь—ка лучше чистой педагогией». Но можно ли вести обучение, воспитание без учета того, как они воспринимаются ребенком? Ведь принимает или отталкивает то, что мы даем, не «нечто» с именем «ребенок», а живой человек, который дышит, двигается, чувствует, анализирует, обобщает, т.е. мыслит. Он — целостная биосистема, и недогрузка тех или иных ее структур приводит к снижению активности думающего «я». Философия, психология, социология и другие науки дают новые и новые данные о человеке. А мы подчас ограничиваем круг поисков. Сегодня успехи в педагогике невозможны без осмысления истоков развития самой жизни, синтезирования всех знаний о человеке. Эксперимент наш продолжается, в нем многое еще предстоит проверить. Однако пройденный путь, победы и поражения дают основание утверждать: в создании условий для своевременного развития всех внутренних сил ребенка, всех его задатков, заключается разгадка таланта. Поиски путей интенсификации учебного процесса, в частности короткий урок и ежедневный тренаж ведущих органов восприятия в разнообразных видах деятельности, направлены на то, чтобы выявить потенциальные возможности и способности каждого ребенка и обеспечить необходимое время для их становления и максимальной реализации. Не случайно В. Г. Афанасьев, обсуждая задачи нынешней реформы народного образования, отмечал: «Если сказать коротко, то речь идет об интенсификации, о коренном качественном улучшении образования и обучения. Словом, о «прессовании времени» обучения, о том, чтобы за тот же или меньший отрезок времени дать юношам и девушкам не просто больше знаний, а действительно

полезных и нужных им и обществу знаний, навыков и умений» (курсив мой. — М.Щ

.). «Прессование времени» — понятная, доступная вроде бы цель, и так трудно достижимая. Сколько раз она казалась нам близкой. Точно утомленные путешественники, увидевшие впереди свет, мы ускорили шаг: «Вот там поворот, за ним пристанище, очаг». Но за этим поворотом был еще один и еще... Но вот, кажется, ключ к решению проблемы времени найден. Идея возникла не в школьном классе и не за рабочим столом—на деревенской улице, в образе, привычном с детства... Сруб колодца. Крутится барабан, наматывает цепь и поднимает полное ведро с чистой, родниковой водой. Сосед неторопливо переливает ее в свою бадью. Пустое ведро с гулким эхом падает в бездну. Всплеск—оно погрузилось в воду.

И вдруг слово–ключ, слово–образ— погружение! А за этим образом другой: цепь, звенья которой крепко соединены между собой, вытягивает полное ведро. И включилась мысль. Школьные предметы—те же звенья. Но сцепления в голове ученика не происходит. Мы пытаемся искусственно соединять их на финише, а надо бы с самого начала крепко связывать параграфы, темы, сосуществующие под обложкой учебника, в стройную, объединенную общей идеей конструкцию Знания. Постигать его нужно, погружаясь в самую суть, т.е. усваивая эту идею. Погружение. Слово обернулось идеей. Частичное ее обоснование подсказала психология. Открытия совершаются либо случайно (так кажется по крайней мере со стороны), либо благодаря напряженной, интенсивной работе по достижению цели, задуманного. На уровне обыденного сознания мы говорим: «Припекло, все бросил, ночами не спал, одолел измором». Собственно, что такое мышление как процесс? Уяснение внутренней структуры объекта (явления), фиксирование внешних и внутренних

его связей, прогнозирование возможных изменений по мере развития. Учителю приходится уже на уровне структурирования курса погружения анализировать его содержание, выделять знания, подлежащие, с одной стороны запоминанию, с другой—творческому осмыслению, определять для самого себя доминанту творческой задачи. Без этого мы не можем браться за главное—учить ребенка мыслить, побуждать его к поиску закономерностей, включать новую информацию в ранее усвоенное, с тем, чтобы все яснее и конкретнее представлять целостную картину всего здания, которое выстраивается и в котором каждый учебный предмет занимает свое место и выполняет свою функцию. Погружение—это способ познания. Логично использовать его прежде всего в начале знакомства с учебным предметом, чтобы вызвать интерес к нему, стремление познать как можно глубже; Затем, когда интерес к предмету пройдет точку пика, «ага–реакция» гаснет, важно сформировать у школьника мотив учения, установку: «это для меня явно необходимо». Иначе возьмет верх противоположный притягиванию процесс отторжения от предмета: «У меня не получается, а нужно ли мне это вообще?!» Далее последует вывод: «Не нужно, для меня лично даже опасно, подрывает состояние внутреннего комфорта», — и ученик подчиняется чувству самосохранения. А. А. Ухтомский выразил это так: поведением управляет закон доминанты, т. е. в первую очередь осваивается жизненно значимая деятельность. При традиционной урочной системе каждый следующий урок (новая доминанта) как бы стирает предыдущий, обесценивая его значимость. Неустойчивость доминант, возможно, и является одной из причин нервозности, быстрой утомляемости, раздражительности учащихся, низкой продуктивности их учебного труда. Переход из кабинета в кабинет, невозможность сосредоточиться на чем–то одном (вспомним, что умение сосредоточиваться надолго есть основное условие умственной деятельности), смена педагогов, разных манер преподавания также рассеивают внимание. Можно ли при таких обстоятельствах увлечься предметом? Чтобы определиться, найти «свой» предмет, нужно глубоко погрузиться в него, а не барахтаться на его поверхности, скользить по касательной. По–видимому, нужно определенное время, чтобы сориентироваться в пестром хороводе предметов, увидеть суть каждого, понять главное в нем, прежде чем решить для себя... «мое» или не «мое» это дело. Конечно, это только идея. Необходимо ее всестороннее научное обоснование, долговременный эксперимент и, самое главное, методическое обеспечение учебного процесса. Но вначале надо было убедиться в продуктивности самой гипотезы. Первое погружение по математике в IX классе шло шесть дней, с 24 по 29 сентября. После каждой пары уроков математики—разрядка: музыка, хореография или физкультура. За 32 учебных часа был пройден—курс года, (первоначальное знакомство с предметом в целом). На объяснение ребятам сути эксперимента, в котором они сами становились исследователями, времени ушло больше. Второе состоялось во второй четверти, спустя полтора месяца после первого, третье—через три месяца после второго, в начале марта, четвертое—в середине апреля. Каждое продолжалось от четырех до семи дней, но суть предмета, область знания, в которые погружался класс, были уже знакомы. Основные понятия, идеи курса, схваченные в первом погружении, получали дальнейшее развитие, конкретизацию, теоретические вопросы изучались глубоко, всесторонне. В ноябре выводили уже знакомые формулы, доказывали теоремы, раскрывали систему понятий. В

марте воспроизводили теорию на новом уровне—письменно, устно, с опорой на наглядность, модели... В середине апреля высший виток усвоения: придумывание задач, опыты, творчество. Хочу обратить внимание: в рамках одного дня во все периоды погружения учебная работа строилась так, чтобы в различных видах деятельности были задействованы все анализаторы (зрение, слух, моторика), индивидуальные занятия чередовались с групповыми и коллективными, репродуктивные задания с творческими. Поэтому познавательная активность ребят не только не снижалась, но и постоянно росла. После математики аналогичным образом входили в физику, после физики—в химию, снова возвращались. Еще Ф.Энгельс отмечал, что развитие—это отталкивание. И мы объясняли ученикам необходимость отталкивания от себя прежних, пробы своих сил в одном, другом, третьем. Ищи себя, пока не встретишь... Новая организация занятий требовала усилий, психологической перестройки не только от учеников, но и от учителя прежде всего, т. е. атмосферы творчества, поиска, исследования. Нам постоянно приходилось (и приходится) задавать себе вопросы: какова гарантия, что содержание предмета, подготовленное для погружения, включает главное и адекватно восприятию ученика? Не сжато ли оно так, что нагружается только память? Какие методы и их систему следует применить, дабы глубоко усвоить отобранный материал, обеспечить межпредметные связи, максимальный воспитательный и развивающий эффект непосредственно в процессе обучения? Поиски ответов на эти и другие вопросы побудили нас обратиться к изучению достижений науки, прежде всего педагогики и психологии, учителей–новаторов и лучшего опыта коллег. В этом поиске нам огромную помощь оказали ученые, особенно преподаватели Полтавского и Кировоградского пединститутов. Как мы проектируем погружение? Предположим, учебный материал года состоит из тем А, В, С, D, E. Время на его усвоение, к примеру, 120 часов. На первое ознакомление с курсом отводится четвертая его часть. Изучение рекомендуем проводить так: постигаем ABCDE, сравнивая при этом А последовательно с BCDE, затем В с ACDE и т. д. Важно обнаружить как можно больше связей и отличий, выявить общее и специфическое, проанализировать, сравнить, обобщить. Мысль учителя при этом в постоянном напряжении: как активизировать класс; как объяснить наглядно и доступно; как сказать так, чтобы ни одно слово не уводило в сторону, не раздражало, — ведь целый день предстоит работать вместе... Ученик при погружении вынужден быть сосредоточенным, внимательным, активным в каждую минуту урока. Причем он должен думать не только о себе, но и о товарищах, каждому из которых, возможно, потребуется помощь, так как учебно–познавательная деятельность организуется как коллективный труд. Привычный порядок расположения ученических столов изменен. Ребята объединены в группы по четыре–пять человек. Учителя у доски может и не быть. Его функции выполняют ученики–консультанты, актив, готовящийся к уроку заранее. Как правило, это наиболее успевающие по данному предмету ребята. Их добровольная нагрузка (обращаю внимание—добровольная) далеко превосходит нагрузку среднего ученика, но они в этом заинтересованы сами. Таким образом, создаются условия для индивидуального эффективного развития наиболее способных, увлеченных той или иной областью науки школьников. Причем по разным предметам актив будет свой. Как правило, почти каждый выступает в роли и учителя, и ученика, ведущего и ведомого, организатора коллективной работы и ее рядового участника, но заинтересованного в успехе общего дела—выполнении задания учителя. Нетрудно заметить, что здесь, нами использованы многие находки из опыта учителей, разрабатывающих формы организации коллективной учебно–познавательной деятельности, методики Ш. А. Амонашвили, С. Н. Лысенковой, В. Ф. Шаталова, И. П. Иванова, П. М. Эрдниева и других ученых и педагогов–практиков. Постоянную помощь нам оказывают и преподаватели Полтавского пединститута. После каждого погружения—совместный анализ. Как проходили занятия и цикл в целом? Каковы результаты? Как кто работал? В чем и почему были затруднения? Обсуждение внутри групп напоминает собрание производственных бригад: по–деловому обсуждаются план, ресурсы, производительность. Высказывается каждый, потом выступают бригадиры, обобщая мнение своих коллективов, заключительное слово — педагогу. Погружение—это совместная активная работа учителя и учащихся (всех и каждого), наполненная конкретным, реальным содержанием и смыслом. В ней не только

лучше и глубже усваиваются знания, но и формируется способность к саморегуляции деятельности, ее самооценке, сотрудничеству, деловому общению. В результате вырабатываются единые позиции, крепнет коллективный разум, развивается чувство долга, ответственности, формируются лучшие черты характера, социально значимая направленность личности. Ребята узнают друг друга, учителя, а он—своих учеников, их интересы, способности, работоспособность каждого, причины затруднения, конфликтов. Все это помогает педагогу вносить обоснованные коррективы в свою методику, проектируя дальнейшее развитие каждого школьника. В классах, где проводится погружение, более здоровый психологический климат. Это вполне естественно: и ученики, и педагог настроены на долговременную связь друг с другом. Погружение органично вписывается в систему эксперимента, помогает решать многие его воспитательные и развивающие задачи непосредственно в процессе главного труда школьников — учебы. Эксперимент еще только начинается, многое подлежит проверке, уточнению, не все элементы методики разработаны. Да и не каждый учитель в школе готов работать по-новому, а для успеха важна согласованность в действиях всех педагогов... Возможно, не все учебные предметы целесообразно изучать таким методом. Необходим коллективный поиск в этом направлении дидактов, психологов, методистов. Как же сами ученики относятся к обучению по-новому? Приведу характерные высказывания. VIII класс (первый год погружения); «Мне погружение нравится, так как мы за четыре дня проходим то, что за

год «Когда ведет урок учитель, мы делаем то, что придумано им. А во время погружения мы сами думаем...»; «Непонятно что-то—мы можем вернуться назад и все повторить заново...» (Обратите внимание на слово

мы!) IX класс (второй год погружения): «...если в день

4 предмета, то надо на каждый новый настрой, и даже можно запутаться. Например, идет математика, а в голове еще мысли по истории и т. д. А во время погружения мы постоянно вкладываемся в данный предмет. Появляется интерес»; «В некотором роде считаешь себя учителем, и это хорошо...» X класс (как и в VIII. первый год); «Стремишься помочь другим...»; «На задний план уходит „я“...»; «При погружении невозможно быть двоечником. Все занимают»; «Раньше у тебя двойка, соседу все равно, теперь не так...»; «На погружении сама несколько раз повторяю, да еще объясняю другим...»; «Ребята в группе очень стараются. И пытаются за лидерами тянуться...»; «Сидим все вместе. Всё делим: и плохое, и хорошее. И потом такими близкими становимся..!» Однако среди подавляющего большинства ответов «за» один был «против»: «Стала плохо заниматься, раньше самостоятельную писали 10 минут, сейчас 2, не успеваю...» Что ж, будем думать, искать. Поиск оптимального варианта в самом разгаре... В 1984/85 учебном году особого успеха добился IX класс. Курс математики по методу погружения ребята осваивали вместе с Ольгой Андреевной Удод. Страницы из ее дневника воссоздают атмосферу занятия.

Погружение первое.

Закончился очередной день. Хороший день. Почему—то пытаюсь скрыть праздничное настроение. До сегодняшнего дня сравнивала нынешний девятый класс с прошлым, и не было чувства удовлетворения. Казалось, все хуже. И вот сегодня—результат. Будто бы проявляла фотографии. Изображение возникало медленно—медленно. Ждала его с нетерпением. А вынуть раньше из реактива нельзя, впрочем, нельзя и позже—иначе изображение будет хуже.

Сегодня наконец—то оно появилось в девятом! Мои помощники Наташа Г., Федя К., Саша Б., Ира М., Наташа Л. разошлись по домам уставшие, радостные, с чувством исполненного долга. Небывалый случай! У Виктора К., Олега В. проявилось такое рвение к работе, что математики, полученной за день, им показалось мало. Хотелось еще и еще, чтобы подняться над самими собой вчерашними. Олег В. невольно перестал держать самооборону, он

внезапно самоутвердился в коллективе. И все восприняли это как должное...

Смотрела на Валю С. и вспоминала разговор с ее мамой. Валя очень запустила материал. Мама считает, что она стесняется обратиться за помощью и к учителям и к ребятам, а помощь ей ой как нужна. Валя действительно всегда молчалива. А сегодня я видела уже далеко не ту Валю. Когда произошла перемена? Я не могу относиться к девушке как раньше. Надо обязательно отметить ее успех в классе и не забыть поздравить с ним ее маму.

Нет двух страниц

сошлись как один. словно перед экзаменом заглядывали друг другу в тетради, что-то сверяли и как перед экзаменом задавали мне нелепые вопросы. Я разнервничалась. Звонок. поставила всем задачу на день: понять, вспомнить все пройденное за год. Но обязательно всем вместе. И конечно, рассказала о новой форме соревнования. Мои помощники сидели с лицами заговорщиков.

Вышел Федя. Перед уроком волновался: «Что если будут насмешки, реплики?» Нет. Все пошло хорошо. Федя, как всегда, на высоте. Гул в классе то нарастал, то падал. Я могла не следить за включенностью каждого — мои консультанты поработали отлично. Первые лидеры. Ребята вошли в азарт. На перемене класс кипел от впечатлений. Сгрудились у экрана соревнования, никто не вышел из комнаты. Командиры радовались больше всех: еще бы — столько звездочек.

Запомнился анализ дня. Вот оно — коллективное волнение, сопереживание происходящего? Вспомнили Васю — его искренний восторг, когда получил первое свое отличие. И восторг командира (Иры). отметили, какие самостоятельные удались хуже, где потеряли времени больше, чем планировали. Со следующего дня решено было внести ряд изменений, чтобы поднять роль коллективного труда в противовес единоличной погоне за звездочками. Не сомневаюсь, что теперь они будут готовиться тщательнее, с большей требовательностью друг к другу. С достоинством восприняли мое сравнение проделанной ими работы с работой студентов-практикантов педвуза...

Ребята — барометр. Все время ориентируюсь на них. Порой меня заносит на оригинальность. А они подсказывают: «Стоп?» Как же тяжело дались мне три первых погружения и какое чистое, светлое, радостное чувство осталось от итогового, последнего. И у меня, и у ребят».

Хочу подчеркнуть: наша цель — дать возможность каждому найти и реализовать себя, побудить к самообразованию, саморазвитию, научить учиться. К этому стремимся.

Новая форма организации учебного процесса позволила более интересно и продуманно организовать вторую половину дня, занятия по интересам. «Я хочу быть физиком... трактористом... художником... инженером... полеводом... ветеринаром...» — мечтают наши ученики. Мечтая, они строят свое «я». Как недооцениваем мы этого выдающегося архитектора личности—мечту!

Вспоминая надежды юности, мы грустим о несбывшемся, несвершенном, недостигнутом. А ведь, возможно, в том, к чему мы неосознанно стремились, и должна была проявиться наша одаренность.

Как же важно поддержать первые робкие шаги к себе — неповторимому, уникальному! Здесь также нужны ободрение и пробы, пробы сил непременно? Но мы, чего греха таить, предпочитаем отмахнуться от теребящей нас ручонки: «Я хочу...» — «Вырастешь, потом... Ты сначала сделай, а потом...» Ах, эта стандартная «мудрость» отказа. Потом! А часто ли наступает «потом»? С годами перечень того, что надо сделать «сначала» растет, не оставляя времени на «хочу». И смотрят в мир равнодушно недовольные глаза.

Два станка, два поля. Два работника рядом. У одного дело поет, у другого — плачет. Один человек нашел себя, а другой поплыл по течению, и появились горе–рабочий и горе–хлебороб. Разве мало нам бед от такого горя?

Закончились обязательные уроки. «Ты свободен. Что тебя интересует, ученик? Какое оно, твое дело? Ты еще не знаешь? Мы даем тебе возможность выбрать. Ищи, пробуй!» Разве может быть иной позиция школы?

В Ясных Звездах для более полного удовлетворения интересов ребят, мы соединили в один учебно–воспитательный комплекс общеобразовательную, музыкальную, художественную, спортивную, хореографическую школы, клубы юных техников и натуралистов, учебно–производственный комбинат. Как оживилась ребячья жизнь! Богаче и тоньше стали и отношения учителей с учениками. Наша общая жизнь стала яркой, деятельной, полной открытий. Ребята будто сбросили давящий обруч, на добрые, умные, полезные дела была направлена энергия их мысли. Изменился взгляд на школу, на учение, на самих себя, окружающее. Родилось чувство хозяев своей школьной жизни, своего времени, учебного и свободного, родного села, земли, на которой растут и будут работать.

С той поры люблю после уроков бродить по школьным коридорам. Особенно вечером. Отовсюду звучат ребячьи голоса, смех, музыка. Часы досуга, время любимых увлечений, фантазии, творчества.

— Да не полетит он.

— А я говорю: полетит.

— Не полетит, потому что была допущена ошибка при сборке...

Проходят мимо спорящие. Несут модель самолета, сделанного своими руками. У зеркал хореографического класса юные артисты ансамбля «Зори». Идет репетиция. Чем порадуют завтра ребята своих односельчан?

А здесь тихие голоса, сосредоточенные лица. Шуршит по доске мел. Клуб любителей математики.

А тут из обрывков пестрой ткани, меха, пуговиц и ниток рождаются куклы. «Приходите к нам на спектакль!» — приглашают пионеры.

У мольберта и за шахматной доской, столярного или хореографического станка, у баскетбольного щита или у пианино — всюду вдохновенные лица, добрые улыбки, сосредоточенность занятых делом, к которому лежит душа, гордость умельцев и мастеров.

Ребенок, пробующий свои силы, только начинающий догадываться, что они у него есть, нуждается в искреннем участии и просто в добром, ободряющем слове. Вот где незаменима роль старшего. Не упустить первые росточки успеха, первые блески таланта, поддержать, помочь осознать свои возможности, направить в нужное русло энергию, и сделать это тактично, умно, ненавязчиво. Но как часто нам не хватает времени (а может, души), чтобы заметить доброе, хорошее в ученике, чтобы помочь ему увидеть себя другими глазами, таким, каким он может и должен стать. Плохое замечаем, подчеркиваем, а вот доброе разглядеть часто и не пытаемся. А вслед за нами и ученики не умеют радоваться успеху товарища, доброму делу, сильным сторонам характера. Однажды я спросил у секретаря комитета комсомола школы: «Когда последний раз приглашали комсомольца, совершившего хороший поступок?» Секретарь посмотрела на меня непонимающе: «Разве за хорошее вызывают на комитет?!» Парадоксальное явление. Казалось, все мы, кого позвала школа, должны сосредоточить внимание и усилия на бережном возвращении лучшего в человеке. Но почему–то сплошь и рядом об этом забываем. Всю свою страсть обрушиваем на тысячи «не

так», волнуемся только по поводу плохого. Видишь, это у тебя нехорошо, а это еще хуже! Трудно не утратить веры в себя юному в атмосфере нравоучений, одергиваний, запретов. Школа радости отнюдь не сентиментальная мечта сердца. Мажор— необходимое условие здорового, оптимистического воспитания, пекущегося о росте ребенка как человека.

И потому я часто говорю себе и другим: «Учитель, спеши увидеть победу своего ученика, его силу. Только на основе веры в человека, уважения к его будущему возможно взаимопонимание. Это даст тебе силы и терпение помочь ученику найти себя». В начале эксперимента в Зыбкове самым трудным было преодолеть равнодушие, инертность многих ребят, пробиться сквозь их «не хочу» и «зачем мне это надо».

— Чтобы я занялся хореографией? Не пойду под пистолетом! — заявлял один.

— Да нет у меня интересов! Нету! — с вызовом говорил другой.

— А работать, учиться куда пойдете?

— Не думал я еще об этом. Там видно будет.

И понес свою неприкаянность таким же, как и он сам, приятелям.

Носителями «не хочу» были старшеклассники, и это тревожило особенно. Младшие же рвались во все предлагаемые на выбор кафедры по интересам. И пусть это была стихия сиюминутных стремлений, но они были, было желание расти. Мучил вопрос: что делать со старшеклассниками — махнуть рукой и заняться только младшими?

Я всматривался в жизнь младших и старших школьников, сравнивал. Выборы органов самоуправления в III классе. Лес рук! В глазах желание испытать себя. «Я буду командиром», — тянется каждый. В VIII—тишина и раздраженный голос классного руководителя: «Ну что, так и будем молчать? Мне что ли за вас выбирать? Не уйдем, пока не выберем!» В IX выборы проходят бойко: «А почему я? Вон Люлин давно уже не был». Да, у младших огорчение, если не выбрали, а здесь, если выбрали.

Захожу как-то в I класс. И только начал: «Ребята, есть дело! Кто из вас...» — «Я!» — не дав мне закончить, подался вперед Коля Ульянов.

— Почему это ты? Меня возьмите, я пойду...

— Нет меня! Меня! Меня!

Смотрел я на них и думал: «Какая силища! Какая энергия! Они не хотят знать, какое дело их ждет, важно участвовать в нем. Раз человек обращается за помощью, значит, важное». И захотелось мне тут же пойти в X класс.

— Это надолго? — спросил кто-то.

— А вы в седьмой идите, у них же физкультура, — предложил другой...

Я вышел, не хотелось убеждать, доказывать. Ожидал нечто подобное, но в душе горечь.

Казалось бы, стремление к общественной деятельности с годами должно крепнуть. Сколько собраний, митингов, сборов, линеек, бесед! Сколько слов? Если бы слова, зовущие быть активными, добрыми, умными, готовыми пойти по первому зову, превратить... в массу весом хотя бы в один миллиграмм каждое, рухнула бы под школой земля. Да, слов много...

Заканчивался второй год работы в Зыбкове. Случилось так, что мне пришлось заменить учителя во II классе. В конце последнего урока подходит ко мне Сережа Гаврилов:

Расскажите нам что–нибудь.

Да! Расскажите. О партизанах! О космосе! Лучше о разведчиках! И когда я придумывал, о чем рассказать, в притихшем классе вдруг робко прозвучало: — А лучше сказку хо–ро–шую...

— Сказку? Нет, о партизанах? О космосе!

— А лучше про то и про это!..

Долго мы сидели в классе. Рассказывал я и о космосе, и о партизанах, и о разведчиках. Вот уже закончилась «сказка хорошая», а я все не мог сказать: «Все, ребята, нам пора...» И только когда в окно заглянул вечер, мы разошлись по домам.

На следующее утро, еще не дойдя до порога школы, после звонкого «Здравствуйте!», услышал: «А сегодня к нам придете?» После уроков мы пошли в сад. Теплое солнце нежилось в ослепительности белого и розового цветения яблонь и груш. Гулко жужжали пчелы. Ребята в мгновение разбежались. И тут началось.

— Смотрите! И–их ка–кая!

— Сюда! Идите сюда? Это вредитель?

— Ой, как пахнет! А отчего запах?

— Лепесточек завернулся. Что с ним? Смотрите?

— А как дерево цветы выдавливает?

— А почему они белые?

В сложную симфонию запахов, гудения, жужжания, звонких пересвистов, хмельного брожения соков ворвалась и заиграла мелодия мысли. Мне хотелось бежать ко всем зовущим. Я захлебывался в этом головокружительном потоке вопросов, суждений. Тут не одного взрослого на тридцать, а тридцать взрослых на каждого надо, чтобы успеть только ответить.

Сраженный лавиной вопросов, я вдруг открыл для себя известное: развитие индивида в богатстве его отношений. Оно не терпит остановок, напротив, жаждет нескончаемого напряжения. Рывками, порциями уроков воспитывать нельзя. Много ли человеку надо? Много. Надо, чтобы кто–то услышал его, присмотрелся бы по–доброму. И он расцветет, вырастут у него крылья и не будет для него преград. Внимание, доброта нужна человеку больше всего. Личность начинается тогда, когда она вступает в отношения со всеми другими людьми. Качественно, богатством этих отношений определяется уровень развития, в том числе и способностей. Формирование личности как совокупности всех общественных отношений предполагает, с одной стороны, культивирование ее способности создавать, т. е. быть включенной уже в школе в широкомасштабное и многоплановое производство материальных и духовных ценностей, а с другой, созидание такого коллектива, где каждый находит понимание и поддержку.

Мы старались создать условия для развития способностей ребят, деятельного их самовыражения, поиска своей уникальности. Но при этом не отмечали результаты усилий каждого, его рост как личности, положительных сдвигов, изменений.

Попавшие в поле нашего зрения росли быстро, удивляя своими успехами педагогов, родителей. Они создавали лицо школы, выделялись в среде сверстников, о них говорили: «Какие у вас удивительно красивые дети?» Те же, кто не смог заявить о себе сразу, кто шел медленнее, по «чуть–чуть», оказывались в «отстающих», пополняя ряды прозябавших с установками: «А зачем мне это надо... Не хочу...» В этом «не хочу» — вызов, самозащита,

неуверенность в своих силах. Споткнувшись, подросток нередко спешит заверить, что он так и хотел, так и задумал. Если у него не получилось, он защищается тем, что убеждает других: «А я и не хотел...» Наша педагогика была педагогикой эффективного и эффектного старта, когда, поддавшись призыву «К вершине!», сделали рывок и не поверившие нам. Сдвиг был тем сильнее и ярче, чем ближе он оказывался к началу, к первой попытке. Поражаешься иной раз нашей наивности. С каким подъемом, с какой верой в чудо отправляли мы ребят в школу, искренне, от всего сердца вселяя веру в успех: «Дерзай? Получится!» Но увядали праздничные букеты, шли школьные будни, и с ними будто гасло стремление к продвижению. Старт был взят при зрителях, с музыкой, цветами, а на дистанции ни зрителей, ни судей, ни цветов...

— Валентина Петровна? Смотрите, это я сам написал? А я? У меня смотрите! Я здесь правильно сделал? — это призывы еще живой надежды первоклассников, тех, кто ближе всех к старту. А потом...

Мы обнаружили эту брешь, и много сил было отдано, чтобы закрыть ее. На первых порах неумело. Мы пытались взять на себя функции и судей, и ценителей. Но физически не могли «дойти» до каждого. Тех, кого замечали, ставили другим в пример, фактически от большинства отделяли, противопоставляя детей друг другу. Это тормозило наше движение и разделяло коллектив на группы.

Масштаб же личности, уровень ее развития определяются как раз богатством ее отношений со всеми другими. Наша тактика практически привела к замыканию внимания на нескольких учениках. Мы не сразу поняли, что стремление педагога помочь одному в его росте, пусть самое сердечное и доброе, в ущерб другим есть не что иное, как проявление авторитарного стиля воспитания. Надо было создавать действительную коллективность во имя полного расцвета дарований личности. Через тонкое и доброе внимание всех к росту каждого и такое же внимание каждого к росту всех.

И короткий урок, и введение в учебный процесс уроков погружения, стимулирующих познавательную активность, и сам режим учебы, и широкая сеть занятий по интересам—все это были шаги к созданию коллективности, бодрой, мажорной мелодии школы, к преодолению барьеров отчуждения между учителем и учеником. Но необходима еще была воспитывающая среда, гарантирующая полноценное воспитание и развитие каждого школьника. Мы поняли, что надо, но еще не знали, как надо. Не соберешь ведь всех в одном зале и не скажешь: «А теперь будем настоящим коллективом, будем воспитывать друг друга». Кстати, как ни смешно, но первое время мы почти так и делали, призывая наших учеников словами героя из известного фильма: «Ребята! Давайте жить дружно!» Ученики выслушивали нас, соглашались и даже пробовали, но самоуправление трещало по швам. На собраниях ребята упрекали друг друга в несознательности, заносили в протокол решения с фамилиями ответственных. Потом ответственные срывали голоса, а дело не двигалось. Наши отношения с ребятами даже ухудшились. Одни озлоблялись: «Слишком много командиров стало...», другим было неловко, что не справляются. На собраниях в одном зале собирались разобщенные между собой люди. Какая уж тут коллективная мудрость?

МАРТ НАШЕГО РОСТА

Думая над совершенствованием ученического самоуправления, мы все яснее видели необходимость создания другой структуры самого коллектива. В конце концов пришли к разновозрастному объединению, блестяще зарекомендовавшему себя в опыте А. С. Макаренки. Разновозрастные объединения мы пытались создавать и раньше, но они были

временными. Одними из самых удачных были производственные бригады лагерей труда и отдыха «Отважный» в Ясных Зорях и «Ясные Зори» в Зыбкове. Прошедшие трудовую школу в этих коллективах заметно отличались от сверстников боевитостью и доброжелательностью, готовностью взять на себя трудное поручение, ярко выраженным стремлением и к самовоспитанию, и к участию в воспитании других. Эти ребята составляли наш комсомольский и пионерский актив, старшие вели за собой младших. Положение старшего, в которое попадали наши ученики, творило чудеса. Они проявляли требовательность к себе и другим, подтягивались, старались становиться и становились лучше, чтобы быть примером для подопечных. В свою очередь, младшие с рвением влюбленных бежали исполнять поручения старших, ловя «в оба уха и оба глаза» каждое их слово и жест.

«Всякий, кто в здравом уме, — свидетельствовал еще Платон, — всегда стремится быть подле того, кто лучше его самого». Старшим импонирует внимание младших. Видя в нем признание своих достоинств, они и в самом деле их обнаруживают, привыкают уважать себя. Воспитывая младших товарищей, они перестраивают самих себя, стремятся стать лучше. Создается прекрасная основа для серьезного воспитания тех и других, возникает как бы сам собою дух коллективизма, формируется потребность в самосовершенствовании, саморазвитии, утверждении гуманных отношений.

Союз младшего школьника со старшим утоляет жажду человека быть признанным, значимым в глазах окружающих. «Вот когда вырасту, я...» — мечтает малыш. И как хочется ему приблизить это «когда»! Очень хотят ребята забежать вперед, в свое завтра, в больших и важных делах взрослых попробовать себя, быть там, где настоящая жизнь. Невольно вспоминается: «Дорога ложка к обеду», когда смотришь на ручки первоклассника, хватающие взрослые инструменты. С какой любовью смотрят его глаза на того, кто подарил ему радость испытания себя! С каким достоинством работает он рядом со старшими! Вот и надо дать ему возможность действовать так, как просит его сердце. А мы ему — деляночку с тремя огурцами и одной морковкой да табличку красочную: «Здесь работает Петя К». Пете горько у своего «поля», которое можно прикрыть рубашкой. И табличка, и «поле» — свидетели приговора: «Ты еще маленький... Тебе еще рано... Вот когда...» Жизнь для детей в школе не жизнь, а ее ожидание.

Если учесть, что день в детстве гораздо «длиннее» дня взрослого, нетрудно понять, каким безнадежно несбыточным кажется юному человеку его завтра. И как следствие нашей недальновидности снижается социальная активность детей, появляется «вдруг» нигилизм подростка, растущая его отрешенность от мира взрослых. Мы не пускали его в свой мир, когда с мольбой и надеждой зывало о том его сердце. Стоит ли удивляться разобщенности между старшими и младшими, их глухоте друг к другу, если каждый занят своим, только ему интересным делом. Спросите у младших, часто ли они встречаются со старшеклассниками. Можно ли в школе наблюдать общение этих ребят? А ведь мы хотим содружества, коллективности, в которых постепенно, шаг за шагом, каждый день «чуть-чуть» растет ученик как человек.

Идя навстречу этой удивительно благотворной для воспитания потребности в признании, уважении окружающих, надо испытывать ребят в реальном общественно значимом деле. Таким делом является производство материальных ценностей. Производительный труд и есть заманчивая дверь в таинственный мир взрослых отношений, к которой тянется детское сердце. Открыть ее по силам и младшему, если рядом с ним ребята постарше. За этой дверью и для педагога открываются невиданные прежде горизонты воспитания учащихся. Философ Э. В. Ильенков подчеркивал, что личность человека формируется, когда он производит продукт, всех других волнующий и всем другим понятный. И в самом деле, чтобы как-то оценить другого, надо по меньшей мере понимать само его дело, его продукт. Не зная дел, нельзя понять человека.

Производительный труд — колоссальное средство воспитания уже только потому, что

созданное им обладает наглядностью, материальностью, аккумулирует в себе качества личности создателя, делая «стоп–кадр» его сильных и слабых сторон. В разновозрастном трудовом коллективе участие всех в общем деле дает возможность объединить усилия младших и старших, распределить между ними нагрузку в зависимости от сил, возможностей, интересов каждого. Острота, свежесть эмоциональных реакций, непосредственность суждений и впечатлений младших помогают тем, кто постарше, лучше видеть и само дело, и себя, и других. В свою очередь, старшие помогают младшим понять суть дела, его значение. организовать труд на началах взаимопомощи, коллективизма. В непосредственном общении, поступках и поведении всех и каждого конкретизируется «что такое хорошо и что такое плохо», формируется важнейшее человеческое умение «в мгновение видеть вечность, огромный мир в зерне песка». Учить ребят в сделанном ими самими и другими различать человека, его отношение к людям, обществу, жизни, воспитывать в них потребность к творческому труду на общую пользу, формировать стремление прежде думать о Родине, а потом о себе, гражданские мотивы любой деятельности — значит учить их коммунизму.

Однажды я присутствовал на заседании бюро райкома комсомола. Первый вопрос каждому вступающему в комсомол был: «Как ты учишься?» И если следовало: «Хорошо!», секретарь, улыбаясь, говорил «По доброй традиции (!) отличников учебы мы принимаем сразу». А во имя чего человек учится, какую жизненную цель перед собой ставит, секретаря не интересовало. Так происходит сужение целей и ценностей. Надо уметь по–ленински ставить вопрос, чему учиться и как учиться, и по–ленински на него отвечать—учиться коммунизму. Это значит сочетать образование и воспитание, развивать общественную активность школьников. Тогда мы перестанем сокрушаться по поводу слабой связи школы с жизнью, инфантильности многих наших выпускников и никому не придет в голову успехи в нашем труде мерить по показателям в журнале, по красивому плану–отчету о «мероприятиях». Идеино–политическое воспитание не будет сводиться к формальным рассказам о жизни, беседам и лекциям.

Четкая направленность реформы школы на соединение обучения с производительным трудом, на воспитание коммунистической нравственности вытекает из ленинской мысли: «Без работы, без борьбы, книжное знание коммунизма... ровно ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой...» Учиться коммунизму должно стать главным трудом ученика и учителя, дабы не получать «начетчиков или хвастунов». Исходя из этой задачи, смысл деятельности школьного комсомола и пионерии—активное участие вместе с народом в борьбе за коммунистическое преобразование жизни и воспитание нового человека, умелого, умного, творческого деятеля–коллективиста.

Такого человека можно воспитать только в настоящем, производительном, умственном и физическом — труде на общую пользу. Этот труд — ведущее средство производства всесторонне развитых людей. Коллектив, умеющий этим средством грамотно пользоваться, будет воспитательным.

Над чем бьется учитель в школе? Над тем, чтобы ученик захотел учиться, чтобы он понял важность, необходимость образования. «Ты почему не выучил? Ты почему не работаешь? Ты почему не слушаешь объяснение?» — нередко спрашивает учитель, а в ответ слышит: «А зачем мне это надо? Не хочу и не буду...» Известный режиссер Ролан Быков высказал интересную мысль: «Мне кажется, главное наше упущение в том, что мы неточно раскрываем смысл слова

учиться. Учить себя — вот что должен делать ученик в школе». Пока же вся ответственность за то, чтобы ученик учился, ложится на учителя. И он, за редким исключением, старается. Но усилия его не всегда венчает успех, потому что нет ответного стремления ученика знать, быть воспитанным. А нет желания, потому что кто–то давным–давно придумал: сначала ученик должен научиться, а потом, как закончит школу, увидеть, зачем ему это надо. А ведь сегодня каждому должно быть ясно: школа—это не только и не столько место обучения

потреблению (как лучше, быстрее взять, усвоить, запомнить знания), но и прежде всего место обучения производству (как лучше, полнее отдать другим усвоенное, накопленное), т. е. место коллективного созидания личности со всеми необходимыми нашему общественному строю качествами. Для этого нужно создать такую среду, где бы ученик не только понял необходимость своего учения и воспитания, но и стремился жить деятельно и активно, совершенствуя себя.

Коллективный, педагогически верно организованный производительный труд включает своих участников в такие взаимоотношения, когда сбой в одном звене ослабляет всю цепь, когда некачественная работа одного человека сводит на нет усилия всех, когда недобросовестность, леность, неразвитость, незнание, неумение одного работника отрицательно отражаются на всем производстве. Трудовой коллектив, заинтересованный в результате своего труда, предъявляет высокие требования к личности каждого, поэтому воспитание человека, развитие его способностей выступают как производственная необходимость. Сознвая себя частью коллектива, человек будет стремиться стать таким, каким его хотят видеть. Вступая в отношения с другими производственными коллективами, он приходит к пониманию истины, что человек— труженик, деятель, а не созерцатель, он—творец своей судьбы и судьбы своего народа. Поэтому нет у него права быть слабым, несовершенным. Слабостью, несовершенством мы ослабляем свой народ. Мы не смеем проходить мимо страждущего, не смеем быть равнодушными ко злу и добру. Мы за все в ответе. Такое понимание своего места среди людей и есть главный фундамент личности.

Недаром А. С. Макаренко опытом своим, всей жизнью страстно и убедительно доказывал, что воспитание должно быть «основанным на развитии экономически эффективного, производительного коллективного труда и творчества», что рост личности и самого коллектива «происходит параллельно развитию хозяйства и внедрению коллектива в управление этим хозяйством».

Верно, скажет мой оппонент, однако у Макаренко постоянным первичным коллективом был разновозрастный отряд по месту жительства. Но если мы возлагаем на разновозрастный первичный коллектив функцию главного и непосредственного воспитателя, то мы не вправе лишать его и ведущего средства, основы воспитания, каким является производительный труд.

И вот мы приступили к созданию такого коллектива, каждый член которого будет поставлен в позицию хозяина производства, самостоятельного и активного творца общего дела.

Прошли комсомольское, пионерское и общешкольное собрания. Утверждены списки бригад. Избрано руководство. Принято решение об организации школьного аграрно–промышленного комплекса с именем «Надежда». Оставалось «малое»: создать сам комплекс. Оптимальный путь виделся в организации собственного предприятия, действующего на договорных началах с местным колхозом «Путь Октября» и предприятиями близлежащих городов. Мы выступали на первом этапе в роли коллективных исполнителей их заказов, используя на наших площадях их станки, оборудование и одновременно готовясь к пуску собственного производства. Наши бригады включались в коллективный производительный труд на хорошо отлаженном предприятии, приобретали необходимый опыт хозяйствования, овладевали рабочими умениями и навыками. Со временем сложившийся трудовой коллектив оставалось перевести на рельсы собственного хозяйства. Почему собственного?

Много лет работал я вместе с ребятами в составе производственной бригады в самых разных хозяйствах. И не раз сталкивался с тем, что, выступая в роли коллективного исполнителя, мы всегда попадали в производственный конвейер, под который надо подстраиваться, независимо от того, удобна ли нам такая организация труда или нет. Помню, однажды, взяв цех по откорму телят на животноводческом комплексе, мы задумали перестроить режим кормления таким образом, чтобы делать это не в ущерб занятиям. И не смогли добиться

перестройки. Наконец, соображения материального порядка. Работая даже по методу бригадного подряда, мы могли обеспечить неплохой заработок ребятам. Но где взять деньги на школьные нужды, на расходы, которые вырастают из детской мечты: иметь свой автобус, путешествовать, купить оркестр, сшить форму, костюмы для танцевального ансамбля, куртки для самбо, создать свою фонотеку, киностудию и т. д. и т. п. Просить помощи у доброго шефа? Расходовать положенную детям заработную плату? Мы же не поступаем так с заработком взрослых? Нет, школа должна быть самостоятельным, экономически эффективным предприятием, а ребята—подлинными хозяевами производства, ответственными за его организацию. Только когда они сами станут решать, как выполнить ту или иную задачу, экономические расчеты, и думать, о перспективах расширения производства, мы сможем готовить широко, по-государственному мыслящего, знающего, творческого работника, а не просто исполнителя наряда, рабочего задания.

Предприятие, на котором работают дети, должно своей целью иметь не план, не прибыль, а воспитание, развитие гармоничной личности, многостороннюю подготовку к труду. В этом его главная специфика. Поэтому оно должно быть не узкоспециализированным, а многоотраслевым.

Вспомним, процесс развития идет там, где есть необходимость преодоления, «отталкивания» от себя несовершенного, где не допускается привыкания к среде. Однажды в составе делегации я побывал на Вологодской кружевной фабрике. Смотрел, затаив дыхание, как бегают пальцы кружевниц по двигающемуся барабану, нанизывая на металлические стержни нити. Мне казалось, одно мое неосторожное слово—порвется нить, работа погибнет. Но, помолчав несколько минут для приличия в связи с нашим визитом, девчата снова бойко разговорились, не обращая на нас внимания. Процесс производства был освоен ими до автоматизма, голова их была «оторвана» от рук.

Мы не можем так поступать с детьми. Чтобы не «оторвалась», во всяком случае, надолго, голова от рук, необходим переход с одного вида производства на другой.

В нашем комплексе шесть производственных участков: теплица, кролеферма, микрокалькуляторный, мебельный, керамический, швейный, которые, кроме первых двух, работают с октября по апрель включительно. В остальное время бригады выполняют необходимые сельскохозяйственные работы в колхозе «Путь Октября». Занимаются полеводством, садоводством и овощеводством. С октября по апрель через каждые полтора месяца бригады меняют вид производства. Последние две недели каждого двух месяцев комплекс работает ниже обычного уровня. Это переходный период, когда бригады становятся сводными, обмениваясь специалистами: одни учат, другие учатся. Подготовив замену, отряд присоединяется к уже обученному авангарду своей бригады в качестве его коллективного ученика.

Опыт у нас небольшой, мы в стадии становления, но сомнений в правильности такой организации производства нет. Период адаптации проходит быстро, без затруднений. С каждым новым кругом, новым переходом время на подготовку смены сокращается. Пик наивысшей производительности труда, как правило, приходится на вторую половину первого месяца, затем наступает медленный спад. Мы рассчитываем опытным путем выявить наиболее целесообразное время с точки зрения развития ребят и производительности их труда.

Скажу откровенно: когда мы начали работу без домашних заданий, когда перешли во всей школе на короткие 35-минутные уроки, не волновался я так, как волновался за судьбу разновозрастных трудовых объединений. Не потому, что «мы пощажены не будем...», — волновало другое: судьба экспериментальной работы, всей совокупности идей. Структура учебно-воспитательного процесса иерархически перестраивалась, отдавая место основы фундамента своего производительному труду, разновозрастному трудовому коллективу, его

комсомольской и пионерской организациям. Одно дело, когда производительный труд—добавление к общему процессу воспитания, другое дело, когда на него возлагается роль как бы первотолчка—начала всех начал. В слабой материальной базе, в необязательности наших шефов—заказчиков, их недоверчивом отношении, откровенном непонимании роли труда в воспитании детей, вдобавок ко всему в экономической хозяйственной нашей нерасторопности мы имели и до сих пор имеем одну из главных причин нестабильности нашего аграрно—промышленного комплекса. И это резко тормозит развитие коллектива, а, следовательно, всю экспериментальную работу. Но, как говорят, нет худа без добра. Тяжелый переломный период в нашей жизни показал силу разновозрастных объединений ребят. В критические минуты сбоев, срывов, горьких уроков бесхозяйственности некоторых взрослых мы не теряли присутствия духа только потому, что имели поддержку воспитанников. На глазах крепло коллективное самоуправление. Теперь на общих собраниях поднимаются все сложные вопросы, они обсуждаются, детально рассматриваются, и если принимается решение, то в его выполнении можно не сомневаться. Мы все чаще слышим «надо» вместо «не хочу».

Оживилась работа комсомольских и пионерских организаций, она приобрела более четкую идейную направленность, возрос авторитет комсомольцев в глазах не только ребят, но и взрослых. Родители теперь часто идут за помощью и к учителю, и к секретарю комсомольской организации, и к отрядному вожатому, и к председателю совета отряда. «Надо посоветоваться с нашими комиссарами», — часто можно слышать в учительской. Радует нас и укрепление контактов между комсомольцами и пионерами. Они часто решают вместе не только хозяйственные дела, но и вопросы учебы, досуга, внутриколлективных отношений, помогают друг другу в выполнении общесоюзных операций. Таким образом, связь между ними стала более прочной и разносторонней.

А соревнование! Какое это, оказывается, мощное воспитательное средство! Смотры, конкурсы, олимпиады, конкурсы самых различных форм, создают драгоценную заинтересованность в общем деле, стремление выполнить его как можно лучше, перенять ценное в опыте других. Разновозрастный состав равных по силе коллективов позволил комсомольской и пионерской организациям развернуть широко и интересно соревнования по всем педагогике у воспитателей—наставников младших (комсомолец—пионер, пионер—октябренок), взаимоотношения которых с подшефными стали носить индивидуальный характер. Практически занятия педагогикой начались задолго до открытия специальной кафедры—из самого процесса жизни ребят, из самого строя их новых отношений, нового мышления. Ребята потянулись к учителю как к профессионалу, чтобы найти ответы на многочисленные вопросы, рождаемые практикой.

Тягу к педагогике поддерживали и все остальные наши кафедры, объединяющие ребят, увлеченных той или иной областью науки, техники, искусства, спорта. Учителя всячески поощряли стремление приобщить к миру своих увлечений других школьников. Но по—настоящему члены кафедр стали выступать в роли обучающихся после создания разновозрастных коллективов. Мы это связываем с тем, что они небольшие по количеству (12—15 человек в отряде из пяти классов и, следовательно, 24—30 в двух отрядах бригады), построены на добровольных началах (кто с кем хочет, но не более 3 человек от класса), а потому позволяют найти подход к каждому, узнать его склонности, желания, чтобы помочь «найти себя». В таких коллективах создается атмосфера психологического комфорта, раскованности, в которой легче увидеть достоинства свои и товарищей по объединению.

Идя на урок в роли учителя, ребята перестали чувствовать себя «не в своей тарелке», бояться насмешек, упреков в подхалимаже—излюбленном приеме недоброжелательных сверстников. Они учились организованности, спокойной требовательности, умению быстро распределять деловые роли, четко и лаконично выражать свои мысли и другим деловым качествам. У педагогов появились не просто помощники, а юные коллеги, с позиции ученика разъясняющие происходящее в классе, что важно для сближения интересов учителя и

ученика на деловой, творческой основе. Это заметно оздоровило обстановку, выбило почву из-под ног у тех, кто привык обманывать учителей и товарищей, уходить от ответственности, лодырничать, нарушать дисциплину.

Конечно, сближение ребят с педагогами идет сложно, не всегда по восходящей, были, есть и будут конфликты, кризисные ситуации. Но конфронтации уже нет. И те, и другие все больше начинают осознавать себя единомышленниками, делающими одно общее дело. И я повторяю мысль, вычитанную у Гегеля: «Только через осуществление великих целей человек обнаруживает в себе великий характер...».

Детей нельзя воспитывать по-детски. Ребенок играет ту роль, которую ему предоставляют обстоятельства.

Маленькая роль растит маленького человека, масштабная, великая роль растит масштабную, великую личность.

Зрелость, ответственность, талант не выдашь с аттестатом об образовании, они приходят в результате испытания человека обстоятельствами жизни, требующими от него гражданской зрелости, ответственности и таланта.

На моем столе только что полученные данные сравнительного исследования учеников Зыбковской и контрольной школ, ведущегося в течение трех последних лет под руководством кандидата психологических наук В. Ф. Моргуна. В Зыбкове с годами учения у ребят возрастает взаимопонимание с учителями, друг другом, наши дети более коммуникабельны. Мир их интересов шире, а нашедших любимое дело больше. И особенно важно, что среди определивших себя и свои интересы много старшеклассников. Значит, сдвинули с мертвой точки это проклятое «не хочу», что так мучило нас все эти годы.

Приведу некоторые наиболее типичные ответы наших учеников старших классов на вопросы анкеты, разработанной психологами. Их заполняли все учащиеся, фамилии не указывались.

С каким настроением чаще всего идешь в школу?

— Радостным. В школе мы постоянно вместе, вместе работаем...

— Идешь по школе, с одним поговоришь, с другим—у меня в школе чаще всего приподнятое настроение.

— Бывают, конечно, переходы от очень радостного к нормальному и наоборот. Плохого настроения в школе за последние годы не помню...

— Настроение портится, когда в школе грязно. У нас дежурство: сами убираем, моем. Обидно, когда кто-то подвел...

— Если плохое настроение, я стараюсь в школу не ходить, чтобы другим его не портить. Но это бывает редко.

— Настроение портится, когда сталкиваешься с безразличием, равнодушием со стороны ребят и учителей. Это иногда бывает.

— Плохое настроение чаще всего связано с учителями. Когда они, допустим, на крик срываются. Или на словах за эксперимент, а на деле...

— В школе меня радуют друзья, наши отношения с учителями, сама обстановка...

— Хорошее настроение, когда удается что-то сделать, работа интересная была, готовились в школе к вечеру, смотрю...

— Утром иду в приподнятом настроении, если накануне на уроке хорошо поработал сам и другому помог. Оценка была заслуженная. Идешь и заранее знаешь: сегодня тоже настроен поработать...

— Настроение падает, когда нас не поняли. Мы хотели сделать сами, а нам не дали...

Что больше всего радует в школе?

— Отношения между людьми.

— Общение с другими людьми, если понимать его не как треп. При этом работаешь над собой. Чувствуешь, надо расти...

— Все-таки общение с людьми. Из него вытекает как следствие и плохое, и хорошее. Но хорошего у нас больше.

— Общение в труде. Здесь каждый сразу выдает свое истинное лицо.

— В школе с ребятами и учителями можно о многом разговаривать...

— Из нашей школы выходит человек намного серьезнее, лучше, в нем меньше грязи... Ошибки, конечно, и у нас есть, не всегда удается достичь, чего нам хочется. Но когда удается—на душе радостно.

Что вам нравится делать? Что стараетесь делать своими руками?

— Нравится, когда после зимней спячки все вместе убираем школьный двор...

— Активно общаться с людьми. Больше всего интересно думать, размышлять над взаимоотношениями между людьми. Ничего интереснее не бывает. Раньше: ходят люди. А мне что до них? А сейчас знаешь, видишь, пытаешься понять каждого человека...

— Вместе с учителями согласна заниматься чем угодно, а под их руководством—ничем.

— Нравится доводить начатое до конца. Чаще всего, для этого приходится сделать над собой усилие... Растить в себе такое отношение трудно. Его одно растить нельзя. Оно связано со всем другим: отношением к добру, злу, отношением к людям...

— Доводить начатое до конца, хотя это трудно, когда получается, очень здорово.

— Общаться с теми, кто по моим понятиям настоящий. Настоящим можно стать. Только для этого нужно ответственное дело, в которое ты был бы втянут.

— Нравится физическая работа. Труд и спорт. Дома люблю всё делать своими руками. — Работать над собой. Пытался и пытаюсь быть спокойнее, добрее. Не быть нервным. Побороть лень.

— Активно общаться с людьми. Дома больше всего люблю наводить порядок...

— Работать над собой. Я иногда несдержанна. Могу не так сказать. Бываю скованна...

— Люблю дежурить в классе. Вечером после кафедр уберемся или рано утром. Все приходят в чистый класс. Приятно.

— Делать что-то с людьми.

— Работать на кафедре.

— Люблю слушать лес. Часами могу наблюдать за звездами. Увлекаюсь зрелищем восхода, заката...

— Наблюдать природу. Смотришь в окно во время дождя и размышляешь...

— Люблю читать. Нравятся Толстой, Пушкин, Лермонтов, Блок. Читаю не быстро. Растягиваю удовольствие.

— Работать над собой. У меня усидчивости мало. Много усилий требуется для сосредоточенности. Порой могу даже вспылить. Стремлюсь к сдержанности.

— Хочется не то чтобы знать, это само собой. Но шире видеть. А для этого надо и больше знать, и больше общаться, и больше читать.

— Мое самое любимое занятие—слушать птиц, хотя не всегда различаю их по голосам. Люблю музыку, Моцарта в особенности. В школе слушаем музыку почти каждый день.

— Заниматься самовоспитанием. Порой мешает не лень, а неподготовленность, что ли. Хочу работать над собой. Быть внимательным к людям.

— Люблю заниматься на кафедрах. Там учителя вроде бы те и не те. Настрой другой. Особенно интересно, когда идешь с опережением на год. Так было по математике, химии, физике... К себе уважения прибавляется...

Могут ли родители разделять все ваши увлечения?

— Нет. У них другое образование. Другая жизнь. Но они радуются, когда у нас что-то получается... Считаются ли с вами в школе педагоги?

— Чаще считаются, чем нет...

— Мы ведем разговоры на равных и с директором, и с завучем. Советуемся, спорим.

— Бывали случаи, когда не получалось, как мы хотели. Но к нам все же прислушиваются.

— Мне все время кажется, что учителя еще обидчивее, чем мы. С ними надо даже осторожнее, чем с ребятами.

— Чем больше нам доверяют, тем больше мы в себя: верим и больше делаем...

— С нами советуется, к нам учителя прислушиваются. Это большое дело...

— В лагере всё, что делаем, идет только через совет, бригадиров...

— У нас собраний формальных не бывает. С нами считаются...

— Мы многое решаем сами, например, в бригадах. Не директор школы, а мы сами, бригада решаем, кого поощрить и выделить за хорошую работу...

Ответы ребят не могут не радовать.

И все же на душе по-прежнему тревожно. Мысленно иду по школе и вижу не только радостные, не только задумчивые или грустные, но и пустые глаза. Недорабатываем. Что же не учтено? Где еще одна заковыка в системе наших представлений о будущей школе? И одна ли?..

Идет март нашего роста. Еще веет холодом непонимания, то там, то здесь лежат серые пятна незнания, неумения, и наши достижения пока только проталины, появляющиеся по всему

полю предстоящих боев за новые и светлые начала жизни. Но мы с каждым днем все яснее: видим густую и буйную поросль нашей мечты. И это воображаемое завтра, становящееся после долгих лет труда все более осязаемым, придает силы надеяться, верить и созидать.

Примечания

1

Совет командиров классов выполнял у нас функции учкома

2

Впоследствии «свободный час» по гигиеническим соображениям был заменен на ежедневные уроки движения (физкультура, бальные и народные танцы). Занятиям по интересам была отдана вторая половина Дня.

3

' Эта сигнализация, придуманная В. Г. Рынзиной, очень оживляла урок. У каждого ученика на парте по три такие пластинки. Одна сторона всех пластинок—синего цвета, а с другой стороны пластинки окрашены в красный, желтый и зеленый цвета: красный — «не согласен с ответом», зеленый — «согласен», желтый — «хочу добавить», синий — «задание выполнил, прошу дать новое».